

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RGGU BULLETIN

№ 6(68)/11

Scientific journal

Journalism. Literary Criticism Series

Moscow
2011

ВЕСТНИК РГГУ

№ 6(68)/11

Научный журнал

Серия «Журналистика. Литературная критика»

Москва
2011

УДК 070
ББК 76.01я43

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Заместитель главного редактора
Д.П. Бак

Ответственный секретарь
Б.Г. Власов

Главный художник
В.В. Сурков

Серия «Журналистика. Литературная критика»

Редакционная коллегия:
Е.Н. Басовская
В.Л. Гопман
О.И. Киянская
М.П. Одесский – отв. редактор
Н.В. Ростова
Н.К. Сванидзе
Д.М. Фельдман
Т.Н. Худобина-Землянских
П.Э. Шульцман

ISSN 1998-6769

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

История журналистики и литературной критики

<i>А.Г. Готовцева, О.И. Киянская</i> Из истории русской журналистики 1820-х годов: К.Ф. Рылеев, Ф.В. Булгарин и П.П. Свиньин	11
<i>Т.М. Кудрявцева</i> Образ Японии в газете «Русские ведомости» (1895–1902 гг.)	37
<i>Е.Л. Яворская</i> Одесская пресса 1918–1919 гг. о гибели Анатолия Фиолетова	49
<i>М.П. Одесский</i> Страна гипербореев. Оккультная топика в советской прессе и фантастике (1920-е годы)	55
<i>Ю.В. Парсамов</i> «Этот писатель – почти дебютант» (к истории ранних журнальных споров о Бабеле)	68
<i>Т.С. Кутаренкова</i> П.Б. Струве – редактор газеты «Возрождение»	76
<i>Ю.Г. Бит-Юнан</i> Ранняя журналистика В.С. Гроссмана (1928–1929 гг.)	86
<i>Э.А. Суздорф</i> Образы Ленина и Сталина на страницах журналов «Ёж» и «Чиж» (конец 1920-х – 1930-е годы)	94
<i>И.Н. Агейкина</i> Журнальная рецепция романа В.А. Каверина «Два капитана»	103
<i>Е.Н. Басовская</i> Вопросы культуры речи в советской прессе (вторая половина 1940 – начало 1950-х годов)	113

<i>Е.В. Бродская</i>	
Спектакль Ю.П. Любимова «Гамлет» в советской прессе начала 1970-х годов	123
<i>С.В. Павлова</i>	
Язык современной газеты: механизмы десоветизации	129
<i>Е.В. Арутюнова</i>	
Полемика о «масштабной реформе языка» (на материале прессы 2001 г.)	138
<i>Е.В. Леонтьева</i>	
Политическая карикатура Ш. Филиппона и французская журналистика середины XIX в.	149
История публицистики. Риторика	
<hr/>	
<i>Н.А. Бачинская</i>	
Дипломатические послания Ивана Грозного как публицистический текст (послание Стефану Баторию 1581 г.)	159
<i>А.Г. Готовцева</i>	
Как «природа» обернулась «свободой»: к истории публикации одного пушкинского текста в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения»	166
<i>С.М. Волошина</i>	
Художественное своеобразие публицистики А.И. Герцена. Приемы контраста и метафоры	180
<i>М.М. Одесская</i>	
«В человеке должно быть все прекрасно»: Чехов и марксистская публицистика	189
<i>Е.Н. Басовская</i>	
«Чистота языка» как пропагандистский повод	205
<i>С.Е. Эрлих</i>	
Топоним «Сенатская площадь» в современной публицистике	222

Публикации

Л.Ф. Кацис

- Владимир Жаботинский о Леониде Андрееве
(К проблеме атрибуции псевдонимных газетно-журнальных текстов
В. Жаботинского 1901–1907 гг.) 230

Библиография

С.М. Волошина

- Рецензия на книгу: *Желвакова И.* Герцен. М.:
Молодая гвардия, 2010. 592 с.
(Серия «Жизнь замечательных людей») 245

Э.А. Суздорф

- Рецензия на книгу: *Фатеев А.В.* Сталинизм и детская литература
в политике номенклатуры СССР (1930–1950-е годы).
М.: МАКС ПРЕСС, 2007. 352 с. 249

А.М. Бекина

- Рецензия на книгу: *Моисеев А.Н.* Средства массовой информации
и общественное сознание: Монография. Чебоксары:
Чувашский гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева, 2009. 278 с. 252

Е.В. Леонтьева

- Рецензия на книгу: *Varidon L.* L'art et l'histoire de la caricature.
Paris: Citadelles&Mazenod, 2006. 303 p. 256

Abstracts 261

Сведения об авторах 269

CONTENTS

History of Journalism and Literary Criticism

<i>A. Gotovtseva, O. Kiyanskaya</i> From the history of Russian journalism of the 1820s: Konraty Rileev, Faddey Bulgarin and Petr Svin'in	11
<i>T. Kudryavtseva</i> The image of Japan in the newspaper "Russkie vedomosti" (1895–1902)	37
<i>El. Yavorskaya</i> Odessa press of 1918-1919 on the death of Anatoly Fioletov	49
<i>M. Odessky</i> The Hyperborean Country. Occult themes in Soviet periodicals and fiction of the 1920s	55
<i>Yu. Parsamov</i> This writer is almost a debutant (on the history of early media debates about Babel)	68
<i>T. Kutarenkova</i> P.B. Strouve – an editor of the "Vozrozhdenie" news-paper	76
<i>Yu. Bit-Yunan</i> V.S. Grossman's early journalistic works (1928–1929)	86
<i>E. Susdorf</i> The images of Lenin and Stalin on the pages of the "Ezh" and "Chizh" children magazines: the end of the 1920s – the 1930s	94
<i>I. Ageykina</i> Journal reception of V.A. Kaverin's novel "The two captains"	103
<i>E. Basovskaya</i> Questions of speech standard in the Soviet press (the second half of the 1940s – the beginning of the 1950s)	113

<i>E. Brodskaya</i>	
"Hamlet" of Y. Lubimov staging and the reaction of the Soviet press in the 1970s	123
<i>S. Pavlova</i>	
The language of the modern newspaper: mechanisms of desovietization	129
<i>E. Arut'unova</i>	
Discussion on "The large-scale reform of the language" (on the basis of the press materials, 2001)	138
<i>E. Leontyeva</i>	
Ch. Philipon's political caricature and French journalism of the middle of the XIX th century	149

History of Publicism. Rhetoric

<i>N. Bachinskaya</i>	
Diplomatic letters of Ivan the Terrible as political essays (epistle to Stephen Bathory of 1581)	159
<i>A. Gotovtseva</i>	
How "Nature" appeared to be "Freedom". Concerning the history of publication of Pushkin's text in the magazine "Sorevnovatel prosveshenia i blagotvorenia"	166
<i>S. Voloshina</i>	
Artistic peculiarity of Herzen's journalism methods of contrast and metaphor	180
<i>M. Odesskaya</i>	
"Everything in a person should be beautiful": Chekhov and Marxist journalism	189
<i>E. Basovskaya</i>	
"Linguistic purity" as the propaganda course	205
<i>S. Ehrlich</i>	
The toponym "The Senate Square" in modern journalism	222

Publications

L. Katsis

- Vladimir Jabotinsky and Leonid Andreev
(an attribution of pseudonym articles of the 1900s) 230

Books in Review

S. Voloshina

- Review on the book: Zhelvakov I. Herzen.
M.: Molodaya Gvardiya, 2010. 592 p. 245

E. Susdorf

- Review on the book: Fateev A.V. Stalinizm i detskaya literatura
v politike nomenklatury SSSR (1930–1950).
M.: Maks Press, 2007. 352 p. 249

A. Bekina

- Review on the book: Moiseev A.N. Sredstva massovoi informazii
i obshchestvennoe soznanie. Cheboksary:
Chuvash University Press, 2009. 278 p. 252

E. Leontyeva

- Review on the book: Baridon L. L'art et l'histoire de la caricature.
Paris: CITADELLES&MAZENOD, 2006. 303 p. 256

- Abstracts 261

- General data about the authors 269

История журналистики и литературной критики

А.Г. Готовцева, О.И. Киянская

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ 1820-х годов: К.Ф. РЫЛЕЕВ, Ф.В. БУЛГАРИН И П.П. СВИНЬИН

В статье анализируется контекст появления оды К.Ф. Рылеева «Видение» в журнале Ф.В. Булгарина «Литературные листки». Рассматривается также место и роль «Литературных листков» в журналистике и политике 1823–1824 гг.

Ключевые слова: К.Ф. Рылеев, Ф.В. Булгарин, П.П. Свиньин, «Литературные листки», «Отечественные записки», история журналистики, журналистика и власть, престолонаследие.

1. Фаддей Булгарин и вопрос о престолонаследии в России

Одним из самых заметных событий в истории отечественной журналистики 20-х годов XIX в. стал выход в свет первого журнала Ф.В. Булгарина «Северный архив, журнал истории, статистики и путешествий» (1822 г.) и бесплатного приложения к нему под названием «Литературные листки» (издавались с 1823 г.).

Сегодня никто из исследователей не берется отрицать тот факт, что издания Фаддея Булгарина существенным образом повлияли на развитие отечественной журналистики. Н.Н. Акимова утверждает: история издания «Северного архива» «свидетельствует о незаурядных способностях создателя журнала, его довольно широкой образованности, предприимчивости, умении выстраивать отношения с читательской аудиторией». Благодаря же «Литературным листкам» «к Булгарину пришла настоящая популярность, существенно откорректировав его литературную репутацию: из “ученого архивиста” превратив его в остроумного смелого журналиста, любимца публики»¹.

У периодических изданий Булгарина были читатели и почитатели, к его мнениям прислушивались ведущие русские литераторы, он был одним из организаторов коммерческой журналистики в России. Однако имя журналиста еще при его жизни стало символом нечистоплотной конкуренции, подхалимства, предательства и доноительства. И темные и светлые стороны «феномена Булгарина» многократно проанализированы², однако некоторые факты его журналистской биографии требуют дополнительного анализа.

«Рассудительный человек подобен воде, которая принимает на себя цвет окружающих ее предметов», – утверждал Булгарин на страницах первого номера «Литературных листков»³. По-видимому, эта «восточная пословица» была своеобразным журналистским кредо издателя «Северного архива» и «Литературных листков». Журналы эти были полностью ангажированы властью – в лице министра духовных дел и народного просвещения князя А.Н. Голицына, фаворита Александра I, мистика и президента Российского библейского общества.

В 1900 г. Н.Ф. Дубровин опубликовал письмо попечителя Санкт-Петербургского учебного округа Д.П. Рунича Голицыну от 15 декабря 1822 г. Как следует из письма, Рунич поддержал просьбу Булгарина об официальной поддержке журнала со стороны Министерства духовных дел и народного просвещения. Попечитель считал, что журнал «Северный архив» вполне достоин такой поддержки – и потому предложил «правлению здешнего университета о выписании как для университета, так и для прочих высших учебных заведений и гимназий С.-Петербургского округа по одному экземпляру полного издания означенного журнала и впредь о подписке на получение оногo». Рунич просил Голицына: «не благоугодно ли будет вашему сиятельству предложить и прочим гг. попечителям обратить внимание на сей журнал».

На обращение Рунича последовала положительная реакция Голицына – и во все учебные округа России был разослан соответствующий циркуляр⁴. И в начале 1823 г. Булгарин не без некоторой бравады заявлял в частном письме: «Мой “Архив” будет официальным журналом Министерства просвещения»⁵. «Обязательная подписка почти автоматически превращала «Северный архив» в издание ведомственное, во всяком случае – в восприятии современников, создавая видимость того, что этот журнал если и не является полноправным представителем определенного ведомства, то как минимум курируется им», – утверждает Т.Б. Шишкова⁶.

Направление обоих журналов Булгарина строго соответствовало интересам Голицына и возглавлявшегося им министерства. Большинство опубликованных в «Архиве» материалов носили на-

учный и научно-популярный характер и вполне подходили для учебных целей. Как отмечал Голицын в циркуляре, журнал «может быть весьма полезным по части преподавания географии, статистики и отечественной истории и служить как для преподающих верным и хорошим руководством в отношении к новейшим сведениям и открытиям, так и для учащихся любопытным и наставительным чтением»⁷. Современные исследователи разделяют мнение министра: «За время существования журнала в нем было помещено более 350 документов по русской истории XV–XVIII вв. из государственных и частных собраний, зарубежных изданий и газет. В разделе истории помещались переводы из произведений античных классиков, новых западных историков, давались описания и истолкования древних надписей, барельефов и других памятников. В библиографическом разделе публиковались аннотированные сведения о новых русских и иностранных книгах по истории, географии, политической экономии, рецензии»⁸.

«Северный архив» резко критиковал исторические труды Н.М. Карамзина – оппонента Голицына при дворе⁹. В письмах Булгарин утверждал, что эта критика полностью согласуется с мнением Министерства просвещения и ее желают «все значительные лица в государстве»¹⁰. Исследователи вторят издателю «Архива»: «В качестве основных адресатов предпринятой Булгариным публикации критики Карамзина мы рассматриваем высших лиц Министерства народного просвещения: в этом случае речь шла о своеобразном "заказе"»¹¹.

Однако программа журнала не предусматривала литературного отдела. И потому возможности Булгарина в части пропаганды на страницах «Северного архива» политических и религиозных взглядов министра были весьма ограничены. В этом смысле «Литературные листки» безусловно дополняли «Архив» – по части демонстрации «ведомственной зависимости».

Анализируя «Листки», А.В. Шаронова утверждает: именно там «формируется журналистская позиция Булгарина: ориентация на массового читателя, точное ощущение конъюнктуры, коммерческий подход к литературе. Новизна и занимательность материалов, дидактическое правописание, активная полемическая направленность с претензией на объективность и беспристрастие, – все эти качества отличали «Литературные листки», задуманные как журнал «легкой прозы и поэзии»¹². Это мнение справедливо, правда, с одной лишь оговоркой: первые полтора года издания «Листков» в них сложно заметить «объективность» и «беспристрастие». «Листки», как представляется, были созданы для прямой поддержки министра; по крайней мере, большая часть опубликованных там материа-

лов преследовала именно эту цель. Журнал этот был призван ускорить признание «Северного архива» официальным министерским изданием.

Мистическим настроениям и министра, и самого императора Александра вполне отвечали публиковавшиеся в «Листках» религиозные стихотворения Федора Глинки¹³.

Как известно, Российское библейское общество при основании имело статус отделения соответствующего Британского общества; в 20-х годах XIX в. в России были весьма популярны английские квакеры. И в печатающийся с продолжением очерк «Письма о Петербурге» Булгарин как бы невзначай вставляет фразу о некоем англичанине, случайном попутчике в гулянии по городу, который «внушил» ему «мысль издавать сии листки»¹⁴. В другой статье, «Прогулка по тротуару Невского проспекта», так же невзначай воспеваются присущая Голицыну конфессиональная толерантность: «Знаете ли вы, как иностранцы называют Невский проспект? Улица *Веротерпимости* (Toleranz-Strasse). И в самом деле, я не знаю ни одного города в Европе, в котором бы на одной улице находилось столько церквей различных вероисповеданий»¹⁵.

Не оставлял сомнений в политической ориентации автора и опубликованный уже в первом номере «Листков» «восточный анекдот» с характерным названием «Дай бог такого министра!». При этом среди героев «анекдота» «министра» нет, а действуют лишь «султан» и «визирь»¹⁶.

Исследователей деятельности Булгарина неизменно поражает факт его достаточно тесной дружбы с Кондратием Рылеевым, «поэтом-гражданином», погибшим за свои убеждения на виселице.

Между тем известно, что Рылеев посвятил Булгарину несколько произведений, постоянно печатался в его периодических изданиях. Булгарин был постоянным сотрудником альманаха Рылеева «Полярная звезда», хвалил и этот альманах, и отдельные произведения Рылеева со страниц своих изданий. В отношениях Рылеева и Булгарина бывали размолвки и ссоры, но они всегда заканчивались примирением. После восстания 14 декабря Булгарин пришел на квартиру к Рылееву; ожидавший с минуты на минуту ареста поэт передал ему портфель с рукописями, который Булгарин сохранил.

Адекватных объяснений всем этим фактам пока не существует: фразы о том, что Рылеев пытался «перевоспитать» Булгарина, «апеллируя к понятиям “чести” и “порядочности”»¹⁷, мало что могут объяснить в отношениях двух литераторов. Очевидно другое:

дружба между ними базировалась на расположении общего покровителя – князя А.Н. Голицына.

В конце 1820 г. Рылеев опубликовал в журнале «Невский зритель» сатиру «К временщику», помогшую Голицыну устоять в борьбе с Аракчеевым¹⁸. После истории с публикацией сатиры он – практически в одночасье – стал «литературным генералом», столбичной знаменитостью. Более того, среди всех участников заговора 20-х годов он был, пожалуй, самой «публичной» личностью, известной всей образованной России. Уже в 1822 г. журналы и газеты объявили его, прежде никому не интересного отставного офицера, одним из «лучших российских поэтов» – наряду с Пушкиным, Жуковским, Баратынским и Дельвигом¹⁹. Ревнивые замечания о «знаменитом» Рылееве читаем в письмах Пушкина. Именно Рылееву Пушкин прочил место министра на российском Парнасе²⁰.

Более того, находившаяся в ведении Голицына цензура разрешала «поэту-гражданину» печатать стихи, находящиеся даже не на грани, а за гранью оппозиционности. «Непостижимо, каким образом в то самое время, как строжайшая цензура внимательно привязывалась к словам ничего не значащим, как-то: ангельская красота, рок и пр., пропускались статьи, подобные “Вольнскому”, “Исповеди Наливайки”», – удивлялся в 1826 г., на следствии, друг Рылеева Владимир Штейнгейль²¹. А другой подследственный, Дмитрий Завалишин, не мог понять, «каким образом Рылеев давно не был потребован к допросу. Сочинения его, а в особенности “Исповедь Наливайки” <...> не оставляла никакого сомнения насчет его мыслей и духа». Завалишин «недоумевал, каким образом они выходили в свет, и охотно поверил силе общества (тайного общества. – А. Г., О. К.), общирности связей и участию важных особ»²².

Провинциальные же читатели, не искушенные в политической и литературной жизни столицы, и вовсе были уверены, что произведения Рылеева отражают точку зрения властей. «Читая и переписывая “Думы” Рылеева, мы, гимназисты, вовсе и не воображали, что Рылеев государственный преступник, и знать не знали, что он был казнен. Напротив, он казался нам добрым патриотом», – писал в мемуарах академик Ф.И. Буслаев, в конце 20 – начале 30-х годов пензенский гимназист²³.

В августе 1823 г. в «Литературных листках» печатается очередное произведение «поэта-гражданина» – ода «Видение», написанная, как следовало из названия, «на день тезоименитства Его императорского высочества великого князя Александра Николаевича,

30 августа 1823 года»²⁴. Цензурное разрешение на издание «Листков» было дано 29 августа; следовательно, читатели получили возможность прочитать «Видение» практически в день тезоименитства (именин) пятилетнего великого князя. По словам самого Рылева, он не ограничился публикацией произведения и «решился пустить» его «в публику» в списках²⁵.

Сюжет этой оды хорошо известен: лирический герой узрел «над пробужденным Петроградом» тень Екатерины II, наблюдающую за детскими играми собственного правнука, великого князя Александра Николаевича. «Минерве светлоокой» импонирует желание мальчика прославиться на военном поприще, однако она считает, что время бранных подвигов прошло:

Твой век иная ждет судьбина,
Иные ждут тебя дела.
Затмится свод небес лазурных
Непроницаемую мглой.
Настанет век борений бурных
Неправды с правдою святой.

«Минерва» советует правнуку:

Быть может, отрок мой, корона
Тебе назначена творцом:
Люби народ, чти власть закона;
Учись заране быть царем.

Твой долг благотворить народу,
Его любви в делах искать;
Не блеск пустой и не породу,
А дарованья возвышать.
Дай просвещенные уставы,
Свободу в мыслях и словах,
Науками очисти нравы
И веру утверди в сердцах.

Люби глас истины свободной,
Для пользы собственной любви,
И рабства дух неблагородной –
Неправосудье истреби.
Будь блага подданных ревнитель:
Оно есть первый долг царей;
Будь просвещенья покровитель:
Оно надежный друг властей.

Старайся дух постигнуть века,
Узнать потребность русских стран;
Будь человек для человека,
Будь гражданин для сограждан;
Будь Антонином на престоле,
В чертогах мудрость водвори –
И ты себя прославишь боле,
Чем все герои и цари»²⁶.

Первые комментаторы этого стихотворения отмечали его «пророческий» характер, «нетерпеливый либерализм», которым оно проникнуто, связь «Видения» с просветительскими идеями и одической традицией XVIII в.²⁷ Ю.Г. Оксман обратил внимание на близость этой оды со стихотворным посланием Василия Жуковского «Государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение в. кн. Александра Николаевича» (1818 г.)²⁸. Жуковский приветствовал новорожденного младенца в следующих выражениях:

Он полетит в путь опыта и славы...
Да встретит он обильный чеством век!
Да славного участник славный будет!
Да на чреде высокой не забудет
Святейшего из званий: человек.
Жить для веков в величии народном,
Для блага всех – свое позабывать,
Лишь в голосе отечества свободном
С смирением дела свои читать:
Вот правила царей великих внуку²⁹.

По традиции, идущей от того же Оксмана, советские исследователи усматривали в рылеевской оде «иллюзии, характерные для всего правого крыла дворянской оппозиционной общественности начала 20-х годов. В эту пору Рылеев еще не отказался от надежд на просвещенного монарха, полностью реализующего под давлением идеологов Северного общества ту программу социально-политических реформ, которая отвечала классовым интересам умеренно-либеральных слоев поместного дворянства и городской буржуазии. Не случайно связывается “Видение” с именем пятилетнего царевича Александра, возможность возведения которого на престол очень занимала членов декабристских тайных организаций и совершенно конкретно обсуждалась даже в дни междуцарствия»³⁰. Подобные утверждения содержатся едва ли не во всех комментариях к этому произведению³¹.

Собственно, исследователи были правы: ода оказалась пророческой, в 1855 г. Александр Николаевич стал императором Александром II. Автору оды действительно были близки идеалы просвещенной монархии, а в тайных обществах на самом деле активно обсуждалась возможность возведения на престол юного великого князя – при избрании соответствующего регента³².

Однако вопросов, возникающих в связи с этой одой, гораздо больше, чем ответов. Один из таких вопросов сформулировал в 1855 г. А.И. Герцен. Обращаясь к Александру II с открытым письмом, он вопрошал: «Почему именно ваша колыбель внушила ему (Рылееву. – А. Г., О. К.) стих кроткий и мирный? Какой пророческий голос сказал ему, что на вашу детскую голову падет со временем корона?»³³ Ничего подобного мы не встречаем ни в процитированном выше послании Жуковского, ни в других стихотворениях конца 10 – начала 20-х годов.

И действительно, для российских литераторов и их читателей было вовсе не очевидно, что именно Александру Николаевичу «корона» «назначена творцом». Он был сыном одного из двух младших братьев императора Александра – Николая Павловича. И в глазах широкой публики его шансы занять престол – при жизни официального наследника, цесаревича Константина Павловича – были минимальными.

С другой стороны, малолетний царевич в глазах участников тайных обществ был не единственным кандидатом на пост правителя государства. Еще с начала 20-х годов заговорщики обсуждали планы возведения на трон императрицы Елизаветы Алексеевны, жены Александра I. Среди активных участников восстания на Сенатской площади было много вполне искренних сторонников цесаревича Константина Павловича. Накануне восстания выражалось и желание «видеть на престоле» второго из младших великих князей, Михаила Павловича³⁴.

Кроме того, инициатива обсуждения шансов на престол отдельных членов правящей династии никогда не исходила от Рылеева – по крайней мере, свидетельств об этом нет. Готовя восстание, он предполагал «арестовать и вывезть за границу» всю императорскую фамилию³⁵. Оснований считать, что в оде «Видение» отразились политические планы Рылеева-заговорщика, обнаружить не удалось.

Между тем летом 1823 г. в жизни царской семьи произошли важные события, о которых, однако, стране предпочли не сообщать. Шестнадцатого августа этого года в Царском Селе император Александр I подписал манифест, согласно которому пре-

стол после него наследовал не старший брат Константин, а младший – Николай. Манифест гласил: «Во-первых, свободному отречению первого Брата Нашего Цесаревича и Великого князя Константина Павловича от права на Всероссийский Престол быть твердым и неизменным <...> во-вторых, вследствие того на точном основании акта о наследовании Престола Наследником Нашим быть второму брату Нашему Великому Князю Николаю Павловичу»³⁶. Таким образом завершился многолетний процесс переговоров между Александром и Константином о возможности развода последнего с законной женой, урожденной принцессой Саксен-Кобургской, женитьбе на женщине, не принадлежавшей к европейскому царствующему дому, и в связи с этим потерей Константином права на корону. В соответствии с логикой императорского манифеста великий князь Александр Николаевич действительно получал шанс стать царем – после отца, Николая Павловича.

Как известно, о манифесте имели представление трое из приближенных Александра I: архиепископ Московский и Коломенский Филарет (собственно, автор манифеста), министр Голицын (сделавший с документов копии) и граф А.А. Аракчеев. Вопрос о том, знали ли о содержании манифеста сами цесаревич Константин и великий князь Николай, до сих пор является спорным³⁷. В Петербурге манифест, вместе с официальным письмом Константина об отречении от престола, запечатанные личной печатью императора, тайно хранились в Государственном совете, Сенате и Синоде, в Москве – в Успенском соборе Кремля. Согласно распоряжению императора, в случае его смерти пакеты с документами следовало вскрыть «прежде всякого другого действия»³⁸.

Однако до смерти императора всем посвященным в тайну престолонаследия предписывалось хранить строжайшую тайну, ибо, согласно воспоминаниям Филарета, «государю императору» была неужгодна «ни малейшая гласность»³⁹.

Мнения исследователей о том, почему Александру I «гласность» была «неужгодна», разошлись. Некоторые из них считали, что император просто был склонен «играть в прятки» с подданными. Другие усматривали в этом «вполне обдуманное действие» и, в частности, желание монарха «еще раз вернуться к вопросу о престолонаследии»⁴⁰. Согласно С.В. Мироненко, «Александр I исключал возможность оглашения манифеста», поскольку это обнародование означало бы для царя признание «самому себе, что с мечтами о конституции покончено навсегда»⁴¹.

Однако в любом случае ясно: разглашать содержание секретных бумаг было строжайше запрещено. И вряд ли ода «Видение» могла появиться в открытой печати без санкции верховной власти – а тем более через две недели после подписания манифеста.

В «виды» же министра, очевидно, входила осторожная огласка содержания секретного манифеста. Он был жестким сторонником воцарения Николая и не желал передачи престола Константину. Согласно изданной «по высочайшему повелению» книге М.А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I-го», князь убеждал Александра в «неудобности» сохранения в тайне актов о престолонаследии, в том, что от этого может «родиться» «опасность в случае внезапного несчастья»⁴². Даже в критические дни междоусобия 1825 г., ни минуты не колеблясь, Голицын поддержал притязания на престол младшего великого князя.

Можно смело предположить, что ода «Видение», намекавшая на вполне конкретное решение императором династической проблемы, была произведением заказным. Если попытаться реконструировать логику Голицына, то она могла быть примерно следующей. Секретный манифест обнародованию не подлежал. Однако процесс приучения подданных русской короны к мысли о передаче престола Николаю, минуя Константина, безусловно, следовало начать. Публикация оды не могла в будущем препятствовать ни высочайшим намерениям, ни намерениям министра: ее автором был человек частный, простой заседатель Петербургской уголовной палаты, к составлению «секретных бумаг» отношения не имевший. Ода в любом случае могла быть объявлена лишь личной инициативой Рылеева.

Рылеев же был выбран на роль проводника важнейшей правительственной идеи явно не случайно: к августу 1823 г. он – уже знаменитый петербургский литератор, выпустивший первый номер альманаха «Полярная звезда». Петербургские журналы наполнены восторженными отзывами о «Звезде», по поводу отдельных опубликованных там произведений идет ожесточенная полемика. Имя Рылеева у всех на слуху, и его произведения читаются с жадностью.

Свидетельство тому, что акция Голицына достигла цели, находим в мемуарах Филарета: вскоре после составления манифеста «приходили из Петербурга нескромные слухи, что в Государственный Совет и Святейший Синод поступили от государя императора запечатанные конверты»⁴³. Смысл императорского манифеста – в самых общих чертах – был, таким образом, доведен до сведения подданных.

II. Павел Свиньин и «роковое время»

В конце сентября 1818 г. журнал «Сын отечества» (№ 39 и 40) опубликовал очерк журналиста Павла Свиньина с примечательным названием «Поездка в Грузино»⁴⁴. В очерке воспевалось знаменитое Грузино, принадлежавшее графу А.А. Аракчееву – главному врагу министра Голицына при дворе.

Очерк открывался стихотворением следующего содержания:

Я весь объехал белый свет:
Зрел Лондон, Лиссабон, Рим, Трою,
Дивился многому умом;
Но только в Грузине одном –
Был счастлив сердцем и душою,
И сожалел, что – не поэт!⁴⁵

Собственно, цель очерка, согласно признанию самого Свиньина, состояла в том, чтобы «познакомить просвещенный мир с житем истинного русского Дворянина, с управлением помещика, коим должны гордиться соотечественники, уважать и пленяться иностранцы»⁴⁶. Автор умиляется верноподданническими чувствами и богобоязненностью хозяина Грузино: «Верный слуга царский верность свою уносит во гроб – назначив себе место вечного покоя у подножия памятника его царя-благодетеля (Павла I. – А. Г., О. К.). То показывает гранитовая доска с прекрасною лаконическою надписью: “да пребудет и прах мой у подножия твоего изображения!..” Далее изображено: “На сем месте погребен русский новгородский дворянин граф Алексей Андреевич Аракчеев, родился 1769 года, умер...” Вельможа, помышляющий о смерти, видя, так сказать, пред глазами своими отверстый гроб свой – не страшится деяний своих ни перед Богом, ни перед потомством!»⁴⁷

На пятидесяти шести страницах текста подробно описывались хлопоты Аракчеева по устройству дорог и жилищ, по возведению памятников и храма, по постройке гостиниц для приезжих. «Вот разительный пример, вот торжество благоразумного распоряжения деньгами и строгого порядка», – констатировал Свиньин⁴⁸.

Павел Петрович Свиньин в истории русской словесности – фигура трагикомическая. Бывший дипломат и чиновник, по политическим взглядам он был «славянофилом» и народолюбом. В 1818 и 1819 гг. он издал два сборника под названием «Отечественные записки», которые впоследствии становятся периодическим изданием. «Любить Отечество велит природа, Бог. А знать его – вот честь, достоинство и долг!» – такой эпиграф Свиньин предпослал журналу.

«Визитной карточкой» Свинына был поиск всякого рода русских «самоучек». Названия статей в его «Отечественных записках» говорят сами за себя: «Письмо первое в Москву о русском химике Власове», «Письмо второе в Москву о русском механике Калашникове», «Приключения Суханова, русского природного ваятеля», «Третье письмо в Москву о изобретателе Кукине», «Федор Алексеевич Семенов, мясник-астроном в Курске» и т. п. Считавший себя патриотом-эрудитом, много размышлявший на историко-географические и историко-этнографические темы, Свинын часто впадал в крайности, искажал реалии, оказывался сторонником «народной» этимологии. И это вызывало насмешки современников.

В частности, предметом насмешек были рассуждения Свинына об Овидии. Свинын «вообразил» «Аккерман местом ссылки Овидия» – на том основании, что «на юго-запад от Аккермана есть несколько небольших озер, из коих только в одном пресная вода. Озерко это названо было чабанами (пастухами) “Лакул – Овиолуй”, то есть Овечье озеро, или Озеро Овец, потому что оно было единственное, к которому они подгоняли стада для водопоя. Овцы по-молдавански Овио». Согласно мемуарам приятеля Пушкина Ивана Липранди, «когда Пушкин услышал это объяснение, он расхохотался и заметил, что Свиныну следовало тут как-нибудь припутать и Лукулла»⁴⁹.

Подробный анализ причин, по которым Свинын решил «воспеть» Аракчеева, не входит в задачу данной работы. Отметим только, что, скорее всего, в лице графа Свинын просто искал (и приобрел) покровителя – занятие, вполне традиционное для литераторов Пушкинской эпохи. В 1818 г. покровительство Свиныну было особенно нужно: его прежний патрон, князь Н.И. Салтыков, председатель Государственного совета и Комитета министров, умер за два года до того.

Труднее понять, зачем на публикацию очерка Свинына согласился Николай Греч – известный всей образованной России журналист с устоявшейся либеральной репутацией. Не исключено, что Греч в данном случае решил еще раз уверить читателей в собственной беспристрастности – и воспеть того, кого, по условиям либеральной игры, воспевать не полагалось.

Правда, Гречу не удалось довести публикацию «Поездки в Грузино» до конца: в 40-м номере журнала анонсировалась заключительная часть очерка Свинына – «окончание впредь». Однако в 41-м номере «Сына отечества» читатели не нашли окончания «Поездки в Грузино». Вместо этого им предложено было почитать статью некоего И. Переславского «О Библейских обществах» –

безудержный панегирик князю Голицыну. «Нет нужды распространяться здесь о славе покровителей сих Обществ, о том, что имена их сделаются известны и будут благославляемы во всех частях света и на всех языках. Слава есть нечто такое, что мы привыкли соединять с подвигами только изумляющими, иногда даже пагубными. И потому она промчится и скоро исчезнет, подобно ударам грома, теряющимся тотчас в пространстве воздуха. Венец же сих избранных сияет вечным светом там, у милосердного Отца, обитающего выше звезд!» – утверждает Переславский⁵⁰.

Очерк Свинына не прошел незамеченным русскими образованными читателями. В частности, гневным письмом на него откликнулся князь П.А. Вяземский. Он писал 13 октября 1818 г. А.И. Тургеневу, что ему «так понравились» стихи Свинына, что он «решился их перевести». «Перевод» был приложен к тому же письму:

Что пользы, говорит расчетливый Свинын,
Мне кланяться развалинам бесплодным
Пальмиры, Трои и Афин?
Пусть дорожит Парнаса гражданин
Воспоминаям благородным.
Я не поэт, а дворянин
И лучше в Грузино пойду путем доходным:
Там, кланяясь, могу я выкланяться в чин⁵¹.

Обоим собеседникам было понятно, что эпиграмма метит не только в Свинына, но и в Аракчеева. Именно с ним в очерке «Поездка в Грузино» были связаны размышления об идеальном вельможе-дворянине, «без лести преданном» помазанникам божьим. Именно Аракчеев желал, чтобы на его могиле не указывались бы чины и звания, а указывалось бы только, что он – «русский новгородский дворянин». Получалось, что, активно кланяясь «дворянину», другой такой же «дворянин» может «выкланяться в чин». Тот, кто был «без лести предан», сам оказывался падох на грубую лесть.

Однако проаракчеевские настроения Свинына, как и несообразности в его этнографических, географических и патриотических представлениях в конце 10-х годов XIX в., обсуждались только в узком кругу либерально настроенных литераторов. Спустя пять лет после «Поездки в Грузино» эти обсуждения выплеснулись на страницы периодики.

В 1823 г. болгаринские «Литературные листки» начинают систематическую травлю издателя «Отечественных записок». Под прозрачным псевдонимом Архип Фадеев Булгарин начал жестко

высмеивать свиныйскую страсть к «самоучкам». В статьях «Извозчик-метафизик», «Самоучка, или журнальное воспитание», «Свидание Зерова с самоучкою» и т. п. Булгарин пародирует увлечение издателя «Отечественных записок» всякого рода «кулибинскими», выискивает в его статьях ошибки и неточности, обвиняет в прямом вранье. «В какое заблуждение входят простодушные читатели иногородные при чтении подобных статей и что подумают об нас иностранцы, которые ныне переводят много из русских журналов, если на наших глазах, в Петербурге, нам сообщают подобные известия?» – вопрошал Архип Фадеев уже во втором номере «Листков»⁵².

Травля Свинына шла и на страницах «Северного архива» – правда, в более «академическом» тоне. «Г. издатель (“Отечественных записок”. – А. Г., О. К.) в описании природных русских дарований и отечественных благородных подвигов иногда добровольно изменяет своему намерению и приводит читателей в сомнение величественными и пышными начертаниями трудов наших добрых ремесленников и смысленных мужичков, забавляя при том публику самыми странными названиями», – утверждает Булгарин⁵³.

Вряд ли в данном случае Булгарин выполнял чей-то прямой заказ: всесильному министру Голицыну не было дела до Свинына, публично признавшемуся в любви к Аракчееву и его имению. Однако публикации против Свинына косвенным образом метили в Аракчеева – и это Голицыну не могло не понравиться. История со Свиныным показательна: добиваясь для «Северного архива» официального статуса, Булгарин не брезговал никакими методами.

Постепенно в полемику о Свиныне включились и многие другие петербургские и московские литераторы – в основном на стороне булгаринских изданий. В частности, в печати появились басни А.Е. Измайлова «Лгун» и «Кулик-астроном»:

Павлушка Медный лоб – приличное прозвание! –
Имел ко лжи большое дарованье;
Мне кажется, еще он в колыбели лгал!
(«Лгун»)

Есть свины из людей,
Которые невежд хвалами превозносят,
Да за это у них чего-нибудь, да просят.
(«Кулик-астроном»)

Вторая из этих басен напрямую отсылала к «Поездке в Грузино», и обе они содержали личные оскорбления по адресу Свинына. И несмотря на то что подобные «личности» были строжайше за-

прещены цензурным уставом 1804 г., обе басни были в 1824 г. напечатаны⁵⁴.

И в литературе, и в жизни Свиньину удалось сделать многое. Он стремился «выдвигать принципы художественной самостоятельности и художественной самобытности России», «был способен видеть недостатки своих соотечественников и говорить о них»⁵⁵. Вообще он был ярким литератором даже на фоне своих талантливых современников. Благодаря его заступничеству и покровительству был выкуплен из крепостной зависимости поэт Иван Сибиряков и многие другие «самоучки», стал известным журналистом купец Николай Полевой; Свиньину были вполне свойственны филантропия и благотворительность.

Но несмотря на все это Свиньин остался в истории отечественной словесности как «медный лоб» и малообразованный глупец. «Литературные традиции рисуют его <...> как лгуна, главным образом, и вообще человека невысоких качеств», – констатируют исследователи⁵⁶.

Пятнадцатого мая 1824 г. произошло событие, во многом изменившее лицо отечественной словесности: в этот день поста лишился министр Голицын. Его падение, как известно, было следствием интриги, во главе которой стоял его главный враг – Аракчеев. Аракчеева поддерживали высшие церковные иерархи, недовольные религиозной политикой Голицына и деятельностью его Библейского общества⁵⁷.

Согласно мемуарам участника тех событий Николая Греча, «государя убедили, что Голицын и его приверженцы составили заговор против Православной Церкви, распространяли учение протестантизма и намерены водворить в России безбожие и нечестие. Выкрали для того подлым образом корректуру одной книги, печатавшейся с одобрения цензур князя Голицына, выписали из нее несколько мест и дали им кривой толк. Слабый Александр испугался, отнял у Голицына Министерство просвещения и духовных дел, оставив его только главноначальствующим над почтовым департаментом»⁵⁸.

Естественно, что отечественная словесность не могла оставаться глухой к произошедшим событиям, которые тот же Греч называл «катастрофой»⁵⁹. Отставка Голицына была тяжелым ударом для большинства литераторов и журналистов: к его политике в области литературы все уже привыкли, расклад в его игре был понятен, к подчинявшимся ему цензорам уже давно были найдены подходы.

Однако отставка Голицына вызвала не только страх. Падение некогда всесильного вельможи, не устоявшего в неравной борьбе со «злодеем из злодеев» и «неистовым тираном родной страны своей», вызвало искреннее сожаление и часто осмыслялось в терминах временной победы зла над добром, «самовластья» над «вольностью».

В этом смысле весьма характерно опубликованное в «Литературных листках» стихотворение Федора Глинки «Правдивый муж» – переложение первого псалма о «муже», «иже не иде на совет нечестивых»:

При светлом дне и в тайне ночи
Хранит он Вышнего закон,
И ходит в нем неколебимым;
Везде он чист, душою прям
И в очи смерти и бедам
Глядит с покоем нерушимым,
Хотя б в ладе, бичом судьбы
Гоним в шум бурных океанов...
Когда лукавые рабы
Блажат бездушных истуканов,
Он видит Бога над собой
И смело держит с роком бой...
Зажглась гроза, синеют тучи,
Летит как исполин могучий,
Как грозный князь воздушных стран,
Неудержимый ураган
И стелет жатвы и дубравы...
Но он в полях стоит один,
Сей дуб корнистый, величавый:
Таков небесный гражданин!..
И процветет он в долгой жизни,
Как древо при истоках вод;
Он будет памятен отчизне,
Благословит его народ...⁶⁰

Комментируя это стихотворение, Г.А. Гуковский утверждает: «Восточная библейская поэзия у него (Глинки. – А. Г., О. К.) символична в смысле наполнения ее образами гражданскими, декабристскими, несмотря даже на пессимизм, часто овладевающий поэтом. Слова библейской старины вызывают гневные и скорбные эмоции гражданина рабской России и перекликаются со словами революционной терминологии»⁶¹.

Вопрос о том, что такое «декабристская поэзия», кто такие «поэты-декабристы» и какие «образы» их поэзии следует считать декабристскими, выходит за рамки настоящей работы. Следует отметить только, что вряд ли в данном случае можно согласиться с Гукковским в том, что герой стихотворения – «праведник декабрист»⁶². До событий на Сенатской площади было еще очень далеко. Однако в целом с этим высказыванием Гукковского сложно спорить.

Дата цензурного разрешения этого номера «Листков», 29 мая 1824 г., не оставляет сомнений в том, кого Глинка считал «правдивым мужем». Поэт оплакивал участь министра, но был убежден, что победа его врагов – мнимая. Особенно показательно в стихотворении словосочетание «небесный гражданин» – вкупе с уверенностью, что «гражданина» впоследствии «благословит народ». Религиозная деятельность министра приравнивается автором стихотворения к высокому гражданскому подвигу.

Надо отдать должное Булгарину, опубликовавшему это стихотворение на страницах «Литературных листков». Однако ничего подобного в его изданиях больше не появлялось: опытный журналист, он сумел быстро перестроиться. В августе того же года он сам поехал в Грузино замаливать грехи прошлых лет, о чем впоследствии написал очерк с характерным названием «Поездка в Грузино в 1824 году». Булгарину удалось даже выхлопотать у Аракчеева разрешение на издание газеты «Северная пчела»⁶³. Однако очевидно, что встреча не прошла гладко: злорадный Свиньин рассказывал друзьям и знакомым, «будто гр. Аракчеев не так-то милостиво принял Фаддея»⁶⁴.

Стихотворение Рылеева «Я ль буду в роковое время...», известное также под позднейшим названием «Гражданин», – пожалуй, самое известное и самое сильное по накалу гражданского пафоса из его произведений:

Я ль буду в роковое время
Позорить гражданина сан,
И подражать тебе, изнеженное племя
Переродившихся славян?
Нет, не способен я в объятых сладострастья,
В постыдной праздности влачить свой век молодой
И изнывать кипящею душой
Под тяжким игом самовластья.
Пусть юноши, своей не разгадав судьбы,

Постигнуть не хотят предназначенье века
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человека.
Пусть с хладною душой бросают хладный взор
На бедствия своей отчизны
И не читают в них грядущий свой позор
И справедливые потомков укоризны.
Они раскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в объятьях праздной неги
И, в бурном мятеже ища свободных прав,
В них не найдет ни Брута, ни Риеги⁶⁵.

Стихотворение явно отсылает читателя к опубликованному в 1820 г. «Временщику». Оба текста роднит ожидание близкого народного мятежа во имя «свободных прав», бунта, который наверняка будет сопровождаться «тиранствами». Очевидно, что мятеж должен был произойти из-за жестокости и кровожадности «временщика», отбирающего у народа «права», лишаящего их «селения» «прежней красоты». Очевидно также, что лирический герой обоих стихотворений противостоит «временщику», но в то же время и не солидаризуется с мятежным народом. В первом случае он ограничивается лишь гордым презрением, во втором – призывает всех честных «юношей» «разгадать» свою судьбу, стать «Брутами» и «Риегами» и обратить народное недовольство в нужное русло.

Нельзя не согласиться с мнением А.В. Архиповой о том, что это стихотворение – «произведение о роковом времени, когда мыслящая личность или становится героем и совершает высокий подвиг по примеру Брута и Риеги, или оказывается жертвой исторических событий, раздавленная ходом истории. Третьего не дано. Тема рока, судьбы, «предназначенья века», звучащая в этом стихотворении, окрашивает его в трагические тона. «Роковое время» – образ, возникающий уже в первом стихе, развит в последующих строфах. Эпитет «роковое» означает не только важность момента, но и его предопределенность»⁶⁶.

Среди исследователей долго шли споры о времени написания этого текста. С одной стороны, есть мемуарные указания на то, что оно написано в конце 1825 г. и даже «должно считаться последним, написанным Рылеевым на свободе»⁶⁷. Однако еще в 1934 г. Ю.Г. Оксман обратил внимание на показание Рылеева Следственной комиссии о том, что это стихотворение он отдал Матвею Мурравьеву-Апостолу, члену южной тайной организации, уехавшему из столицы в августе 1824 г.⁶⁸ Таким образом, сам Рылеев однозначно свидетельствует: в августе этого года стихотворение было

уже написано. Датировка его 1824 г. в настоящее время принята наукой и уже не подвергается сомнению⁶⁹.

Комментаторы, приняв датировку Оксмана, столкнулись с неизбежной трудностью: смысл стихотворения оказывался затемнен. Под «роковым временем» удобно было понимать декабрь 1825 г. «Несомненно, в этих сильных, проникнутых гражданским пафосом стихах отразилось душевное настроение поэта накануне декабрьских событий 1825 г.», – писал, например, В.И. Маслов, один из первых исследователей творчества Рылеева, не сомневавшийся в «преддекабристском» происхождении стихотворения⁷⁰. Но какое «роковое время» могло быть в России летом 1824 г.? До событий на Сенатской площади оставалось еще почти полтора года.

Между тем, если принять во внимание политическую ситуацию, ответ будет однозначным. «Роковое время» наступило после отставки министра Голицына – покровителя Рылеева. Новая эпоха не сулила Рылееву ничего хорошего. Борец с «подлым и коварным» «временщиком» не мог рассчитывать не только на покровительство, но даже и на нейтральное внимание Аракчеева к собственным литературным предприятиям. Под ударом оказывалась «Полярная звезда» – удачный коммерческий и литературный проект Рылеева, сомнительны были шансы на издание поэмы «Войнаровский» и сборника «Думы». Тучи сгущались и над тайным обществом, в котором Рылеев состоял с начала 1823 г. Рылееву предстояло, говоря словами А.В. Архиповой, либо совершить «высокий подвиг по примеру Брута и Риэги», либо оказаться «жертвой исторических событий», быть «раздавленным ходом истории».

Вообще в лирике Рылеева 1824–1825 гг. немало отголосков политической ситуации тех лет. Так, «Стансы», адресованные А.А. Бестужеву, несут на себе явный отпечаток тяжелой депрессии:

Не сбылись, мой друг, пророчества
Пылкой юности моей:
Горький жребий одиночества
Мне сужден в кругу людей <...>
Страшно дней не видеть радостных,
Быть чужим среди своих <...>⁷¹.

Как считает А.Г. Цейтлин, «установить конкретные причины этой депрессии трудно – биография Рылеева, вообще чрезвычайно неясная, особенно туманна в части, относящейся к 1824 году»⁷². Цейтлин прав: в 1824 г. Рылеев – литературная знаменитость, удачливый издатель и коммерсант, и сетовать по поводу «горького жребия одиночества», а тем более называть себя «чужим среди своих»

А.Г. Готовцева, О.И. Киянская

у него вроде бы не было ни малейшего основания. Но не будет большой натяжкой предположить, что решение не опозорить «гражданина сан», «совершить высокий подвиг» далось Рылееву непросто.

К концу 1824 г. происходит резкая радикализация действий Рылеева в тайном обществе – и, соответственно, резко радикализуется его политическая лирика:

Мне не любовь твоя нужна,
Занятыя мне нужны иные:
Отраднa мне одна война,
Одни тревоги боевые.

Любовь никак нейдет на ум:
Увы! Моя отчизна страждет, –
Душа в волненьи тяжких дум
Теперь одной свободы жаждет⁷³.

Еще один пример возросшего радикализма в творчестве Рылеева – знаменитое посвящение к поэме «Войнаровский», адресованное тому же А.А. Бестужеву:

Прими ж плоды трудов моих,
Плоды беспечного досуга;
Я знаю, друг, ты примешь их
Со всей заботливостью друга.
Как Аполлонов строгий сын,
Ты не увидишь в них искусства:
Зато найдешь живые чувства, –
Я не Поэт, а Гражданин⁷⁴.

При чтении последней строчки этого посвящения невольно бросается в глаза близость с эпиграммой Вяземского на Свиньина: «я не поэт, а дворянин». Первым эту близость заметил Пушкин, предлагавший Вяземскому (в письме от 10 августа 1825 г.) опубликовать эту эпиграмму, которая стала «еще прелестнее после посвящения “Войнаровского”»⁷⁵.

Исследователи давно откомментировали письмо Пушкина и пришли к выводу, что это была лишь случайная параллель, «неожиданная» «пародия на рылеевскую формулу»⁷⁶. Однако рискнем предположить: параллель в данном случае была вовсе не случайной.

Вяземский был близко знаком и с Рылеевым, и с адресатом «Посвящения» – Александром Бестужевым. Он часто посылал им в письмах свои неопубликованные произведения, в том числе и эпиграммы. В частности, осенью 1823 г. Бестужев получил от него два такого рода произведения; в ответном письме он благодарил Вяземского: «Эпиграммы ваши на наших ханжей весьма милы, признаюсь, что мы расхохотались, в первый раз прочитав их»⁷⁷. С другой стороны, Рылеев и Бестужев тесно общались не только с Вяземским, но и с его корреспондентом А.И. Тургеневым – правой рукой министра Голицына. Тургенев активно помогал им проводить через цензуру альманах «Полярная звезда»⁷⁸.

Эпиграмма на Свинына была широко известна в дружеском кружке Вяземского; о ней был осведомлен Пушкин. К тому же сам Рылеев искренне не любил Свинына: в 1824 г. в «Звезде» была напечатана басня Измайлова «Лгун». И, скорее всего, автор «Посвящения» к «Войнаровскому» прекрасно знал о содержании эпиграммы Вяземского.

Таким образом, Рылеев в посвящении специально отсылал искусленного читателя к опусу Свинына и к полемике вокруг него. Свинын, «не поэт, а дворянин», солидаризовался с «новгородским дворянином» Аракчеевым. Автор «Войнаровского», «не поэт, а гражданин», подчеркивал верность «небесному гражданину» князю Голицыну. Пушкин же, не имевший понятия о «голицынском» подтексте «Посвящения», просто не смог увидеть этой отсылки.

Впрочем, в 1824 г. все окончилось относительно благополучно: потеряв свой пост, Голицын не потерял места при дворе. Аракчеев был занят упрочением влияния на царя, ему некогда было сводить счеты с литераторами и журналистами. Все участники журнальных боев получили передышку, смогли расслабиться, вздохнуть и заняться выяснением отношений между собою. Рылеев, опасаясь столичной цензуры, стал активно печататься в Москве. Попечителем учебного округа, отвечавшим за работу цензоров, до лета 1825 г. там оставался князь Андрей Оболенский, друг Голицына и член его «партии». Двадцать второго декабря 1824 г. московская цензура пропустила в печать «Думы», а 8 января 1825 г. было получено разрешение на печатание «Войнаровского».

Настоящее «роковое время», наступившее в России после смерти Александра I в ноябре 1825 г., породило совершенно иные отклики в журналистике, но это тема отдельного большого исследования.

- ¹ *Акимова Н.Н.* Ф.В. Булгарин: литературная репутация и культурный миф. Хабаровск: Хабар. гос. пед. ун-т, 2002. С. 44–45.
- ² См., напр.: *Акимова Н.Н.* Указ. соч.; *Кузовкина Т.Д.* Феномен Булгарина: Проблема литературной тактики. Тарту: Тартуский университет, 2007; *Мещеряков В.П., Рейтблат А.И.* Булгарин // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь: В 5 т. М.: Советская энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 347–351; *Рейтблат А.И.* Видок Фиглярин: История одной литературной репутации // Вопросы литературы. 1990. № 3. С. 73–114; *Селезнев М.Б.* Литературная репутация Ф.В. Булгарина в литературно-эстетических дискуссиях 1820–1840-х годов: Дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2008; *Шишкова Т.Б.* Литературная позиция и тактика Ф.В. Булгарина-журналиста в 1820-е годы: формирование и развитие: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
- ³ Литературные листки. 1823. № 1. С. 8.
- ⁴ *Н. Д.* [*Дубровин Н.Ф.*] К истории русской литературы. Булгарин и Греч как издатели журналов // Русская старина. 1900. № 9. С. 559–563.
- ⁵ Письма Фаддея Булгарина к Иоахиму Лелевелю: (Материалы для истории рус. лит., 1821–1830 г.). [Варшава], б.г. С. 8–9.
- ⁶ *Шишкова Т.Б.* Указ. соч. С. 24.
- ⁷ Цит. по: Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение / Публ., сост., предисл. и коммент. А.И. Рейтבלата. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 77.
- ⁸ *Селезнев М.Б.* Указ. соч. С. 53.
- ⁹ См. об этом подробнее: *Кузовкина Т.Д.* Указ. соч. С. 49–59.
- ¹⁰ Письма Фаддея Булгарина к Иоахиму Лелевелю. С. 4, 6.
- ¹¹ *Шишкова Т.Б.* Указ. соч. С. 48.
- ¹² *Шаронова А.В.* «Литературные листки» // Пушкин в прижизненной критике, 1820–1827. СПб.: Государственный пушкинский театральный центр, 1996. С. 481.
- ¹³ Литературные листки. 1823. № 2. С. 27–28; № 5. С. 62–63; 1824. № 9–10. С. 368–369.
- ¹⁴ Там же. 1823. № 3. С. 31.
- ¹⁵ Там же. 1824. № 5. С. 160–161.
- ¹⁶ Там же. 1823. № 1. С. 7–8.
- ¹⁷ *Кузовкина Т.Д.* Указ. соч. С. 40–41.
- ¹⁸ См. об этом: *Готовцева А., Киянская О.* Сатира К. Рылеева «К временщику»: Опыт историко-литературного комментария // Вопросы литературы. 2010. № 3. С. 297–340.
- ¹⁹ Соревнователь просвещения и благотворения. 1822. Т. 20. № 12. С. 340.
- ²⁰ *Пушкин А.С.* Письма: В 3 т. М.; Л.: Госиздат, 1926. Т. 1: Письма 1815–1825. С. 45, 117.

- 21 Восстание декабристов: Документы и материалы (далее – ВД). Т. 14. М.: Наука, 1976. С. 188–189.
- 22 Там же. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 3. С. 246.
- 23 *Буслаев Ф.И.* Мои досуги: Воспоминания. Статьи. Размышления. М.: Русская книга, 2003. С. 90.
- 24 Литературные листки. 1823. № 3. С. 39–40.
- 25 ВД. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т. 1. С. 176.
- 26 *Рылеев К.Ф.* Полн. собр. соч. М.: Academia, 1934. С. 230–232. В первой публикации ода была снабжена рядом верноподданнических примечаний, принадлежащих перу Ф.В. Булгарина.
- 27 См., напр.: *Маслов В.И.* Литературная деятельность Рылеева. Киев: Тип. Императорского Университета св. Владимира, 1912. С. 325–327; *Котляревский Н.А.* Рылеев. СПб., 1908. С. 69–73.
- 28 *Оксман Ю.Г.* К.Ф. Рылеев // Звезда. 1933. № 7. С. 150.
- 29 *Жуковский В.А.* Государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение в. кн. Александра Николаевича: Послание: («Изображу ль души смятенной чувство?..») // Жуковский В.А. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1959. Т. 1: Стихотворения. С. 310.
- 30 *Оксман Ю.Г.* К.Ф. Рылеев. С. 149–156.
- 31 См., напр., *Цейтлин А.Г.* [Комментарий к стихотворению Рылеева «Видение. Ода на день тезоименитства Его императорского высочества великого князя Александра Николаевича, 30 августа 1823 года»] // Рылеев К.Ф. Полн. собр. соч. С. 621–622; *Архипова А.В., Ходоров А.Е.* [Примечания к стихотворению Рылеева «Видение. Ода на день тезоименитства Его императорского высочества великого князя Александра Николаевича, 30 августа 1823 года»] // Рылеев К.Ф. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1971. С. 410; *Фомичев С.А.* [Комментарий к стихотворению Рылеева «Видение. Ода на день тезоименитства Его императорского высочества великого князя Александра Николаевича, 30 августа 1823 года»] // Рылеев К.Ф. Соч. Л.: Худож. лит., 1987. С. 359.
- 32 ВД. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 3. С. 163; М.: Наука, 1976. Т. 14. С. 92, 160.
- 33 *Герцен А.И.* Собрание сочинений и писем: В 30 т. М.: АН СССР, 1958. Т. 12. С. 273.
- 34 ВД. Т. 14. С. 104.
- 35 Там же. Т. 1. С. 449–450.
- 36 *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование: В 2 кн. М.: Чарли, 1996. Кн. 1. С. 595–596.
- 37 См. об этом: *Выскочков Л.В.* Император Николай I: Человек и государь. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2001. С. 209–210.
- 38 *Шильдер Н.К.* Указ. соч. С. 136. См. также: *Филарет (Дроздов).* Из воспоминаний // Филарет (Дроздов). Избранные труды, письма, воспоминания. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2003. С. 806.

- ³⁹ *Филарет (Дроздов)*. Указ. соч. С. 806.
- ⁴⁰ Свод основных точек зрения на эту тему см: *Андреева Т.В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в.: Правительственная политика и общественное мнение. СПб.: Лики России, 2009. С. 546.
- ⁴¹ *Мироненко С.В.* Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия. М.: Мысль, 1990. С. 87.
- ⁴² 14 декабря 1825 года и его истолкователи: (Герцен и Огарев против барона Корфа). М.: Наука, 1994. С. 226, 311.
- ⁴³ *Филарет (Дроздов)*. Указ. соч. С. 807.
- ⁴⁴ О Свиныне и его периодических изданиях см.: *Рейтблат А.И., Бочков В.Н.* Свинын Павел Петрович // Русские писатели. 1800–1917. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. Т. 5. С. 519–524; *Проскурина О.А.* Первые «Отечественные записки», или о лжи и патриотизме // Отечественные записки. 2001. № 1. С. 270–277; *Кулакова И.П.* Отечественный мечтатель // Отечественные записки. 2002. № 3. С. 361–373.
- ⁴⁵ Сын Отечества. 1818. Ч. 49. № 39. С. 3. Об авторстве этого стихотворения идут споры. Некоторые исследователи считают, что оно принадлежит перу брата автора очерка – влиятельного столичного чиновника Петра Свинына (см. об этом: *Рейтблат А.И., Бочков В.Н.* Свинын Петр Петрович // Русские писатели. 1800–1917. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. Т. 5. С. 524–525).
- ⁴⁶ Там же. С. 4.
- ⁴⁷ Сын Отечества. 1818. Ч. 49. № 39. С. 24–25.
- ⁴⁸ Там же. № 40. С. 72.
- ⁴⁹ *Липранди А.П.* Из дневника и воспоминаний // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. 3-е изд., доп. СПб.: Академический проект, 1998. Т. 1. С. 304–305. Комментарий к этому фрагменту записок И.П. Липранди см.: Там же. С. 493.
- ⁵⁰ Сын Отечества. 1818. Ч. 49. № 41. С. 115.
- ⁵¹ Остафьевский архив князей Вяземских: В 5 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. Т. 1. С. 129.
- ⁵² Литературные листки. 1823. № 2. С. 25–26.
- ⁵³ Северный архив. 1823. Т.V. № 5. С. 413.
- ⁵⁴ Благонамеренный. 1824. № 1. С. 50–52; Полярная звезда на 1824 // «Полярная звезда», изданная К.Ф. Рылеевым и А.А. Бестужевым. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 388–390; Дамский журнал. 1824. № 24. С. 218–219.
- ⁵⁵ *Данилов Д.Д.* Дедушка русских журналов // Исторический вестник. 1915. Т. 36. С. 114–115.
- ⁵⁶ Там же. С. 116.
- ⁵⁷ См. об этом подробнее: *Пытин А.Н.* Религиозные движения при Александре I. СПб.: Академпроект, 2000. С. 180–236; *Кондаков Ю.Е.*

- Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX в. СПб.: РГПУ им. Герцена, 2005. С. 259–317.
- ⁵⁸ *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М.: Захаров, 2002. С. 256–257.
- ⁵⁹ Там же. С. 263.
- ⁶⁰ Литературные листки. 1824. № 9–10. С. 368–369.
- ⁶¹ *Гуковский Г.А.* Пушкин и русские романтики. М.: Интрадо, 1995. С. 237.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Новоселье. СПб.: Тип. императорской Академии наук, 1846. Ч. 3. С. 211–220.
- ⁶⁴ *Измайлов А.Е.* Письмо П.Л. Яковлеву, 5 ноября 1824 г. С.-Петербург // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1978. Т. 8. С. 161.
- ⁶⁵ *Рылеев К.Ф.* Сочинения. Л.: Худож. лит., 1987. С. 75. Ср.: *Рылеев К.Ф.* Полн. собр. соч. С. 265–266, опубликовано с искажениями текста автографа.
- ⁶⁶ *Архипова А.В.* К. Рылеев «Я ль буду в роковое время...» // Поэтический строй русской лирики. Л.: Наука, 1973. С. 75.
- ⁶⁷ *Е.Я. [Якушкин Е.И.]* По поводу воспоминаний о К.Ф. Рылееве // Десятилетие: Исторический сборник, издаваемый Петром Бартевым. М.: Типография Ф. Иогансона, 1872. Кн. 1. С. 354. Ср.: *Бестужев Н.А.* Воспоминание о Рылееве // Воспоминания Бестужевых. СПб.: Наука, 2005. С. 28. Точку зрения о том, что это стихотворение написано в конце 1825 г., разделяли, например, А.Г. Цейтлин (см.: *Цейтлин А.Г.* [Комментарий к стихотворению «Гражданин»] // Рылеев К.Ф. Полн. собр. соч. М.: Academia, 1934. С. 657–658) и К.В. Пигарев (*Пигарев К.В.* Жизнь Рылеева. М.: Советский писатель, 1947. С. 206).
- ⁶⁸ См.: *Оксман Ю.Г.* [Комментарий к стихотворению «Я ль буду в роковое время...»] // Рылеев К.Ф. Полн. собр. стихотворений. Л.: Изд. писателей в Ленинграде, 1934. С. 397.
- ⁶⁹ *Архипова А.В., Ходоров А.Е.* [Комментарий к стихотворению «Я ль буду в роковое время...»] // Рылеев К.Ф. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1971. С. 414; *Фомичев С.А.* [Комментарий к стихотворению «Я ль буду в роковое время...»] // Рылеев К.Ф. Соч. С. 75, 360; *Архипова А.В.* Указ. соч. С. 64 и др.
- ⁷⁰ *Маслов В.И.* Указ. соч. С. 337.
- ⁷¹ *Рылеев К.Ф.* Соч. Л.: Худож. лит., 1987. С. 75.
- ⁷² *Цейтлин А.Г.* [Комментарий к стихотворению «Стансы»] // Рылеев К.Ф. Полн. собр. соч. М.: Academia, 1934. С. 649.
- ⁷³ *Рылеев К.Ф.* Сочинения. Л.: Худож. лит., 1987. С. 79.
- ⁷⁴ Там же. С. 162.
- ⁷⁵ *Пушкин А.С.* Письмо П.А. Вяземскому, 10 августа 1825 г. Михайловское // Переписка А.С. Пушкина: В 2 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 1. С. 216–218.

А.Г. Готовцева, О.И. Киянская

- ⁷⁶ См., напр.: *Кулакова И.П.* Указ. соч. С. 368–369. Ср.: *Эйдельман Н.Я.* Пушкин и декабристы. М.: Худож. лит., 1979. С. 229.
- ⁷⁷ *Бестужев А.А.* Письмо П.А. Вяземскому, 13 октября 1823 г. // Литературное наследство. М.: Наука, 1956. Т. 60. Кн. 1. Ч. 2. С. 208.
- ⁷⁸ Письма от 6 и 9 ноября 1823 г. // Остафьевский архив князей Вяземских: В 5 т. СПб.: Тип. Стасюлевича, 1899. Т. 2. С. 365–366.

Т.М. Кудрявцева

ОБРАЗ ЯПОНИИ В ГАЗЕТЕ
«РУССКИЕ ВЕДОМОСТИ»
(1895–1902 гг.)

В статье анализируются представления о Японии, формировавшиеся на страницах газеты «Русские ведомости» с 1895 по 1902 г. Автор приходит к выводу о том, что редакция признавала потенциальную военную угрозу, исходившую от Японии, однако не считала ее врагом России. По мнению авторов газеты «Русские ведомости», действительную опасность Япония представляла только в союзе с Англией и Китаем.

Ключевые слова: история русской журналистики, Дальний Восток, «желтая опасность», Китай, либеральная пресса, «Русские ведомости», Япония.

В конце XIX в. в российской внешней политике особое значение приобрело дальневосточное направление. Тридцать первого мая 1891 г. состоялась закладка Транссибирской магистрали, которая ввела Россию «в сферу международного экономического и политического соперничества в Тихом океане»¹; в начале 90-х годов правительство начало проводить целенаправленную переселенческую политику.

Одновременно – после победы Японии над Китаем в 1895 г. – стало очевидно, что на международной арене возникла новая сила, с которой приходилось считаться. До этого момента представления россиян о Японии были смутными. Важную роль в формировании и выражении взглядов образованной общественности играла авторитетная московская либеральная газета «Русские ведомости». В данной ситуации ей предстояло ответить на вопросы: что представляла собой Япония, насколько она была европеизированна, каков был ее военный и экономический потенциал, приоритеты и внешнеполитические ориентиры.

© Кудрявцева Т.М., 2011

Необходимо отметить, что редакция «Русских ведомостей» строго придерживалась ряда принципов. Она стремилась защищать «народные интересы», не упуская из вида «принципов благоразумия и справедливости и избегая увлечения шовинизма»². В отношении вопросов международной политики редакция декларировала: «Мы, не проводя специальных симпатий или антипатий, старались поддерживать всегда убеждения в необходимости сохранения дружественных отношений ко всем государствам и в великой благоготовности мира <...> Но мы вполне признаем, что у каждого государства есть историческая традиция и задачи <...> и что бывают положения, когда выбор невозможен и приходится жертвовать всем для охраны достоинства государства». Исходя из этих положений, редакция пыталась определить свою позицию по отношению к загадочной Японии. Образ Японии, создаваемый на страницах «Русских ведомостей», интересен не только потому, что связан с актуальными политическими процессами конца XIX – начала XX в., но и потому, что впоследствии в значительной степени повлиял на восприятие российским обществом русско-японской войны.

Стоит обратить внимание на типичные для «Русских ведомостей» средства, при помощи которых создавался этот образ. Вследствие строгих цензурных правил редакция не всегда могла декларировать свои взгляды открыто; часто они выражались в расстановке акцентов, в подборе новостей и информационных статей, перепечатке материалов других (в том числе иностранных) изданий.

До 1894–1895 гг. политика России по отношению к Японии была в целом направлена на поддержание добрососедских отношений. Это государство не рассматривалось в Петербурге как серьезная сила³. Ситуация изменилась после войны с Китаем; блестящая победа показала, какой шаг вперед сделала Япония со времен ее открытия европейцами. Она «вдруг повысилась в международном ранге», стала «первой туземной державой в Азии» и обнаружила «такое неожиданное могущество и с таким успехом применила уроки Европы», что, казалось, «не существовало предела тому, что она способна совершить»⁴. Новое положение дел не могло не волновать редакцию «Русских ведомостей»: рядом с границей России обнаружилось сильное азиатское государство.

Двадцать третьего апреля 1895 г. произошло «тройственное вмешательство»: Россия, Германия и Франция обратились к японскому правительству, потребовав отказа от претензий на принадлежавший Китаю Ляодунский полуостров. «Русские ведомости» одобрительно отнеслись к инициативе Петербурга. В то же время сра-

зу после известия о том, что Япония приняла требования держав, на первой странице «Русских ведомостей» появилась примечательная статья из «Вестника Европы»⁵. Признавая определенную опасность, исходившую от Японии, автор, однако, утверждал, что в дальнейшем России стоит поддерживать с японцами дружественные отношения, основанные на обоюдной выгоде. Нет никакой нужды «отталкивать от себя полезных и толковых соседей и искусственно превращать их во врагов, под предлогом каких-то фантастических опасностей в будущем».

Таким образом, по итогам войны редакция признавала исходившую от Японии опасность и считала необходимым защищать российские интересы в регионе; в то же время России были выгодны мирные отношения с Японией. Вопрос заключался в том, насколько Япония желала мирных взаимоотношений с Россией. В конце 1895 г. японское правительство приняло десятилетнюю программу развития хозяйства. По существу, это был план милитаризации экономики, предусматривавший создание ряда отраслей тяжелой промышленности, реорганизацию и укрепление вооруженных сил.

Неудивительно, что после японско-китайской войны отношение «Русских ведомостей» к Японии оставалось настороженным. В газете регулярно печатали сведения о внутренней политике Японии; в случае изменения расстановки сил на Дальнем Востоке первым делом обращалось внимание на официальную позицию Японии и настроения японской общественности. К примеру, после тройственного вмешательства редакция сообщала, что, «несмотря на свою финансовую слабость», японское правительство не переставало вооружаться; империя активно занималась реорганизацией армии и флота⁶. Общество было настроено воинственно, враждебно по отношению к России. «Гордые своей победой над Китаем», японцы были уверены, что ни одна держава не в состоянии остановить их «миссии руководить судьбами Восточной Азии»⁷.

В декабре 1897 г., когда в печати начали говорить о возможном занятии Россией Порт-Артура, в «Русских ведомостях» была напечатана речь японского посланника в Париже⁸. Он назвал отношения между Россией и Японией «хорошими» и заявил, что Япония готова «употребить все усилия к тому, чтобы сохранить доброе согласие с Россией». Что касается усиления японских войск, то, по уверению посланника, оно служило оборонительным целям. Заявления такого плана редакция не комментировала, однако, судя по тому, что в газете регулярно появлялись сообщения об усилении японской армии и флота (количество таких сообщений возрастало во время потенциально конфликтных ситуаций), мирные намерения японского правительства подвергались сомнению.

Сразу после появления в печати сведений об аренде Россией принадлежавших Китаю Порт-Артура и Дальнего в «Русских ведомостях» последовал обзор ситуации внутри Японии. Согласно этим сведениям, японское правительство не думало, что дело может дойти до войны, «хотя на всякий случай Япония вооружалась»⁹. После публикации официального сообщения об аренде «Русские ведомости» отметили, что японский посланник не высказал никаких возражений против русско-китайского соглашения¹⁰. После этого заверения редакция привела сравнительный обзор военно-морских сил держав¹¹. Его итоги могли насторожить читателя: японский флот, обладавший опорными базами в Тихом океане, был первым по численности, содержал новейшие, лучшие в мире броненосцы и крейсера и имел недавний опыт ведения морской войны.

В 1900 г. в Китае вспыхнуло «боксерское восстание»; иностранные посланники оказались осаждены в пекинском посольском квартале. Крупнейшие державы организовали совместный поход на Пекин. Во время этого похода была отмечена высокая боеготовность японских войск. Они «являли всем пример блестящей организации»¹². Управление японской армией, «храбрость, бодрый дух и интеллигентность» солдат стали «откровением». Японские солдаты были образцовыми: военной выправкой, обмундированием они свидетельствовали о том, что военному делу в Японии было «посвящено немало забот»¹³. Общее впечатление от описания оружия и экипировки портило замечание о наружности японских солдат: на лицах японцев лежало «застывшее выражение упрямого и вместе с тем злого постоянства»; «так и светился в их черных маленьких глазках твердый характер неприрученного еще зверька, который и сам не будет просить пощады, но и другого не пощадит».

Подобное пристальное внимание, проявляемое во время конфликтных ситуаций к внешнеполитической позиции Японии, ее общественным настроениям и ходу вооружения, говорило о том, что редакция считала Японию потенциальным соперником, представлявшим для России военную опасность.

Гораздо менее опасной представлялась «Русским ведомостям» экономическая конкуренция, несмотря на то что в ходе реформ японская экономика достигла значительных высот. Как утверждал со страниц газеты бывший представитель Германии в Японии и Китае М. Брандт, Япония добилась того качества производства товаров, которое встречалось лишь у «наиболее развитых в промышленном отношении наций»¹⁴. Однако немногочисленные сведения такого рода уравнивались в «Русских ведомостях» сообщениями, согласно которым преувеличивать возможности японской экономики не стоило. Подъем японской экономики после войны с

Китаем был временным: непрерывный рост военных расходов вызывал рост налогов, цен и, соответственно, зарплат; как следствие, сглаживались различия между стоимостью европейских и японских товаров. В описаниях, приводимых редакцией, кризис выглядел явлением фатальным¹⁵. Япония «слишком дорогой ценой заплатила за приобщение себя к европейской цивилизации»¹⁶, основанной на вооружении; увеличивались старые налоги, появлялись новые. Таким образом, если за японским вооружением «Русские ведомости» не переставали следить, публикуя подробные данные о заказах судов для военного флота, то экономическая конкуренция казалась редакции значительно менее опасной.

Согласно мнению английских газет, приведенному в «Русских ведомостях», средств Японии должно было хватить на войну с Россией¹⁷. То, насколько эта опасность могла стать реальной, зависело от внешнеполитической ориентации японского правительства. Пожалуй, наибольшую угрозу представляло взаимодействие Англии и Японии. Англо-японское сближение «вполне определилось во время вмешательства трех держав»¹⁸. Размещение в Великобритании военных заказов стало экономической базой для установления тесных отношений между Японией и Англией.

Нужно заметить, что «Русские ведомости» часто оценивали меру опасности державы по степени ее близости с Англией (по мнению редакции, главным противником и истинным врагом России), поэтому редакция внимательно наблюдала за развитием англо-японских отношений.

Политическая ориентация Японии достаточно долго оставалась для редакции неясной; поступавшие известия были противоречивыми. Согласно одним сведениям, все недоразумения, последовавшие после японско-китайской войны, были улажены; в Японии замечалось «сильное движение в пользу прочного союза с Россией»¹⁹. Японцы «начали осознавать», что «единственное благополучие» их страны заключалось в «тесной дружбе и союзе с Россией»²⁰. В правительственных сферах и средствах массовой информации «народилось сознание», что «истинный вероломный постоянный враг» Японии – Англия²¹. Согласно другим сведениям, общественное настроение в Японии было «решительно благоприятно» для Англии и враждебно России²². Редакция также привела третью точку зрения, представленную статьей из японской газеты, согласно которой Япония вовсе не собиралась делать выбор, намереваясь играть на противоречиях держав²³. Антагонизм России и Англии должен был предоставить Японии «тот пьедестал, с высоты которого она властно будет диктовать свои условия».

Редакция полагала, что Англия делала все для того, чтобы привлечь Японию на свою сторону; Япония также склонялась к проанглийской ориентации. Сделать подобный вывод позволяли заявления японских официальных лиц²⁴; настроение японской общественности также было благоприятно для Англии²⁵. После занятия Россией Порт-Артура и Дальнего редакция привела любопытные сведения относительно политических взглядов японского общества. По сообщению токийского корреспондента «Times» (приведенному с поправкой на его «англофильскую окраску»²⁶), «наиболее влиятельная фракция» японских журналистов считала английскую политику единственным надежным средством поддержания мира и призывала Японию следовать в фарватере этой политики. Во время похода держав на Пекин специальный корреспондент «Русских ведомостей» в Шанхае сообщал, что Британия стремилась к союзу с Японией, а английская пресса настраивала Японию против России²⁷.

Четкого представления о японской ориентации не было вплоть до 1902 г., когда Англия и Япония заключили союз, направленный в первую очередь против России. Редакция признавала первостепенную опасность объединения этих стран и следила за их взаимодействием.

Еще одну потенциальную опасность представляло собой объединение Японии и Китая. Цитировавшийся в «Русских ведомостях» японский посланник в Париже старался убедить читателей в проевропейской ориентации Японии: «Наши стремления – европейские; Китай же – страна отсталых невежд <...>»²⁸. Другой японский дипломат заявлял, что о союзе Японии с Китаем не могло быть и речи: Япония «как культурная держава» сильнее тяготела к Европе, чем к Китаю; «вопроса о желтой расе для японцев не существовало»²⁹. Тем не менее именно в этот период в Японии была выдвинута идея создания «Великой Восточной Азии», в которой ей предстояло играть главную роль. Пропаганда паназиатизма велась в Китае через прояпонскую прессу; с этой же целью создавались различные японско-китайские общества. Японцы стремились внедрить советников и военных инструкторов, чтобы оказывать влияние на различные стороны жизни китайского общества.

Негативное отношение к сближению этих стран было вызвано не только стратегическими соображениями, но и «мифом о желтой опасности» – страхом перед объединением азиатских народов с целью порабощения Европы. Вопрос заключался в том, была Япония ближе к Европе или к Азии. Сообщения, появлявшиеся на страницах «Русских ведомостей», часто свидетельствовали о высоком культурном уровне Японии. На Парижской выставке корреспон-

денту «особенно резко» бросились в глаза «крупные успехи», сделанные Японией в области народного образования, искусства, промышленности, социально-экономических отношений³⁰. Япония признавалась «наиболее культурной страной» крайнего Востока³¹. Именно там ежегодно издавалось наибольшее число книг в мире³². Народное образование составляло предмет «особых забот» со стороны японского правительства; в этой сфере Япония значительно превосходила Россию³³. К 1901 г. в Японии насчитывалось около 30 000 начальных школ с 4 млн учащихся, из которых $\frac{1}{4}$ составляли девочки³⁴. В области женского образования также были сделаны большие успехи. По инициативе императрицы в Японии был открыт ряд высших женских школ³⁵. Женщины стали допускаться в университеты и приниматься на государственную службу по почтовому и телеграфному ведомствам.

Отмечался также высокий уровень японского искусства. Корреспондент В.И. Сизов уважительно отзывался о японской живописи, восхищался художественной ценностью и оригинальностью бытовых предметов (тканей, вееров, ширм и т. д.)³⁶. По признанию Сизова, в декоративном искусстве японцы были «много выше европейцев»³⁷. Отличительной чертой восточных мастеров было «обилие вкуса», стремление достичь прекрасного немногими средствами. Мелочи японского производства «поражали внимание изяществом», крупные же вещи из слоновой кости, картины из перламутра, изделия из черепахи, ширмы с вышивками по шелку и атласу могли привести европейца в «действительное восхищение»³⁸.

На высоте в Японии была и культура быта. Корреспондент «Русских ведомостей» В.В. Корсаков отмечал, что «опрятность и чистота» были в Японии повсюду³⁹. Прибыв в Нагасаки, Корсаков был «поражен» «порядком и тем спокойно деловитым характером жизни, который присущ культурному народу»⁴⁰. Всюду был виден «сознательный и упорный труд». В бухте все было «чудно живописно, картинно, изящно», на набережной стояли «красивые по архитектуре» дома. На этом фоне неприятно выделялись питейные дома; из них доносилась «русская пьяная ругань, заглушаемая разбитной трескотней разбитого фортепьяно»; именно этой «отборной бранью» и «ограничивалось культурное влияние русских».

Особенно благоприятное впечатление производили на российского путешественника железные дороги. В поездах было электрическое освещение, чистота, проезд «поразительно дешев»⁴¹, станции удобны, поезда развивали высокую скорость. Среди публики не было «ни той грубости, ни той наглости», которая часто встречалась в российских вагонах. Как утверждал Корсаков, приглядевшись к общественной жизни Японии, можно было понять, почему

страна такими быстрыми шагами шла вперед: основой реформ стало стремление к «удобствам и дешевизне европейской цивилизации при прочных и непоколебимых устоях народной жизни».

Япония сделала «огромные успехи», быстро восприняв европейскую цивилизацию; однако неизвестно было, насколько глубоко пущены ее корни⁴². По мнению редакции, для ответа на этот вопрос недостаточно было познакомиться с «теми внешними факторами, в которых выразилось уважение Японии к европейской цивилизации»: с ее политическим устройством, техническими успехами и т. д. Надо было исследовать, насколько в действительности было велико «уважение к Западу». Ответ мог быть дан «довольно многочисленными статьями, книгами, воспоминаниями»; однако в обзоре, посвященном этой проблеме, редакция выбрала именно те, в которых был отражен пессимистический взгляд на ситуацию. В подборке подробно цитировалась статья некоего Ж. Бюргара, сообщавшего из Нагасаки о том, что, по сути, японский народ остался таким же, каким был 300 лет назад; японцы не только не восприняли европейских обычаев, но, по утверждению автора, были враждебны всему, что исходило из Европы. Учителя внушали детям, что Европа – край варваров; так же поступали профессора университета в Токио. «Ненависть к иностранцам, протест против всякого внешнего влияния, реакция старых нравов против европейской цивилизации – таковы совершенные проявления японской души». Редакция замечала, что другие наблюдатели, знакомые с Японией, смотрели на нее не так пессимистически (тем не менее обширно цитировалась именно статья Бюргара). Писатель П. Леруа-Болье, например, «очень сочувственно» относился к реформам в Японии, однако и он замечал, что японцам было свойственно враждебное отношение к иностранцам. Другой писатель, Л. Херн, «очень сочувственно отзывался о японцах», но и он «констатировал, что правила, внушаемые воспитанием японцев, не позволяли открывать их истинных мыслей». Стоит обратить внимание на расстановку акцентов: создается впечатление, что автор подборки намеренно искал негативные отзывы о японцах.

Не меньший пессимизм проявился в приведенном редакцией докладе профессора японской словесности Е.Г. Спальвина. Профессор заявлял, что «весь лоск европеизма, которым так гордятся японцы, воспринят ими лишь по внешности, а в действительности самый дух этой культуры и цивилизации остался для них совершенно чуждым»⁴³.

Аналогично В.В. Корсаков утверждал, что «в глубине души японец остается японцем»⁴⁴. Судить «по наружным признакам об успехах европейской культуры» было ошибочно: народная жизнь шла

по своим законам. Корсаков полагал, что, в силу азиатской сущности, наиболее естественной для Японии была ориентация на Китай⁴⁵. У Японии было немало поводов для вражды с Европой, и «искренний, хотя и тайный союз ее с Китаем» был для нее неизбежным союзом «на жизнь и смерть в борьбе с Европой за обладание Востоком».

Возможное объединение Японии и Китая, как уже отмечалось, вызывало опасения в России. Увлечение «мифом о желтой опасности» было не слишком характерно для «Русских ведомостей», однако и там появлялись соответствующие материалы. Цитируемая «Kölnische Zeitung» утверждала, что прогресс Японии, разгром Китая – все это указывало на Японию «как на несомненную руководительницу» в борьбе «между белой и желтой расами»⁴⁶. В статье из «Revue de Paris» анонимный автор предостерегал Европу, утверждая, что японцы желают вернуть себе «былое могущество», вернуть прежние размеры «древнейшей в мире империи, блестящая история которой обнимает эпоху в несколько тысячелетий, а территория измеряется миллионами миль»⁴⁷. Япония якобы планировала взять под контроль управление Китаем; в таком случае ее экономическое развитие «не будет иметь границ». Как утверждал автор статьи, в итоге Япония собиралась создать под своей эгидой мирную федерацию, а затем – «воинственный союз с боевым кличем: “Азия для азиатцев”». Тогда, якобы по словам японцев, европейцы «будут принуждены принимать наши условия или совсем устраниваться с нашего пути. Союз азиатских стран с Японией во главе будет непобедим».

Объединением Китая и Японии могла воспользоваться Англия. Еще в 80-х годах XIX в. «излюбленным мотивом английской печати» была пропаганда сотрудничества Китая и Японии под руководством Англии⁴⁸. Много раз в «Русских ведомостях» отмечалось, что за действиями японцев в Китае стояли англичане⁴⁹.

Таким образом, с одной стороны, «Русские ведомости» признавали цивилизованность Японии; с другой – согласно мнению газеты, Япония, по сути, оставалась ближе к Китаю, чем к Европе, и японско-китайский союз был более чем возможен. Этот союз был выгоден стоявшему за ним конкуренту России – Англии; в отдаленной перспективе он угрожал объединением азиатских стран против Европы.

Отношение редакции к политике Японии в Китае ярко проявилось во время конфликтной ситуации в мае 1900 г., когда необходимость военного вмешательства в китайские события признавалась очевидной. От России и Японии, территориально близких к Китаю, ожидалось активные действия. Англия и, «если верить английским газетам», Япония противились высадке русских войск,

опасаясь, что Россия возьмет ситуацию под свой контроль⁵⁰. Лондонский корреспондент «Berliner Tageblatt» даже задавался вопросом, «отважится ли Япония, втайне подстрекаемая Англией», выступить против России. Япония поддерживала с Англией «самые тесные отношения» и, в свою очередь, предлагала подавить восстание исключительно японскими силами.

Редакция «Русских ведомостей» комментировала возможность открытого столкновения с Японией, сославшись на авторитетное мнение «многих иностранных газет»⁵¹. По ее сведениям, «слухи» о соперничестве и возможном военном столкновении России и Японии не должны были оправдаться⁵². «Наиболее влиятельные политики Японии» были сторонниками мирных отношений с Россией и противниками территориальных приобретений. Ввиду этого «иностраные газеты, более трезво и серьезно смотрящие на настоящее международное положение», не видели оснований для беспокойства даже в случае вмешательства Японии в китайские дела. Судя по этим сообщениям, редакция не видела серьезной опасности для российских интересов со стороны Японии и ничего не имела против использования в подавлении восстания японских вооруженных сил, поскольку борьба с народным движением в Китае была задачей «трудной и неблагодарной»⁵³. Редакция выступала, по всей видимости, только против того, чтобы Япония усмиряла Китай в одиночку⁵⁴; впрочем, если бы за Японией не стояла Англия, то предложение предоставить так называемым желтокожим пруссакам возможность расправиться с Китаем было бы наиболее выгодным⁵⁵.

Подводя итоги, можно сказать, что «Русские ведомости» в целом проводили достаточно четкую редакционную политику в отношении Японии. Она отражалась как в собственных аналитических статьях, так и в републикациях из российских и иностранных изданий, а также в интервью, корреспонденциях, путевых заметках и даже книжных обзорах. Посредством специфического отбора материалов и расстановки акцентов редакция пыталась сформировать у читателя определенную позицию: на страницах «Русских ведомостей» был создан образ сделавшей большие успехи на пути европеизации, но по сути все еще азиатской страны, которая представляла для России потенциальную военную опасность. При этом редакция не считала Японию принципиальным врагом России. Угроза возникала в случае взаимодействия Японии с Англией, которая играла на русско-японских противоречиях, пытаясь склонить Японию на свою сторону. Опасным представлялось также сближение стран «желтой расы»: в ряде статей указывалось на возможность союза японцев и китайцев, однако и здесь инициатором японской экспансии в Китае считалась Англия.

- ¹ Романов Б.А. Россия в Манчжурии (1892–1906). Л.: Изд-во Ленинградского Восточного ин-та им. А.С. Енукидзе, 1928. С. 4.
- ² Цит. по: Русские ведомости, 1863–1913: Сб. статей. М.: Тип. «Русских ведомостей», 1913. С. 20–23.
- ³ Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. М.: АН СССР, 1956. С. 549–550.
- ⁴ Русские ведомости. 1895. № 97. С. 1.
- ⁵ Там же. № 120. С. 1.
- ⁶ Там же. № 257. С. 3; № 218. С. 2; № 292. С. 1.
- ⁷ Там же. № 266. С. 1.
- ⁸ Там же. 1897. № 339. С. 4.
- ⁹ Там же. 1898. № 61. С. 3.
- ¹⁰ Там же. № 76. С. 2.
- ¹¹ Там же. № 78. С. 4.
- ¹² Там же. 1900. № 207. С. 2.
- ¹³ Там же. 1901. № 46. С. 3–4.
- ¹⁴ Там же. 1895. № 101. С. 3.
- ¹⁵ Там же. 1898. № 81. С. 3–4.
- ¹⁶ Там же. 1902. № 88. С. 3–4.
- ¹⁷ Там же. 1899. № 301. С. 3–4.
- ¹⁸ Нарочницкий А.Л. Указ. соч. С. 661.
- ¹⁹ Русские ведомости. 1895. № 214. С. 1–2.
- ²⁰ Там же. № 283. С. 1–2.
- ²¹ Там же. № 214. С. 1–2.
- ²² Там же. № 218. С. 2.
- ²³ Там же. 1898. № 88. С. 3.
- ²⁴ Там же. 1895. № 140. С. 3.
- ²⁵ Там же. № 96. С. 2.
- ²⁶ Там же. 1898. № 94. С. 3.
- ²⁷ Там же. 1900. № 203. С. 1.
- ²⁸ Там же. 1895. № 113. С. 3.
- ²⁹ Там же. 1900. № 197. С. 1.
- ³⁰ Там же. № 171. С. 3.
- ³¹ Там же. 1897. № 44. С. 3.
- ³² Там же. 1898. № 203. С. 4.
- ³³ Там же. 1900. № 254. С. 2–3; 1896. № 200. С. 2–3.
- ³⁴ Там же. 1901. № 315. С. 4.
- ³⁵ Там же. 1900. № 338. С. 4.
- ³⁶ Там же. 1897. № 44. С. 3.
- ³⁷ Там же. 1901. № 152. С. 3.
- ³⁸ Там же. 1902. № 88. С. 3–4.

Т.М. Кудрявцева

- 39 Там же. 1900. № 289. С. 3.
- 40 Там же. № 254. С. 2–3.
- 41 Там же. 1902. № 45. С. 3.
- 42 Там же. 1900. № 194. С. 3–4.
- 43 Там же. № 334. С. 2.
- 44 Там же. 1902. № 88. С. 3–4.
- 45 Там же. 1901. № 220. С. 2.
- 46 Там же. 1895. № 102. С. 2–3.
- 47 Там же. № 126. С. 3–4.
- 48 *Нарочницкий А.Л.* Указ. соч. С. 423.
- 49 Русские ведомости. 1899. № 303. С. 2; 1898. № 197. С. 1.
- 50 Там же. 1900. № 152. С. 1.
- 51 Там же. № 153. С. 1.
- 52 Там же. № 152. С. 1; № 153. С. 1.
- 53 Там же. № 203. С. 1.
- 54 Там же. № 178. С. 1.
- 55 Там же. № 184. С. 2–3.

Е.Л. Яворская

ОДЕССКАЯ ПРЕССА 1918–1919 гг. О ГИБЕЛИ АНАТОЛИЯ ФИОЛЕТОВА

В статье дан обзор публикаций, посвященных памяти А. Фиолетова, одесского поэта и инспектора уголовного розыска, на страницах одесских газет и журналов. Авторы этих публикаций от простого факта констатации смерти Фиолетова пришли к осознанию его роли в поэтической жизни Одессы начала XX в.

Ключевые слова: Фиолетов, одесская журналистика, поэтический вечер, сборник стихов, инспектор уголовного розыска, некролог.

В середине 10-х годов XX в. поэтическая жизнь Одессы становится как никогда бурной. Появляются новые имена, одно из самых ярких – Анатолий Фиолетов. История его становления и гибели прослеживается на страницах одесской периодики того времени.

Настоящее имя Фиолетова – Натан Бенъяминович Шор. Согласно «Метрической книге о рождении Одесского раввината», «тысяча восемьсот девяносто седьмого года июля 21 дня у Брацлавского 2 гильдии купеческого сына Бенъямина Хаимова Шора и жены его Куни родился 14 и обрезан 21 июля сын, нареченный именем Натан»¹.

До шестого класса он учился в частной мужской гимназии, в 1912 г. перешел в частную гимназию И.Р. Раппопорта, которую окончил в 1916 г.² Дядя Натана Шора служил в действующей армии – и благодаря этому ему удалось поступить сверх еврейской нормы на юридический факультет Новороссийского университета³. Как литератор дебютировал он в феврале 1914 г. на страницах газеты «Одесская копейка» стихотворением «Мери», подписанным «Анатолий Фиолетов». Вскоре его стихотворения начинают печат-

таться в других периодических изданиях и альманахах Одессы («Южная мысль», «Серебряные трубы», «Чудо в пустыне» и т. п.), он выступает на поэтических вечерах. В 1914 г. в Одессе вышел единственный прижизненный сборник Фиолетова «Зеленые агаты». В него включены 25 стихотворений.

После Февральской революции студенты юридического факультета, на котором учился Фиолетов, были призваны на службу в милицию⁴. После демобилизации студентов остался служить в уголовном сыске – согласно семейному преданию, он сделал это в пику родным, недовольным его женитьбой⁵. Работу в сыске поэт сочетал с выступлениями на литературных вечерах и сотрудничеством в периодике. О нем пишет одесская пресса. Так, «Одесский листок» отмечает: «Душа Ан. Фиолетова – душа мальчика, заблудившегося в большом городе, очень радостного и очень удивленно-го мальчика, для которого на свете так много прекрасных вещей: животные и весна, груши и сказки»⁶.

В ноябре 1918 г. Анатолий Фиолетов был убит. Можно сказать, что именно тогда к нему пришла настоящая слава. Ни одно событие 1918–1919 гг. не вызвало такого отклика прессы. Газеты «Одесский листок», «Одесские новости», «Одесская почта», «Южная мысль», журналы «Жизнь», «Мельпомена», «Универсальная библиотека» публиковали сообщения о его смерти, некрологи и статьи, посвященные его памяти, – всего удалось обнаружить 17 таких публикаций. Информация о двух вечерах памяти Фиолетова (18 декабря 1918 г. и 2 декабря 1919 г.) появилась в семи газетах, краткое описание или развернутый отзыв – в девяти.

Первой об убийстве поэта и инспектора уголовно-розыскного отделения сообщила 28 (15) ноября газета «Одесская почта»:

Большую тревогу вызвала вчера в городе перестрелка, завязавшаяся на углу Б[ольшой] Арнаутской ул. и Треугольного переулка недалеко от Толкучего рынка. Весь этот район был окружен ватными и отрядом добровольческой армии. Среди испуганных обывателей усиленно передавалась версия о каком-то выступлении, и в одно мгновение все магазины и ворота домов оказались закрытыми. Выяснилось следующее. Около 4-х часов дня инспектор уголовно-розыскного отделения, студент 4-го курса Шор в сопровождении агента Войцеховского, находясь по делам службы на «Толчке», куда они были командированы для выслеживания важного преступника, решил поговорить по телефону. Для этой цели Шор вошел в одеяльно-матрачную мастерскую Миркина. Едва он очутился в мастерской, как туда вслед за ним вошло трое каких-то субъектов. Шор, войдя в магазин, опустил руку в карман, чтобы

по-видимому, достать револьвер. Но не успел он этого сделать, как один из неизвестных выхватил револьвер и произвел в него выстрел. Вслед за тем другой из компании неизвестных произвел выстрел в агента Войцеховского, который успел выбежать на улицу. Выстрелами Шор и Войцеховский были убиты. Убийцы, воспользовавшись суматохой, быстро скрылись <...> Полагают, что инспектор Шор и агент Войцеховский пали жертвой мести со стороны преступников, которых они выследили на «Толчке». Во время перестрелки ранен прохожий, который доставлен в еврейскую больницу⁷.

Практически дословно информацию повторяют «Одесские новости», уточняя имя и возраст: «студент Анатолий Шор, 22 л.»⁸.

На следующий день информацию об инспекторе дополняет «Одесская почта»:

Вчера закончено дознание об убийстве на Б[ольшой] Арнаутской ул. чинов угол[овно]-розыскного отделения студента Шора и поручика Войцеховского. Убитый Шор работал в уг[оловно]-розыскном отделении с первых дней революции. До этого покойный работал в юмористических журналах, писал стихи под псевдонимом «Фиолетов»⁹.

Большая часть материалов, посвященных памяти Фиолетова, появляется 29 и 30 ноября. На первой полосе газеты «Одесские новости» опубликовано два информационных сообщения: «Зинаида Шишова (жена поэта. – Е. Я.) извещает о смерти дорогого Анатолия Фиолетова» и «“Зеленая лампа”, “Одесский кружок поэтов” и “Студенческий литературно-художествен[ный] кружок” извещают о трагической смерти поэта Анатолия Фиолетова»¹⁰. На четвертой полосе находим еще два материала: «Покойный принимал участие в многих сборниках, издававшихся в Одессе и провинции, в последнее время был ближайшим сотрудником харьковского литературно-художественного журнала “Камена”, а также состоял членом одесских поэтических кружков. Среди литературной молодежи Анатолий Фиолетов выделялся большим дарованием, и стихи его были отмечены столичной критикой»¹¹. «Убитый инспектор уголовно-розыскного отделения Анатолий Шор до поступления на службу в отделение работал в столичных юмористических журналах под псевдонимом “Фиолетов”. Он попал в отделение в революционные дни и оставался там до последнего времени, считаясь одним из опытных сотрудников по уголовному розыску»¹².

Е.Л. Яворская

На смерть Фиолетова откликается его учитель К. Бархин – это была, по-видимому, первая попытка осмыслить трагическое событие в контексте творчества убитого поэта:

Его застрелил неведомый нам преступник, может быть, профессиональный убийца – с низким заросшим лбом, приподнятым заостренным подбородком и почти прозрачными большими, петлистыми ушами, застрелил в ту минуту, как Шор опустил руку в карман, очевидно, желая, в свою очередь, достать револьвер... Все дело какой-нибудь секунды – спасся тот, кто спустил раньше курок... Шору было всего 22 года. Он был поэт, и он был – инспектор уголовно-розыскного отдела!.. Какая дикая, чудовищная антитеза... Мы уверены, что нигде в Европе нет во главе уголовного сыска – студентов и уверены в том, что нигде люди, отслеживающие убийц и поджигателей, охотящиеся за ними по ночам, посещающие, по делам службы, все гнойные ямы разврата и преступлений, не сочиняют трогательно-нежных и детски-наивных песенок. Нелепая наша, спутанная, злая жизнь!¹³

Бархину вторит Александр Соколовский, который «встраивает» смерть Фиолетова в ряд других «смертей поэтов»: «Злой рок тяготеет над нами. Год тому назад, выстрелом в рот, покончил с собой молодой поэт Юрий Адлер, оставив на полях книжки Маяковского записку: “Жить скучно!” Месяца два тому назад от воспаления легких умер совсем еще юный, подававший надежды поэт Анатолий Гамма. Ныне, с глубокой грустью приходится примириться с трагической смертью 22-летнего Анатолия Васильевича Фиолетова»¹⁴.

Статьи о смерти Фиолетова переходят с газетных полос на журнальные страницы: их публикуют журналы «Мельпомена» и «Театральный день»¹⁵. А журнал «Универсальная библиотека» печатает стихи «памяти Фиолетова», написанные Еленой (Эмилией) Немировской – с эпиграфом из Н.С. Гумилева.

Памяти Анатолия Фиолетова

Так вот он, странный паладин,
С душой, измученной нездешним.
Н. Гумилев

Ты больше не будешь средь синих батистов
В качуче сверкать огневой.
Но странно наш круг утомленных артистов
Запомнит глаза с синевой.

Запомнит Иньесы холодные пальцы
И твой одинокий камин,
Где шелком мечтаний опутал скитальца
Причудливо-томный Кузмин.
За круглым столом опустошено место,
Ушел паладин голубой,
И молится Муза, чужая невеста,
С Евангельем снов над тобой.
Такой еще наш, неостывший, вчерашний...
И мнится, открытый, наивный твой рот
Поет о принцессе, брошенной в башне,
Где много железных ворот!¹⁶

В 1919 г., после вечера памяти Фиолетова, Георгий Шенгели, словно подводя черту под всем написанным, обозначает место Фиолетова в южнорусской школе:

У каждой литературной школы есть безвременно погибший юноша. У пушкинцев – Веневитинов. У символистов – Коневский. У северянцев – Игнатьев. У футуристов – Божидар. У акмеистов – Лозинский. Южно-русская школа поэтов, столь отчетливо запевшая в последние годы в Одессе, так же имеет «жертву утреннюю» – Анатолия Фиолетова¹⁷.

Примечания

- ¹ Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 39. Оп. 5. Д. 83. Л. 235.
- ² Там же. Ф. 45. Оп. 5. Д. 15115. Л. 3.
- ³ Там же. Л. 2.
- ⁴ См. об этом: *Ставров П.* Эдя Багрицкий и другие: (Одесса 1917–1918) // Дерибасовская-Ришельевская: Одесский альманах. Одесса: Издательская организация «Пласке», 2003. № 14. С. 28.
- ⁵ Сообщено И.В. Морозовой, Москва, 2004.
- ⁶ Вечер «кружка одесских поэтов» // Одесский листок. 1918. 10 апр. (28 марта). № 66. С. 4.
- ⁷ Убийство инспектора уголовно-розыскного отделения // Одесская почта. 1918. 28 (15) нояб. № 3478. С. 4.
- ⁸ Убийство двух чинов уголовно-розыскного отдела // Одесские новости. 1918. 28 (15) нояб. № 10853. С. 4.
- ⁹ К убийству чинов розыскн. Отделения // Одесская почта. 1918. 29 (16) нояб. № 3479. С. 4.

Е.Л. Яворская

- ¹⁰ Одесские новости. 1918. 29 (16) нояб. № 10854. С. 1.
- ¹¹ Там же. С. 4.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Иювин Ал. [Бархин К.]* Два слова о Шоре-Фиолетове // Там же. С. 4.
- ¹⁴ *Соколовский Ал.* Памяти поэта Анатолия Фиолетова // Там же.
- ¹⁵ См.: *Ал. Ш.* Памяти Анатолия Фиолетова // Мельпомена. Одесса, 1918. № 35. С. 13; Театральный день. Одесса, 1918. № 185. С. 4–5.
- ¹⁶ *Немировская Е.* Памяти Анатолия Фиолетова // Универсальная библиотека. Одесса, 1918. № 3. С. 17.
- ¹⁷ *Шенгели Г.* Анатолий Фиолетов // Театральная Одесса. 1919. № 23. С. 7.

М.П. Одесский

СТРАНА ГИПЕРБОРЕЕВ.
ОККУЛЬТНАЯ ТОПИКА В СОВЕТСКОЙ ПРЕССЕ
И ФАНТАСТИКЕ (1920-е годы)

В конце XIX – начале XX в. кризис традиционного общества и традиционной науки сопровождался кризисом позитивистской картины мира и общим интересом к оккультизму. В области литературы и культуры оккультное возрождение выражалось разными способами: использование оккультной топики как реакция на современную моду, как средство пропаганды оккультных идей и т. д. В СССР деятельность оккультных обществ была запрещена, однако некоторые писатели стремились реализовать свою оккультную программу в новых условиях и использовали для этого разные приемы. Например, они маскировали подозрительные – с точки зрения официальной идеологии – темы, обращаясь к «несерьезной» форме литературной фантастики. Важно также отметить, что писатели часто находили в советских газетах источники сюжетов для своих книг.

Ключевые слова: советские газеты, фантастика, оккультная топка, Л.И. Гумилевский, В.А. Обручев, Г.В. Алексеев.

В 1927 г. Л.И. Гумилевский опубликовал рассказ «Страна гипербореев»¹, в котором из города Колы отправился на Север «отряд, хорошо снаряженный для путешествия, но состоявший всего лишь из двух человек»: старого охотника по прозвищу Колгуй и молчаливого незнакомца, которого за чудесный дар исцеления именовали «доктором». Они направились к загадочному Острову Духов. Путешественники находят пресловутые каменные лабиринты, радостно опознаваемые незнакомцем как доказательство верности маршрута. Когда же они на лодке приблизились к Острову Духов, «доктор» неожиданно преобразился: «Вместо него в лодке стоял высокий индус в шелковом шелестящем халате, отливающим на солнце всеми цветами радуги. Белая чалма была глубоко

М.П. Одесский

надвинута на лоб...» Оказывается, на острове нашли пристанище последние гиперборейцы – вырождающиеся наследники великой цивилизации, а незнакомец прибыл из таинственного центра в Индии (Колгуй эрудированно заподозрил, что из Лхасы), где получили послание гиперборейцев и решили отправить своего человека, которому надлежало удостовериться в информации. В финале путешественники оставляют остров и счастливо возвращаются в Колу.

Рассказ был опубликован в сборнике Гумилевского «Четыре вечера на мертвом корабле» (издательство «Молодая гвардия») и в журнале «Всемирный следопыт» (№ 4), которым руководил экспедитор по приключенческой литературе – В.А. Попов, редактор дореволюционного журнала «Вокруг света» (в 1927 г. возобновлен), хорошо знакомый Гумилевскому².

Лев Иванович Гумилевский (1890–1976) активно печатался с 10-х годов и показал себя мастером актуальной темы и массовой литературы. В романе «Харита, ее жизнь и приключения, а также подробный рассказ о том, как был найден город Карла Маркса» (1926) он претендовал на изобретение советской подростковой литературы, а роман «Собачий переулочек» (1927) о половой распущенности молодежи завоевал скандальную известность по причине остроты и «запретности» затронутого вопроса. Следуя этой логике, не стоит удивляться, что источник фантастического рассказа «Страна гиперборейцев» обнаруживается в современной прессе.

Девятнадцатого февраля 1923 г. «Вечерняя красная газета» опубликовала заметку (подписана «Икс») «Лапландия – колыбель цивилизации»:

В Петроград возвратился профессор А.В. Барченко, начальник экспедиции на крайний Север русской Лапландии, состоявшейся прошлой осенью. В настоящее время экспедиция заканчивает обработку добытых материалов. Экспедиция произвела открытие первостепенной научной важности. Есть основание предполагать, что найденные в Лапландии остатки древнейших культур относятся к периоду древнейшему, чем эпоха зарождения египетской цивилизации³.

Как легко убедиться при сравнении рассказа с газетой, Гумилевский добавил «гиперборейцев»: сведения об этом северном народе, благочестивом и боголюбивом, можно было почерпнуть в сочинениях Геродота и других античных авторов, а в оккультной традиции гиперборейская область встречается, к примеру, у Е.П. Блаватской при описании катастрофы, погубившей «вторую коренную расу»⁴.

Гумилевский также опустил имя реального руководителя экспедиции⁵. Последователь В.М. Бехтерева Александр Васильевич Барченко (1881–1938) до революции проводил сенсационные опыты по изучению телепатических лучей, обнародовав достигнутые результаты в «Журнале для всех» (1911. № 12), в котором, кстати, печатался и Гумилевский. В равной мере Барченко увлекался мистической традицией, участвовал в деятельности оккультных обществ (если верить его позднейшим признаниям на допросе), разгадывал тайны древних цивилизаций, что непосредственно и объясняет северную экспедицию. После революции он вознамерился согласовать оккультизм с марксизмом и с середины 20-х годов сотрудничал с интеллектуалами НКВД (Г.И. Боккий, Я.Г. Блюмкин), которых интересовали телепатия и перспектива контактов с мистическим Востоком. Во время Большого террора был расстрелян.

В отличие от Барченко, Гумилевский не прилаживал дореволюционный оккультизм к советской реальности, а написал развлекательный рассказ, в котором фантастичность поддерживалась «правдоподобием» газетного источника. Такого рода вживание оккультных тем в массовую литературу настолько частотно, что свидетельствует не об индивидуальных экспериментах отдельных авторов, но скорее об общем законе⁶.

Например, геолог В.А. Обручев (1863–1956) в 1924 г. выступил автором фантастически-просветительного романа «Плутония», где путешественники обнаруживают под землей доисторический мир с «правдоподобной» фауной и флорой и аборигенами, а советский читатель попутно получает полезные научные сведения об истории Земли.

Обручев позднее настаивал, что роман был написан в 1915 г., но, по-видимому, это – мистификация и «Плутония» – реакция на Гражданскую войну. В частности, обращает внимание, что самые опасные противники героев Обручева – не саблезубые тигры или динозавры, а муравьи. Путешественники безжалостно убивают их, травят газом, сжигают муравейник, однако все тщетно – перед примитивным, но организованным сообществом люди вынуждены отступить. Трудно избавиться от впечатления, что неуничтожимость агрессивных насекомых, коллективизм которых традиционно сопоставляли с коммунизмом, отчетливо напоминает большевиков. А Обручев, со временем сделавший в СССР удачную карьеру академического ученого и литератора, первоначально не сочувствовал новой власти.

В романе Обручева кошмар настоящего интерпретируется и компенсируется при помощи оккультных паранаучных концепций,

М.П. Одесский

восходящих к Серебряному веку. Так, симптоматичен образ, вынесенный в заглавие романа:

В этой стране всегда господствует день. Центральное светило, скрытое в недрах нашей планеты, как бы соответствует представлениям древних народов о боге огня, таящемся под землей. Я предлагаю назвать светило Плутоном, а страну – Плутонией...⁷

Эта подземная Плутония явно перекликается с посмертно изданной книгой «Миссия Индии в Европе» Александра Сент-Ив д'Альвейдра (1842–1909). Французский оккультист изобразил таинственную подземную страну Агартху, неисчерпаемые информационные ресурсы которой откроются «в день, когда Европа возведет на престол Триединую Синархию, вместо ныне царствующей Анархии. <...> Но пока что горе любопытным, которые стали бы рыть землю; они ничего бы не нашли в ней, кроме неизбежной смерти!»⁸. Согласно характеристике Ю. Стефанова, Агартха «виделась Сент-Иву чем-то вроде земного рая, населенного, однако, не святыми в обычном понимании этого слова, а скорее просвещенными технократами»⁹. Среди прочего Сент-Ив допускает именование Агартхи царством Плутона:

Агартха не единственный храм, сообщающийся с недрами Земли, ибо жрецы и жрицы Кельтиды делали то же самое, что и дало друидической Европе название империи Плутона, сына Аменти¹⁰.

Миф Агартхи пришелся ко двору в пору российской смуты. По словам классика эзотерики Р. Генона, «упоминания об Агартхе и ее владыке Брахатме до сих пор встречались только в романах Луи Жаколио («Покоритель джунглей» 1888 г. – М. О.), писателя весьма малосерьезного, на чей авторитет полагаться ни в коем случае нельзя. Впрочем, лично мы думаем, что в бытность свою в Индии он мог получить кое-какие сведения относительно Агартхи, но в его романах они получили совершенно превратное и фантастическое толкование. Так обстояло дело до 1924 г., когда произошло новое и в какой-то мере неожиданное событие: выход в свет книги Фердинанда Оссендовского «И звери, и люди, и боги», в которой он описывает свое полное приключений путешествие по Центральной Азии в 1920–1921 гг. В заключительной части книги содержатся сведения, почти полностью совпадающие с сообщениями Сент-Ива. Шумиха, поднятая вокруг этой публикации, является, на наш взгляд, подходящим поводом, для того чтобы прервать заговор молчания вокруг вопроса об Агартхе»¹¹.

Поляк Фердинанд Оссендовский (1878–1945) – ученый-естественник, автор авантюрных и фантастических произведений, министр в правительстве Колчака – выпустил книгу «И звери, и люди, и боги» в Лондоне. Это – рассказ о его бегстве из Советской России через Монголию и Китай, «увлекательная повесть об отчаянной схватке “белых” и “красных”, о перестрелках, переправах через бурные таежные реки и ночевках у походного костра»¹². Однако книга Оссендовского отличалась от других «путевых записок» и мемуаров о Гражданской войне мистическим измерением – ее пятая часть посвящена легенде об Агартхе, которую автор излагает не со слов Сент-Ива, но якобы по собственным источникам¹³:

Более шестидесяти тысяч лет тому назад некий святой скрылся со своим племенем под землей, и никто их больше не видел. В подземном царстве побывали многие <...> Ныне же никто не знает, где находится это царство. Кто говорит – в Афганистане, кто – в Индии. Люди там не ведают зла, в царстве не бывает преступлений. Там мирно развиваются науки, и погибель ничему не грозит. Подземный народ достиг необыкновенных высот знания. Теперь это большое царство с многомиллионным населением, которым мудро управляет Царь Мира. <...> Это царство называется Агартти. Оно тянется под землей по всей планете. <...> В глубоких пещерах существует особое свечение, позволяющее даже выращивать овощи и злаки, люди живут там долго и не знают болезней. <...> Если даже свихнувшееся человечество развяжет против подземных жителей войну, те могут с легкостью взорвать земную кору, обратив планету в пустыню. Они в силах осушить моря, затопить сушу и воздвигнуть горы среди песков пустыни. <...> Царь Мира постигает мысли тех, кто оказывает влияние на судьбы человечества – царей, королей, ханов, полководцев, первосвященников, ученых и прочих власть предержащих. Он узнает все их помыслы. Если те угодны Богу, то Царь Мира тайно поможет их осуществлению, если нет – помешает¹⁴.

Барченко также был поклонником книги Сент-Ива. На допросе он вспоминал:

В период 1920–1923 гг. в Петрограде я добыл книгу Сент-Ив де Альвейдера <...> В этой книге Сент-Ив де Альвейдер писал о существовании центра древней науки, называемого Агарттой, и указывал ее местоположение на стыке границ Индии и Тибета, Афганистана. По возвращении из Мурманска я поселился в конце 1923 года в ламаистском дацане в Ленинграде. Здесь я установил

М.П. Одесский

непосредственные отношения с тибетскими ламами, приехавшими из Лхасы <...> К этому времени у меня оформилось представление, что «кровавый кошмар современности» есть результат молодости исторического опыта русской революции, который вместе с возникновением и развитием марксизма насчитывает каких-нибудь семьдесят лет. А где же пути и средства бескровного решения возникающих вопросов? В этот же период происходит обогащение сведениями об Агарте у Сент-Ива де Альвейдера, о Шамбале от тибетцев из Лхасы, как о центре «Великого Братства Азии», объединяющем все мистические общины Востока...¹⁵

Вера в Агартху побудила Барченко организовать некое общество, стремившееся установить связи с Агартхой-Шамбалой ради распространения и коррекции идей большевизма¹⁶.

Миф о подземной цивилизации объединяет «Плутонию» Обручева с фантастическим романом «Подземная Москва» (1925 г., издательство «Земля и Фабрика») Глеба Васильевича Алексеева (1892–1938), в котором автор – как позднее и Гумилевский¹⁷ – мотивировал оккультную топику газетными источниками.

Сюжет разворачивается в нэпмановской Москве. Хорватский миллиардер Фредерико Главич, маскируя мужское бессилие и желая сохранить имя в потомстве иным способом – великим деянием, спонсирует поиски таинственной библиотеки Ивана Грозного. Он договаривается с советским правительством о концессии, занимающейся строительством метро. Под этим солидным прикрытием в Москву прибывает бывший эмигрант в сопровождении немцев-исполнителей, готовых и к работе, и к физическому устранению конкурентов. Концессионеры ведут подземные работы, якобы прокладывая в центре города линии метро, а на самом деле пробираясь по древним ходам в подземный Кремль, где и должна храниться библиотека. Однако о замысле Главича узнает юный «товарищ Боб», итальянец родом из Казани. Он организует параллельную экспедицию, которая должна опередить преступных концессионеров: кроме «товарища Боба», экспедицию составляют трое сознательных рабочих завода «Динамо» и старый опытный археолог Павел Петрович Мамочкин (который явно аукается с одним из участников обручевской экспедиции – зоологом Семеном Семеновичем Папочкиным).

По ходу действия персонажи сообщают друг другу, а значит, и читателям историю вопроса. Слово берет всезнающий Мамочкин:

Человечество никогда не могло забыть о «неведомом сокровище», как назвал библиотеку царя Ивана наш историк Забелин. Ее видели многие. В шестнадцатом веке – Максим Грек и Ветерман, уче-

ный патер из Дерпта, которого Грозный пригласил «прочитать ученые книги». Ветерман спуускался в подземелье, составил даже «связку», то есть каталог книг, но, испугавшись, что Грозный замурует его, как живого свидетеля его несметных богатств в подземном Кремле, уехал из России. В семнадцатом веке о библиотеке Грозного вспоминали в письмах Аркудий, Сапега, Паисий Лигарид. <...> Но только в девятнадцатом веке, словно вняв легендам, живущим до сих пор в русском народе, о богатствах грозного царя, – апологетами библиотеки впервые выступают ученые: Дабелов, Клоссиус, Тремер, приехавший в Россию в 1891 году для самостоятельных раскопок, Соболевский, Щербатов и Стеллецкий. Щербатов, бывший помощник директора Исторического музея, спуускался в подземелье и даже шел его ходами. Он жив и поныне...¹⁸

Мамочкин называет реальных деятелей, которые видели или искали библиотеку Грозного в XVI–XVII вв., либо ученых, занимавшихся проблемой исчезнувшего книгохранилища. Ключевая фамилия здесь – Стеллецкий.

Игнатий Яковлевич Стеллецкий (1878–1949), выпускник Киевской духовной академии и кандидат богословия, страстно увлекался археологией и спелеологией. Особенно его интересовала «подземная Москва»: это словосочетание, кстати, не художественная находка Алексеева, а рабочий термин. В 1912 г. Стеллецкий прочитал доклад «План подземной Москвы», где доказывал, что создатели Московского Кремля – итальянские зодчие Фиорованти, Солари, Алевиз – нашли неолитические пещеры в кремлевском холме и переустроили их в систему подземных ходов, связавших разные постройки Москвы. В 1923 г. Стеллецкий после треволнений гражданской смуты снова оказался в Москве. Теперь он страстно агитировал не просто за изучение «подземной Москвы», но за поиск библиотеки Ивана Грозного, которая, на его взгляд, сокрыта в подземных лабиринтах:

<...> я вернулся, наконец, накануне рокового 1924 года, унесшего великого Ленина. Впечатление от новой Москвы получилось смутное: старая Москва таяла на глазах, превращаясь с каждым днем в Москву «уходящую»; контуры же новой навсегда были отчетливо ясны. Чувствовал себя без корней, на зыбкой почве, в затруднении – с кого и с чего начать, чтобы оживить, продолжить «старую погудку на новый лад». Одно было ясно: начинать надо с азов...¹⁹

М.П. Одесский

Мамочкин продолжает лекцию:

Вы помните, когда цари праздновали трехсотлетие, один из современных знатоков подземной Москвы профессор Стеллецкий подавал докладную записку о необходимости широчайших исследований... Ему не только не дали денег, но старались всячески затормозить работу... Я не знаю, что предпринимает сейчас профессор Стеллецкий, но я решил тогда же искать за свой риск и страх. В Собакиной башне, против Исторического музея, я нашел наконец... <...> Я нашел наконец щель, перегороженную белокаменным арсенальным столбом. Я думаю, что это и есть ход дьяка Макарьева. Он назван его именем потому, что дьяк царевны Софьи, Макарьев, был первый человек, спустившийся в подземную Москву. Наткнувшись на столб, Макарьев прекратил дальнейшие поиски. Но, умирая, он открыл тайну дьяку Конону Осипову. Конон Осипов тоже умер ровно двести лет назад, 24 декабря 1724 года²⁰.

Персонаж романа лукавит: дьяки Макарьев и Осипов – любимые исторические фигуры Стеллецкого, да и не было никакой тайны в том, что «предпринимает сейчас профессор Стеллецкий». Находчивый энтузиаст, не сумев заинтриговать своими проектами ни одну из государственных инстанций, дерзнул придать делу публичный характер:

Тогда я решил обратиться к всемогущему, далеко и верно бьющему печатному слову; проще говоря, я направил стопы свои в редакцию «Известий». Тут я действительно нашел внимание и понимание. 21 марта 1924 г. – историческая дата, переломная фаза в истории поисков библиотеки Грозного в советские дни: в этот день в «Известиях» появилось – всколыхнувшее не только Москву! – историческое интервью под лаконичным заголовком «Библиотека Грозного». Взметнулся вихрь. Москва, казалось, вдруг вспомнила о давно забытом: в ней с удвоенной силой вспыхнул интерес к тайне, так ее волновавшей когда-то, к затерянной кремлевской книжной сокровищнице! <...> Откликнулась и «Вечерняя Москва», в двух номерах, 81 и 82, от 7 и 8 апреля, пересказом Корнелия Зелинского (Корзелин) «Кремль под землей». Вторила и «Рабочая газета», разразившаяся статьей от 3 марта 1924 года «Подземная Москва» и даже взявшая на себя шефство. Москва, казалось, бредила Грозным и его таинственным кремлевским кладом²¹.

Вслед за прессой реагировала академическая наука – были проведены публичные диспуты. Голоса подавались и «за», и «против». В целом отношение было настороженным. Историк Ю.В. Готье подал ехидную реплику:

В лице докладчика мы имеем единственного человека, убежденно-го глубоко в том, что библиотека Грозного именно в Кремле. Это не был строго научный доклад: нет критики и скептицизма; это была горячая агитационная речь, проповедь! Обрисовались путь докладчика и свободное обращение с историческими фактами. Например, стоило или не стоило Грозному прятать библиотеку? Докладчик не обратил внимания на библиотеку Московской духовной академии. Вопрос о существовании библиотеки Грозного как был темен до Игнатия Яковлевича, таким и остался после него. Докладчик затронул цель более важную – исследование кремлевских подземелий. Безмерно приветствую начинание, которое мы имеем в лице докладчика Игнатия Яковлевича. Найдут ли что-нибудь, я лично сомневаюсь <...> Вместе с тем будет исследована топография подземного Кремля. Если раскопки будут осуществлены, то разрешатся научно весьма значимые задачи²².

Советская пресса осудила ученых рутинеров: 19 июня 1924 г. в «Известиях» вышла заметка «Кастовая наука». По словам ее сочинителя, знаменательно, что «помимо скептического и часто иронического отношения к мерам, предлагаемым тов. Стеллецким для отыскания библиотеки Грозного, и обвинений его в неправильном толковании некоторых исторических фактов, было возмущение той “шумихой”, которую вызвал докладчик своими фельетонами о подземной Москве». Напротив, полагал журналист, «т. Стеллецкому принадлежит большая заслуга в том смысле, что он именно на страницах газеты, а не в каком-нибудь историческом журнале или специальных, доступных лишь немногим археологических статьях, осветил этот интересный вопрос. Но члены ученого ареопага, археологи из общества “Старая Москва”, очевидно, смотрят на это дело иначе и обрушились на тов. Стеллецкого именно за профанирование науки, монополистами которой они, вероятно, себя считают»²³.

Жанр «горячей агитационной речи, проповеди» не устраивал академических ученых, но идеально подходил для массовой мифологии и авантюрного романа. Потому, с одной стороны, Стеллецкому пришлось ожидать положительной правительственной реакции еще пять лет – до 1929 г., а с другой – идея получила общественный резонанс, в частности, спровоцировав Алексеева на

скоропалительное написание романа (сам автор в качестве времени работы указал сентябрь 1924 г.).

Алексеев, реализовав миф «подземной Москвы», одновременно его усложнил.

«Подземная Москва» – это, во-первых, результат деятельности Ивана Грозного – личности, как нарочно придуманной для роли создателя таинственного клада. Убийца, интеллектуал, насильник – кому же и прятать сокровища. И вот экспедиция натывается на «подземное кладбище царя Ивана»: «Скелеты лежали в страшном, дьявольском порядке»²⁴. Сюжетный штамп приключенческой прозы – «скелеты близ клада» – значимо перекликается с практикой мистериальных ритуалов, при которых посвященные должны – ради счастливого проникновения в мир сверхчувственного – преодолеть сопротивление «стража порога». Согласно фольклорным представлениям, клады прячут разбойники и колдуны, «разбойники используют волшебные предметы, едят человеческое мясо, умеют превращаться в зверей и птиц, им ведомы “запретные слова”, которым повинуются люди, животные и предметы <...> Фольклорные грабители не только умеют грабить, они знают, как хранить награбленное. Такое знание доступно не всякому смертному и, судя по фольклорным текстам, есть знание вполне волшебное»²⁵. Алексеев именует Грозного «вампиром»: действительно, с «демонической» точки зрения достойно внимания, что одной из причин «неупокоенности мертвеца» бывают спрятанные им при жизни сокровища. Ценность золотых монет и украшений не определяется только их реальной стоимостью: это, как указывает В.Я. Пропп, «утратившие свою магическую функцию предметы из потустороннего мира, дающие долголетие и бессмертие»²⁶. «Московский подземный Кремль» – «сюда, куда теперь и мы с вами пробрались с помощью упорства и настойчивости, он прятал лучшее, что имел. Здесь, и нигде больше, по всем данным истории, логики и здравого смысла, им запрятана не только большая и лучшая часть богатства, но и “бесценное сокровище” – библиотека»²⁷. Вампир-колдун спрятал сокровища: золото и – как инвариант золота – «бесценное сокровище» – библиотеку.

«Московский подземный Кремль» – во-вторых, библиотека Грозного, которая, по убеждению Стеллецкого, была не просто царским книгохранилищем, но уникальной коллекцией, где осели сверхраритетные рукописи византийских императоров и – через византийское посредство – документы вовсе уже непредставимой древности. Эта библиотека – вместилище не информации, но Знания. Когда в финале советская экспедиция, разрушив каверзы «концессионеров», нашла библиотеку, «тут оказались: Пиндаровы песнопения, Аристофановы комедии, Гелиодоров эротический роман “Эфиопи-

ка”, Поливниевы “Истории”, Гефеотинова “География”, Замолеи, Ефанов – перевод Пандектов, Левиевы, Саллустиевы и Юстиновы “Истории”, Цезаревы записки о Галльской войне и Кедровы эпитафамы, Цицеронова книга о республике, Виргилиевы “Энеиды” и “Идиллии”, Калвовы речи и поэмы, книга римских законов, кодексы Юстиниана, Феодосия, Федора Заморета и сотни других книг, которые остались только в единственном экземпляре во всем мире, о существовании которых историки только догадывались...»²⁸.

Перечень книг, извлеченных из тьмы забвения героями Алексева, представляет собой интерпретирующее воспроизведение так называемой «Рукописи профессора Дабелова» – апокрифического чернового каталога библиотеки Грозного. Это сочинение, впервые опубликованное в 1834 г. Ф.В. Клоссиусом (см. фамилии Дабелова и Клоссиуса в речах Мамочкина), большинством специалистов оценивается как подделка²⁹, хотя существуют и авторитетные защитники документа³⁰. Стеллецкий, как и следует ожидать, считал «Рукопись Дабелова» подлинной и утверждал, что видел ее в Пярну, где оригинал – после повторного обнаружения – якобы повторно исчез.

Кстати, системность интереса Стеллецкого к эпохальным библиотечным находкам подтверждается тем, что еще во время обучения в духовной академии он поправил «скудный студенческий бюджет», переведя с французского книгу Николая Нотовича «Тайна жизни Иисуса Христа» (которой увлекались в окружении Рериха) о старинном тибетском сказании, где открывается тайна посещения Христом гималайских центров Тайного знания³¹.

Персонажи Алексева, вслед за Стеллецким, также рассматривают библиотеку Грозного как находку мирового масштаба: «В конце концов, не только Фредерико Главич, но вся Европа заинтересована в тайнах Московского подземного Кремля. Вы понимаете?»³²

Наконец, в-третьих, мифологичность «Подземной Москвы» обусловлена самой ее «подземностью», во многом и создающей обаяние этой мифологемы. Подземная Москва напоминает храм, воздвигнутый представителями могущественной исчезнувшей цивилизации:

Было похоже, что путники попали в большой забытый храм, прозрачные потолки которого занесло песками, но колонны внутри еще не обвалились, и стены еще удерживают тысячелетнюю давность от тяжелой поступи времени³³.

Суммируя миф «Подземной Москвы» по Алексеву (отчасти и по Стеллецкому), соблазнительно увидеть в нем вариант того же мифа о подземной таинственной цивилизации, очаровавшего интеллигентов Серебряного века.

Остается отметить, что в 30-х годах Стеллецкий, воспользовавшись строительством метро, при поддержке Сталина провел раскопки Кремля. Как и предполагал Готье, нашлось много интересного, но не библиотека Грозного и не его сокровища. Алексеев тоже не был столь прямолинеен, чтобы просто позволить своим персонажам обнаружить и библиотеку, и вековые тайны. Не прибегая к обычным сюжетным трюкам (находки потерялись, подземелье обвалилось и т. п.), он воспользовался более изысканным приемом: вся история оборачивается грезой автора³⁴.

Итак, оккультная топика Серебряного века – в том числе миф о затерянном мире – продолжала функционировать в советской культуре. Но если Барченко и Оссендовский (с противоположных идейных позиций) пытались использовать миф в интересах духовного развития и действенной политики, а Обручев – приноровить к популяризации науки, то Алексеев и Гумилевский удовлетворились сочинением развлекательного чтива³⁵. Очевидно, что особую пикантность придавало соединение оккультных намеков с актуальным материалом советских газет.

Примечания

- ¹ Цит. по: *Гумилевский Л.И.* Страна гипербореев // Храм снов: Русская фантастика 10–30-х годов / Сост. М. Латышев. М.: «Терра»-«Тегга», 1993. С. 221–259.
- ² См. об их отношениях: *Гумилевский Л.И.* Судьба и жизнь: Воспоминания. М.: Грифон М, 2005. С. 190–194.
- ³ Вечерняя Красная газета. 1923. 19 февр. № 39 (120). С. 2.
- ⁴ *Блаватская Е.П.* Тайная доктрина. Т. II. Антропогенезис. Кн. 3. М.: Прогресс-Культура, 1991. С. 176.
- ⁵ Об А.В. Барченко см.: *Шишкин О.* Битва за Гималаи: НКВД: магия и шпионаж. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999.
- ⁶ См. подробнее: *Одесский М.П.* Москва плутоническая // Солнечное сплетение. Иерусалим, 2003. № 5/6 (24/25). С. 262–271.
- ⁷ *Обручев В.А.* Плутония. Земля Санникова. М.: Детская литература, 1958. С. 82.
- ⁸ *Сент-Ив д'Альвейдр А.* Миссия Индии в Европе: Миссия Европы в Азии. Пг., 1915. С. 31–32.
- ⁹ *Стефанов Ю.* Скважины между мирами: Литература и традиция // Контекст-9: Литературно-философский альманах. М., 2002. С. 312.
- ¹⁰ *Сент-Ив д'Альвейдр А.* Миссия Индии в Европе: Миссия Европы в Азии. С. 47.
- ¹¹ *Генон Р.* Царь Мира // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 97.

- 12 *Стефанов Ю.* Скважины между мирами: Литература и традиция. С. 314.
- 13 Ср. обсуждение их надежности: *Генон Р.* Указ. соч. С. 97–99.
- 14 *Оссендовский Ф.* И звери, и люди, и боги. М.: Пилигрим, 1994. С. 310–316.
- 15 Цит по: *Шишкин О.* Указ. соч. С. 358, 366.
- 16 Эволюция этого идейного комплекса и его связь с деятельностью в Азии Н.К. Рериха рассмотрены в монографии О. Шишкина.
- 17 См. о его контактах с Алексеевым: *Гумилевский Л.И.* Судьба и жизнь: Воспоминания. С. 127.
- 18 *Алексеев Г.* Подземная Москва. М.: Современник, 1991. С. 5.
- 19 *Стеллецкий И.Я.* Поиски библиотеки Ивана Грозного. М.: Сампо, 1999. С. 245.
- 20 *Алексеев Г.* Подземная Москва. С. 4–5.
- 21 *Стеллецкий И.Я.* Поиски библиотеки Ивана Грозного. С. 246–247.
- 22 Там же. С. 256–257.
- 23 Там же. С. 258.
- 24 *Алексеев Г.* Подземная Москва. С. 42.
- 25 *Богданов К.А.* Деньги в фольклоре. СПб.: Белл, 1995. С. 18.
- 26 *Протт В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ, 1986. С. 297; ср.: *Одесский М.П.* Кровавый нюсмейкер XV века: Дракула и его государство в древнерусском «Сказании» // Солнечное сплетение. 2001. № 18/19. С. 301.
- 27 Там же. С. 70.
- 28 Там же. С. 87.
- 29 *Козлов В.П.* Тайны фальсификации: Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 113–132; см. на с. 116–117 – текст «рукописи Дабелова».
- 30 *Стеллецкий И.Я.* Поиски библиотеки Ивана Грозного. С. 368–397.
- 31 *Профет Э.К.* Утерянные годы Иисуса: Документальное подтверждение 17-летнего странствия Иисуса по Востоку. М.: Саммит Университи Пресс, 1997. С. 71–196.
- 32 *Алексеев Г.* Подземная Москва. С. 6.
- 33 Там же. С. 74.
- 34 Там же. С. 89–90.
- 35 Ср. о теософской топике в романе А.Н. Толстого «Аэлита»: *Бар-Селла З.* Гуси-лебеди // Каганская М., Бар-Селла З., Гомель И. Вчерашнее завтра: Книга о русской и нерусской фантастике. М.: РГГУ, 2004. С. 124–130.

Ю.В. Парсамов

«ЭТОТ ПИСАТЕЛЬ – ПОЧТИ ДЕБЮТАНТ»
(К истории ранних журнальных споров о Бабеле)

В статье рассматриваются ранние журнальные отклики на «Конармию» Бабеля. Анализируются литературно-критические и журнальные статьи представителей различных литературных группировок первой половины 20-х годов XX в., публиковавшиеся на страницах журналов «Леф», «На посту», «Печать и революция», «Красная новь». Показано, как возник проект «Бабель – пролетарский писатель», который так и остался нереализованным, в первую очередь из-за сближения Бабеля с литературным кругом А.К. Воронского.

Ключевые слова: Исаак Бабель, «Конармия», журнальные отклики, литературные группировки, пролетарский писатель, Александр Воронский.

Бабель был рано замечен журнальной критикой и никогда не был обделен ее вниманием. Многочисленные и противоречивые суждения о Бабеле многократно привлекали внимание специалистов. Между тем еще далеко не все аспекты, связанные с ранней рецепцией творчества Бабеля в советских журналах 20-х годов, прояснены. В частности, еще не рассматривался так называемый прогностический аспект, связанный с публикацией первых произведений Бабеля. Когда журнальная критика замечает произведения дебютанта, то обязательным компонентом всех первоначальных статей является прогноз относительно дальнейшего творчества дебютанта и вместе с тем стремление вписать его творчество в какой-нибудь ряд современного литературного процесса.

Можно сказать, что Бабель дебютировал дважды. Первый раз в предреволюционный 1916 г., но тогда вскоре начавшаяся революция не позволила критике заметить его произведения. Его второй дебют состоялся в 1923 г., когда одновременно в двух изданиях, в

«Известиях Одесского губисполкома» и журнале «Леф», стали публиковаться рассказы из цикла «Конармия».

Впервые об авторе «Конармии» как литературном новаторе и большом прозаике заговорил на страницах «Лефа» глава формального метода в литературоведении Виктор Шкловский¹. Вместе с «Лефом» появление Бабеля в большой литературе приветствовал журнал «На посту», литературный орган группы «Октябрь», представлявшей Московскую ассоциацию пролетарских писателей. Важно подчеркнуть, что для группы «Октябрь» Бабель пока левовский автор, никак не связанный с журналом А.К. Воронского. Более того, сама статья Г. Лелевича, представляющая собой годовой обзор литературы за 1923 г., была направлена против аналогичного литературного разбора Воронского, появившегося в конце 1923 г. в журнале «Прожектор». Свою контрстатью, содержащую обзор за тот же 1923 г., Лелевич строит как подражание аналогичным обзорам Белинского. Подчеркивая преемственность от образцового критика, Лелевич ссылается на его обзор русской литературы 1847 г. Пролетарский критик усматривает даже некоторую параллель между натуральной школой и группой пролетарских писателей «Октябрь». Как литературный 1847 год, продолживший молодые традиции натуральной школы, заложенные в предшествующий год, так и 1923-й, в представлении Лелевича, стал годом дальнейшего развития художественных принципов, провозглашенных группой «Октябрь». Параллель «натуральная школа – группа “Октябрь”», проводимая Лелевичем, подспудно подразумевает параллель между теоретиками этих направлений, т. е. Белинским и самим Лелевичем. Роль основоположника натуральной школы Гоголя Лелевич готов предоставить Бабелю. Бабель, по его мнению, писатель наиболее одаренный и, следовательно, наилучшим образом отвечающий требованиям новой программы, а именно переходу от «общего воспевания» к показу «живых» деятелей революции. Белинского не смущали реальные расхождения Гоголя и писателей натуральной школы, и Лелевича не смущает огромная дистанция, существующая между Бабелем и пролетарскими писателями. Подобного рода различия легко снимались на метаязыковом уровне.

Главное было то, что Белинский, конструируя гоголевское направление, утверждал, что «натуральная школа стоит теперь на первом плане русской литературы» и, что может быть еще важнее, натуральная школа является *единственным* правильным литературным путем. Сам факт единственности правильного пути, по мнению Белинского, автоматически предполагает литературную борьбу между направлениями, претендующими идти этим путем.

Только натуральная школа определяет собой литературную эпоху, и все ее противники априорно отвергаются как идущие ложными путями.

Эти параллели были весьма продуктивны и в то же время не возлагали большой ответственности на критика, если учесть, что Гоголь, как считал Белинский, изменил гоголевскому направлению. Аналогичным образом, если творчество Бабеля в дальнейшем пойдет не по руслу, проложенному группой «Октябрь», можно будет расправиться с ним так же, как Белинский расправился с поздним Гоголем, заклеив его «Выбранные места из переписки с друзьями». Подобные опасения относительно Бабеля у пролетарского критика, разумеется, были: Бабель уже успел к тому времени опубликовать два рассказа в журнале Воронского. Будет он в дальнейшем сотрудничать с напостовцами или перейдет в стан их литературного врага, было еще не ясно.

В противовес Воронскому, характеризующему литературную ситуацию 1923 г. как бесконечную дифференциацию, «дробление, полемические бои и схватки»², Лелевич считает, что процесс дифференциации литературных сил завершился («пестрота в общем и целом миновала») и теперь сформированы «три классовых армии в литературе: остатки буржуазно-дворянской литературы от Чирикова, Мережковского, Гиппиус и до Ахматовой и Андрея Белого; мелко-буржуазные – мнимые и настоящие – “попутчики” от Пильняка до Бабеля и Сейфулиной и, наконец, пролетарская литература»³. Суть дальнейшего литературного процесса Лелевичу представляется главным образом как перегруппировка в лагере попутчиков: «Наиболее революционные из них будут переходить в ряды пролетарской литературы, наиболее зараженные буржуазным наследием будут отбрасываться в мистическо-националистическое болото»⁴. Таким образом, задача пролетарских писателей и критиков заключается не только в непосредственном создании текстов пролетарской литературы, но и в воспитании попутчиков в соответствующем духе. Если Воронский вслед за Троцким видел в попутчиках «наиболее сильное ядро» современной литературы, то Лелевич и его единомышленники видели в них неустойчиво-колебательную среду, способную эволюционировать в ту или иную сторону. Борьба за писательские души в этой связи становилась одной из основных. И, как это можно заметить из статьи Лелевича, Бабель стал одной из их целей.

Это, конечно, не случайно. Бабель во всех отношениях мог показаться подходящей кандидатурой на роль пролетарского писателя. Одной из острых проблем, стоящих перед пролетарской литературой, был низкий художественный и общекультурный уровень

авторов. И поскольку каких-то позитивных изменений здесь не предвиделось, приходилось рассчитывать буквально на чудо. И.В. Вардин прямо писал: «Коммунистический пролетариат слишком много чудес совершил, чтобы сомневаться в том, что он совершит и “чудо” овладения художественным словом»⁵. Бабель вполне отвечал этому пожеланию Вардина. Военная биография красного бойца плюс огромный писательский дар и неангажированность едва только успевшего появиться в литературе писателя делали его привлекательным для напостовцев. Несомненным плюсом было и то, что Бабель начал печатать свои рассказы из конармейского цикла в «Лефе», в то время дружественном по отношению к напостовцам органе. Опасения вызывала лишь публикация двух миниатюр в «Красной нови».

Воронский в конце 1923 г., возможно, не придавал существенного значения бабелевским публикациям в его журнале «Красная новь». Во всяком случае, он даже не упомянул его имени в своем обзоре. Вполне возможно, что именно это обстоятельство стало дополнительным стимулом для Лелевича выделить Бабеля на фоне остальных литературных явлений 1923 г. Характерно, что именно изображение Первой конной армии в глазах Лелевича стало основой для возможного зачисления автора «Конармии» в разряд пролетарских писателей:

Никто не передал еще так в художественной литературе буденновцев с их героизмом, с их инстинктивной революционностью, с их бесшабашным, партизанским казацким духом. Ни малейшей идеализации, напротив, сплошь и рядом – тонкая усмешка, и в то же время впечатление огромной революционной мощи.

Единственное, чтостораживает Лелевича, – это появление бабелевских миниатюр в «Красной нови»: «Символично появление этих вещей в этом журнале!» В этой связи место Бабеля в современной литературе определяется как пребывание на перепутье. Перед молодым и талантливым автором открываются две дороги: пролетарская литература, куда влечет его «редкое чутье революционной действительности», или то, что Лелевич называет «буржуазно-дворянской литературой», с которой Бабеля роднит «утонченная ирония декадента».

Имя Бабеля в статье Воронского не упоминается. Среди девятнадцати портретов современных писателей⁶, украсивших статью Воронского, портрета Бабеля нет. Это тем более примечательно, что буквально через несколько месяцев Воронский станет страстным пропагандистом творчества Бабеля.

Ю.В. Парсамов

Массированная публикация рассказов из цикла «Конармия» в «Красной нови», начавшаяся в 1924 г.⁷, почти сразу же изменила отношение к Бабелю напостовских критиков. Лелевич поделился с читателями «Молодой гвардии» «тревожными размышлениями»:

Восемь последних рассказов из Книги Конармия невольно вызывают вопрос: да неужели вся буденновская армия была сплошной погромной бандой. Неужели изнасилования составляли основную профессию буденновцев? Совершенно излишне опровергать такое дикое, клеветническое, нелепое представление о героической 1-й Конной. А между тем рассказы Бабеля создают именно такое впечатление. Революционный пафос, который чувствовался в «Письме» и «Соли», куда-то испарился. Бабель так увлекся любопытным наблюдением патологических эксцессов, что они совершенно заслонили от него целое.

Далее со ссылкой на Демьяна Бедного Лелевич сообщает читателям о реакции красных командиров на произведения современной литературы, в которых изображается их боевая деятельность. Главной фигурой здесь выступает С.М. Буденный: «...как-то недавно мне говорил Демьян Бедный: – Странное дело! Асеев написал поэму о Буденном, а Буденный не понимает ее. Шишков дал повесть о сибирских партизанах, а вождь сибирских партизан Яковенко называет ее клеветой. Бабель о 1-й Конной, а Буденный возмущен его рассказами». Действительно странное дело!⁸ Имя Буденного здесь впервые названо в качестве своего рода «эксперта» по художественному творчеству, посвященному его армии.

Близкий по направлению к группе Воронского журнал «Печать и революция» поместил литературно-критическую статью Як. Бенни о Бабеле. Если Г. Лелевич давал высокую оценку автору «Конармии», так сказать, авансом (Бабелю еще только предстояло стать пролетарским писателем), то Як. Бенни безоговорочно признавал его полностью состоявшимся писателем, которому «удалось раскрыть одну из труднейших тем нашего времени – тему революционной войны»⁹. Художественный взгляд Бабеля на революцию и Гражданскую войну противопоставляется в статье Бенни многочисленным литературным поделкам, откровенно преследующим агитационные цели и именно поэтому этих целей не достигающим. Автор статьи стремится закрепить за Бабелем право изображать Гражданскую войну именно так, как он ее изображает. Такое право ему дает автобиографическая документальность «Конармии»: «Рассказы Бабеля – героические рассказы. Та биографическая, даже автобиографическая правдивость, которая сразу определяет до-

верие читателей к художнику и его писаниям, составляет их единственную подпочву»¹⁰. По мнению критика из «Печати и революции», в «Конармии» творчество Бабеля достигает своей наивысшей точки. Если для «рапповцев», пока еще делающих на Бабеля ставки, он лишь дебютант, обещающий стать в будущем пролетарским писателем, то для журналов, ориентирующихся на попутническую литературу, Бабель – прозаик, чей талант уже развернулся в полной мере. Тема Гражданской войны, столь острая и важная для современной литературы, нашла в его лице лучшего выразителя.

Статья Як. Бенни явилась своего рода прологом к развернувшейся почти сразу же с ее опубликованием пропаганды бабелевского творчества ведущим советским критиком и журналистом А.К. Воронским. В то время Воронский был не только самым влиятельным литературным критиком, но и фактически отвечал за проведение партийной линии в литературе. Возглавляемая им «Красная новь», первый советский «толстый» литературно-художественный и научно-публицистический журнал, возник как проект Ленина и активно поддерживался Троцким. Очерк Воронского о Бабеле, появившийся в пятой книге «Красной нови» за 1924 г., пришелся на тот момент, когда полемика вокруг «Конармии» была в разгаре. Этот факт, отмечаемый Воронским, примечателен уже сам по себе, если учесть, что «Бабель начал печататься всерьез совсем недавно: меньше года. У него еще нет ни одного сборника: его вещи разбросаны в разных журналах. Объем напечатанного пока очень не велик. Но едва ли будет преувеличением сказать, что в текущем литературном году художественная проза пройдет под знаком Бабеля»¹¹.

Статья Воронского, с одной стороны, подводит итоги некоторым уже высказанным критическим суждениям, а с другой – репрезентует Бабеля как «своего» писателя. «Своим» для Воронского является писатель, стоящий вне литературных группировок и участвующий наряду с другими профессиональными авторами («попутчиками») в создании большой советской литературы. Для критика имеет принципиальное значение тот факт, что Бабеля «считают “попутчиком” – к кружкам он не принадлежит»¹². Определяя место Бабеля в литературе, Воронский противопоставляет его, с одной стороны, «тов. напостовцам», а с другой – «“царству” Андрея Белого». Иными словами, от первых Бабеля отличает высокое мастерство, ум, умение работать и культурность. От Белого и вообще писателей «упадочного периода» – «стремление к простоте и ясности в прозе»¹³. Воронский вписывает Бабеля в один ряд «с Мопассаном, с Чеховым, с Горьким», при этом уточняя, что «в них он тоже не укладывается. Мопассан – скептик, Чехов грустит, Горький

романтик, и это отражается на манере их письма. Бабель эпичен, порой библейски эпичен¹⁴. Здесь на первый взгляд протягивается нить к Льву Толстому, но Воронский делает это лишь для того, чтобы показать еще большее различие, существующее между авторами «Войны и мира» и «Конармии». Именно через это различие Воронский защищает Бабеля от обвинений в клевете на Конармию со стороны «виднейших военных работников в Красной армии», которые пришлось выслушать как самому Воронскому, так и Бабелю. «Писателю ставили в вину, что в его миниатюрах дана не конармия, а подлинная махновщина, что так может писать о нашей армии только белогвардеец и заведомый контрреволюционер и т. д.». Но тут же критик делал важную оговорку: «Правда, другая часть присутствовавших при этих спорах отзывалась о рассказах Бабеля совсем иначе»¹⁵.

Воронский не назвал имен этих «виднейших работников», бросавших упреки Бабелю, и мы не располагаем сведениями о них. Вполне вероятно, что их «упреки» носили устный характер. Если это так, то тогда не совсем понятно, зачем Воронскому понадобилось переносить полемику в журнальную плоскость и таким образом публично сталкивать Бабеля и высшее командование Красной армии, провоцируя возможный скандал. Однако если предположить, что Воронскому как видному партийному и литературному деятелю стало известно о том, что редакцией журнала «Октябрь» готовится публикация статьи Буденного «Бабизм Бабеля» и скандала все равно не избежать, тогда весь этот пассаж, сравнивающий Бабеля и Толстого, можно рассматривать как превентивный удар.

Надежды напостовцев видеть Бабеля пролетарским писателем после публикации очерка Воронского рассеялись полностью. Для группы «Октябрь» он навсегда превратился в литературного врага и распространившееся среди элиты Красной армии недовольство конармейскими рассказами «Октябрь» попытался максимально использовать в своих интересах – для борьбы как против самого Бабеля, так и против печатавшего его Воронского.

Примечания

- ¹ Шкловский В.Б. И. Бабель: (Критический романс) // Леф: Журнал левого фронта искусств. 1924. № 2 (6). С. 152–155. Об отношениях формалистов и «Лефа» см.: Эрлих В. Русский формализм: история и теория. СПб.: Академпроект, 1996. С. 110–111.
- ² Воронский А. Дела литературные // Прожектор. 1923. № 22. С. 20.
- ³ Лелевич Г. 1923 год: Литературные итоги // На посту: Ежемесячный литературно-критический журнал. 1924. № 1 (5). Май. Стлб. 76.

- ⁴ *Лелевич Г.* Литературные итоги. Стлб. 77.
- ⁵ *Вардин Ил.* Воронщину необходимо ликвидировать // На посту. 1924. № 1. Стлб. 1.
- ⁶ Н. Асеев, Вс. Иванов, В. Александровский, Л. Сейфулина, Г. Санников, Ал. Неверов, А. Безыменский, В. Маяковский, Ник. Никитин, Ив. Касаткин, Бор. Пильняк, В. Казин, А. Низовой, Ефим Зозуля, Ф. Гладков, Андрей Соболев, Ал. Яковлев, Вл. Лидин, Мих. Пришвин.
- ⁷ С января по май 1924 г. Воронский в «Красной нови» опубликовал четырнадцать рассказов Бабеля: «История одной лошади (Тимошенко и Мельников)», «Вдова (Шевелев)», «Афонька Бида», «Гedaли», «Рабби», «Сашка Христос», «Сын рабби», «Солнце Италии (Сидоров)», «Конкин», «Берестечко», «У Святого Валента», «Продолжение истории одной лошади», «Замостье», «Чесники».
- ⁸ *Лелевич Г.* По журнальным окопам // Молодая гвардия. 1924. № 7–8. С. 267.
- ⁹ *Бенни Як. И.* Бабель // Печать и революция: Журнал литературы, искусства, критики и библиографии. 1924. Кн. 3. С. 135.
- ¹⁰ Там же. С. 136.
- ¹¹ *Воронский А.К.* Литературные силуэты. 1: Бабель // Красная новь. 1924. Кн. 5. С. 277. Здесь уместно напомнить, что, с точки зрения Лелевича (см. выше), «под знаком Бабеля» прошел уже 1923 г., когда автор «Конармии» был в основном «лефовским» автором. Для Воронского «бабелевский» год начинается с его приходом в «Красную новь» в качестве одного из ведущих авторов журнала.
- ¹² Там же. С. 278.
- ¹³ Там же. С. 277.
- ¹⁴ Там же. С. 278.
- ¹⁵ Там же. С. 284.

Т.С. Кутаренкова

П.Б. СТРУВЕ – РЕДАКТОР ГАЗЕТЫ
«ВОЗРОЖДЕНИЕ»

В статье анализируется значение газеты «Возрождение» в общественно-политической жизни русской эмиграции во Франции в 20-е годы XX в., идейно-политическая концепция П.Б. Струве, представленная на страницах газеты, роль П.Б. Струве в русской журналистике Франции 20-х годов.

Ключевые слова: русская эмиграция, Франция, журналистика, легальный марксизм, либеральный консерватизм, непредрешенчество, Российский зарубежный съезд.

Петр Бернгардович Струве вошел в историю как личность необычайно разносторонняя. Историк, экономист, философ, правовед, политический деятель, он также был и талантливым журналистом, редактором периодических изданий.

П.Б. Струве родился в 1870 г. в Перми в семье пермского губернатора. В 1892 г. учился в университете Граца (Австрия). В 1895 г. окончил юридический факультет Петербургского университета, где впоследствии преподавал. В 90-е годы ушел в политику, был одним из лидеров легального марксизма, участвовал в написании манифеста РСДРП, в 1896 г. был участником Лондонского конгресса II Интернационала¹.

Струве – автор и один из редакторов сборников «Проблемы идеализма» (1901), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918). Редактировал журналы «Освобождение» (1902–1905), «Полярная звезда» (1905–1906), «Русская мысль» (1906–1917). В 1906 г. вступил в партию кадетов, в 1915 г. вышел из нее. Революция 1905 г. убедила Струве в том, что деятельность революционных партий неминуемо приведет Россию к катастрофе².

© Кутаренкова Т.С., 2011

В годы Гражданской войны Струве участвовал в организации Белого движения, был членом Особого совещания при Деникине. В правительстве Врангеля в Крыму возглавлял Управление внешних сношений³. Осенью 1920 г., за месяц до эвакуации врангелевских войск из Крыма, Струве эмигрировал из России⁴. В 1921–1923 гг. он редактировал литературно-политический журнал «Русская мысль», издававшийся в Праге и Софии⁵. Переехав в Париж, он получил предложение от нефтепромышленника А.О. Гукасова создать газету «Возрождение», которую возглавлял в 1925–1927 гг. При Струве «Возрождение» стало одним из крупнейших периодических изданий, выходивших во Франции на русском языке в 20-е годы. Затем Струве редактировал газеты «Россия» и «Россия и славянство». В 1941 г. он был арестован гестапо и отправлен в тюрьму Граца, но уже через несколько месяцев освобожден. Скончался Струве во Франции в 1944 г.⁶

Деятельность Струве в эмиграции получала крайне неоднозначную оценку общественности: его не принимали ни крайне левые, ни крайне правые. Первые называли его монархистом и реакционером, вторые обвиняли в «левизне».

Русская журналистика во Франции в 20–30-е годы XX в. представляла собой систему разных типов изданий. Ее общей идейной направленностью было враждебное и непримиримое отношение к большевизму. Но само эмигрантское сообщество было неоднородным: русские во Франции были сторонниками разных политических взглядов. Столь же неоднородной была и пресса, включавшая группы изданий, представлявшие различные политические направления.

«Возрождение» возникло в тот исторический момент, когда эмигрантское сообщество становилось все более разобщенным⁷. Проект русской газеты «патриотического» направления, которая, как задумывалось, сможет конкурировать с популярной в эмиграции газетой «Последние новости», был составной частью политического плана великого князя Николая Николаевича и генерала А.П. Кутепова, направленного на сплочение эмигрантов для активной борьбы с большевистским режимом. Газета была задумана как умеренно-консервативный печатный орган, объединяющий на основе идей Белого движения все активные силы русского зарубежья и противостоящий, по утверждению создателей газеты, «беспринципности либерального крыла эмиграции»⁸.

Само название газеты было символичным и отражало специфику мировоззрения русских людей за рубежом, в основе которого лежала идея не просто реставрации, а именно возрождения подлинной России⁹. По настоянию Гукасова, в подзаголовок газеты было вынесено: «Печатный орган русской национальной мысли».

Свою основную задачу «Возрождение» формулировало следующим образом: идейная борьба с большевизмом и объединение политической эмиграции для создания единого вооруженного фронта Русского зарубежья, способного выступить против Советской России. Сотрудник газеты Г. Мейер писал: «Эмиграция жаждала тогда ведущей умственной силы, политической честности и дальновидности, отражения в слове своей любви к России, к ее историческому и культурному прошлому. Нужна была большая ежедневная газета, политическая и одновременно историософская и литературная»¹⁰.

В 1922 г. в кругах русских эмигрантов-монархистов начался разброд: рядом с великим князем Николаем Николаевичем, которого род Романовых и Высший монархический совет провозгласили наследником российского престола, появился новый претендент на престол – великий князь Кирилл Владимирович. Летом 1922 г. он декларировал, что считает «своей обязанностью возглавить освобождение России в качестве наследника императорского престола»¹¹.

Газета «Возрождение» была основана для оказания поддержки великому князю Николаю Николаевичу и монархическому движению. В первом же номере газеты было опубликовано обращение великого князя к эмиграции, в котором он отрицал, что стремится восстановить абсолютную монархию в России. Самой важной задачей, как подчеркивал великий князь, было «возвратить в Россию мир и залечить ее раны»¹². Говоря о необходимости объединения русской эмиграции во имя сильной и свободной России, лидером этого процесса авторы «Возрождения» видели только великого князя Николая Николаевича. В статье «Наши задачи», посвященной годовщине начала издания газеты, Струве писал: «Мы сознательно и убежденно приемлем и выдвигаем личный авторитет великого князя. Авторитет чистый и бескорыстный, овеянный и исторической традицией и духом жертвенности. Авторитет не господства, а служения»¹³.

Двадцатые годы – время ожесточенных споров внутри эмиграции о будущем государственном устройстве России после освобождения от большевиков. Эмигрантская пресса отчаянно спорила о том, что лучше для будущей России: монархия или республика. В ходе полемики Струве объявил, что его печатный орган будет придерживаться «принципа непредрешенчества». Суть этой позиции можно определить так: невозможно предрешить (определить) будущий государственный строй в России, прежде чем она будет освобождена от большевиков. Струве писал о том, что России нужно возрождение, а не реставрация. По его словам, это должно быть

возрождение, проникнутое идеями нации и отечества, свободы и собственности, и в то же время свободное от духа и духов корысти и мести. Струве подчеркивал:

<...> мы стоим непреклонно за установление собственности и предостерегаем от увлечения несбыточными мечтами о восстановлении или реставрации собственности <...> Сейчас бесплодно вырисовывать те государственные пути, по которым пойдет возрожденная Россия, и тем более нелепо диктовать те формы, в которые выльется ее политическая жизнь. Вот почему у нас нет политических рецептов, а есть ясная и твердая мысль – России нужны: прочно огражденная свобода лица и сильная правительствующая власть¹⁴.

И отвечая всем тем, кто обвинял «Возрождение» в непредрешенчестве и отсутствии начертанной программы, Струве заявил: «Ну, а в самом деле, разве нам не хватает “программы” и разве томлящая под коммунистическим игом Россия только и ждет от нас таковой <...> От нас ждут только одного: силы и действий»¹⁵.

Газета осуждала любые революции и утверждала важность принципов преемственности, исторической памяти. При этом руководство издания не разделяло взглядов правой, монархической прессы и отрицало любую возможность в будущем полной реставрации абсолютной монархии. Своей идейно-политической концепцией «Возрождение» называло либеральный консерватизм, который П.Б. Струве определял как неразрывное сочетание охранительных начал, уважения к традиции и идеям свободы и прогресса.

В передовой статье под заглавием «Освобождение и Возрождение», опубликованной в первом номере газеты, Струве писал: «Освободить и освободиться, дабы возродить и возродиться на основах либерализма, понимаемого как “вечная правда человеческой свободы”, положенная в основу реформ Екатерины Великой, Александра I и Александра II, и консерватизма, понимаемого как “великая жизненная правда охранительных начал” и “любовная преданность великим началам и великим образцам родной истории”»¹⁶. «Прочно огражденная свобода лица и сильная правительствующая власть» на основе «непреложных религиозных начал» – эти идеи Струве, всецело поддержанные такими авторами газеты, как И.А. Ильин, С.С. Ольденбург, А.А. Салтыков и другие, были с одобрением восприняты большей частью эмиграции. Среди русских писателей-эмигрантов эти идеи поддержали И.С. Шмелев, И.А. Бунин, И.Д. Сургучев и многие другие¹⁷.

В дореволюционной России же – как писали публицисты «Возрождения» – консерваторы в своем «охранительстве» шли так далеко, что приносили ему в жертву начала личной свободы, а либерализм, считавший консерватизм злейшим врагом, всегда был в тесной связи с социалистическим радикализмом, и это сыграло роковую роль в истории России¹⁸. «В стране, в такой мере отравленной социализмом, как Россия, отстаивать либерализм нужно именно в сочетании с консерватизмом», – утверждал Струве¹⁹. Эти идеи полностью разделял И.А. Ильин, отмечавший в статье «Кто мы?», что «здоровая, мудрая, спасительная политика всегда консервативна, ибо она охраняет, оберегает, поддерживают все историческое наследие страны. Политика всегда прогрессивна, ибо она совершенствует, видоизменяет, приспособляет и обновляет историческое наследие страны именно ради его поддержания и ограждения»²⁰.

«Возрождение» оказалось единственным изданием, которое заявило о необходимости объединения русской эмиграции вне зависимости от партийной принадлежности. Попыткой воплощения этого намерения стал Зарубежный съезд в 1926 г., организованный именно по инициативе редактора газеты «Возрождение» Струве, выступившего в качестве председателя съезда²¹.

«Возрождение» стало рупором наиболее непримиримых и активных борцов с большевизмом среди русских эмигрантов. Оно фактически возглавило пропагандистскую кампанию против Советской власти из-за рубежа. Политика газеты была направлена на создание негативного образа Советской власти²².

«Возрождение», конечно же, не могло обойти вниманием появление новых политических режимов в Европе, и прежде всего фашизма, заявившего о своем категорическом неприятии коммунизма. Стоит отметить, что Струве, хотя и отмечал некоторые положительные стороны программы фашизма, тем не менее никогда не доверял его идеологам. В 1927 г. Струве в статье «Фашизм и социализм», приветствуя режим Муссолини за твердое сопротивление большевизму, с осторожностью оговаривается:

Сильные и слабые стороны фашизма связаны с тем, что он сам возник в недрах того направления, которое он в значительной мере отрицает, в недрах социализма, принципиально неотличимого от коммунизма. Это придает фашизму жизненность и подлинность: фашизм вышел из переживания и преодоления социализма. Но этим обуславливается и то, что есть на фашизме как бы еще скорлупа того социалистического яйца, из которого он вылутился, и притом – скорлупа не только словесная, но и идейная. Пожалуй, даже еще больше: скорлупа чувств и настроений²³.

Отмечая, что фашизм «лишь в той мере есть явление творческое, движущее вперед, не эпизодическое, в какой и он духовно прорывает с социализмом»²⁴, Струве добавлял: «У Муссолини могут быть политические точки соприкосновения с социализмом. Духовно – он не только оторвался, но и решительно противопоставился социализму и его духовным источникам».

Как и многие эмигранты, Струве находил в фашизме «здоровые идейные элементы и здоровые социальные инстинкты» и оценивал его значение прежде всего с позиций борьбы с коммунизмом, который всегда считал враждебным истинной культуре²⁵. Однако уже в 1925 г. Струве критиковал фашизм, «прельстившийся на открытые сношения и связи с коммунистической Москвой»²⁶. В 1927 г. в статье «Пока в Москве сидит советчина...» Струве напишет: «Италия, после того, как она железной рукой вождя Муссолини смела всякую, и в том числе социалистическую, оппозицию против фашистского государства, тоже могла позволить себе дружеские отношения даже с <...> коммунистами далекой России»²⁷.

Сотрудник «Возрождения» Г. Мейер вспоминал, что, рассматривая разные стороны итальянского фашизма, авторы издания указывали на опасность, которая подстерегает это политическое явление из-за его «неоязыческой безрелигиозности, грозящей превратиться в полное, последовательное безбожие»²⁸. С первых дней своего существования газета возлагала всю надежду на испанскую диктатуру, сначала Прима де Ривера, потом генерала Ф. Франко, так как они оба опирались на христианскую церковь²⁹.

«Возрождение» в период редакторства Струве делало ставку на публицистическое осмысление действительности. Это находило отражение и в передовых статьях, и в «Дневнике политика» – постоянной рубрике, которую вел сам Струве, и в «подвальных» обзорах, и в комментариях к материалам эмигрантских и советских газет и журналов. И это давало газете преимущество перед другими органами эмигрантской периодической печати в 20-е годы XX в., когда проходили дискуссии о судьбе России, о причинах катаклизма, о ее прошлом, настоящем и будущем. В то время, когда вся русская диаспора жила надеждой на близкий крах большевистского режима и, следовательно, на скорое возвращение на родину, в эмигрантской среде возникает так называемый активизм – желание действовать во имя этой развязки, во имя возвращения к утраченной России³⁰.

Большое значение для развития идей Струве и журналистов «Возрождения» имела полемика с другими печатными изданиями, в первую очередь – с газетой «Последние новости», занимавшей противоположную позицию по многим вопросам.

В 1927 г. Струве покинул пост редактора «Возрождения». Некоторые исследователи считают, что основная причина произошедшего – в провале Зарубежного съезда 1926 г., а также в непопулярности идей либерального консерватизма в эмигрантской среде. Все это вело к сокращению количества читателей и потере прибыли, получаемой от реализации издания³¹. Гукасов понимал, что в обстановке эмигрантской разобщенности и склоки выгоднее было иметь четко оформленное правое направление, чтобы удерживать постоянного правого читателя. Струве никогда не был подлинно «правым», хотя и оставался близок к этому политическому полюсу русской эмиграции. В основе конфликта Струве и Гукасова лежало нежелание главного редактора изменить политическую линию газеты в угоду ее владельцу. Стремясь поправить положение дел, Гукасов начал брать на работу более лояльных сотрудников, одновременно ограничивая полномочия Струве³².

Хотя согласно договору от 11 мая 1925 г. с владельцем газеты Струве обладал независимостью в кадровых вопросах, Гукасов единолично назначил вторым редактором Ю.Ф. Семенова, который с первых дней работы стремился стать первым лицом в газете. Постепенно газета, созданная Струве, перешла в руки его заместителя³³. Гукасов предложил бывшему главному редактору выплачивать жалованье в полном объеме в течение года при условии, что тот будет молчать об обстоятельствах ухода. Но Струве не пошел на унижительное для него соглашение³⁴.

Шестнадцатого августа 1927 г. Гукасов подписал приказ об увольнении Струве. В последний раз к читателям «Возрождения» Струве попытался обратиться 18 августа 1927 г. с письмом, в котором он сообщал о том, что более не является редактором газеты. К письму прилагалось заявление еще двадцати сотрудников о том, что они покидают редакцию вместе со Струве – среди них были И.А. Ильин, С.С. Ольденбург, В.В. Шульгин и другие. Это заявление поддержали постоянные авторы «Возрождения» – такие, как И.А. Бунин, А.Д. Билимович, барон Б.Э. Нольдэ. Однако Гукасов запретил публиковать письмо на страницах своей газеты. Обращение Струве русские эмигранты смогли прочитать только на страницах газеты «Последние новости», решившей напечатать письмо своего некогда главного оппонента³⁵. Сам Гукасов в обращении к читателям «Возрождения» выразил сожаление по поводу ухода Струве и, хотя ничего не сказал об подлинных обстоятельствах дела, дал понять, что произошло это исключительно по вине бывшего главного редактора³⁶.

Вместе со Струве «Возрождение» покинуло 23 штатных и внештатных сотрудника³⁷. Как писал сотрудник «Последних ново-

стей» журналист И.П. Демидов, «со Струве ушли все, кто с ним сработался»³⁸. Демидов вспоминал, что в первые дни Ю.Ф. Семенов был в растерянности и готов был предложить работу в редакции любому, кто взялся бы за нее: ведь не осталось никого из числа газетного технического персонала, ни одного известного журналиста как в общем, так и в специальных отделах – особенно это стало заметно на примере публицистического отдела. Даже еженедельный обзор написать стало некому³⁹.

После ухода из «Возрождения» Струве основал газету «Россия», которая многим читателям напоминала его предыдущее издание. Но если в «Возрождении» на первый план выдвигались вопросы политические, то в новой газете задачи национально-культурные считались приоритетными⁴⁰. «Россия» стала попыткой Струве продолжить редакционную политику «Возрождения», развить вопросы «возрожденчества» – и прежде всего деятельность, целью которой стало бы объединение эмиграции, точнее, надпартийное объединение на основе либерально-консервативной концепции⁴¹.

П.Б. Струве занимал пост редактора газеты «Возрождение» всего два года. Но за это время он сумел сформировать основы идейно-политической идеологии газеты, определив те принципы, которые оставались незыблемыми до последних дней существования издания.

Примечания

- 1 Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы / Под ред. А.Ф. Киселева. М.: ВЛАДОС, 1999. С. 762.
- 2 Суомела Ю. Идеино-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918–1940 гг. СПб.: Издательский дом «Коло», 2004. С. 217.
- 3 Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы. С. 762.
- 4 Пайнс Р. Струве: правый либерал, 1905–1944. М.: Московская школа политических исследований, 2001. Т. 2. С. 576.
- 5 Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков: Учеб. пособие / Под ред. Г.В. Жиркова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. С. 229.
- 6 Пайнс Р. Струве: правый либерал, 1905–1944. Т. 2. С. 579–580.
- 7 Мейер Г. «Возрождение» и Белая идея // Мейер Г. У истоков революции. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1971. С. 121–242.
- 8 Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940: В 2 т. Т. 2: Периодика и литературные центры. М.: РОССПЭН, 2000. С. 64.
- 9 Там же.

Т.С. Кутаренкова

- 10 *Мейер Г.* Указ. соч. С. 121–242.
- 11 *Суомела Ю.* Идеино-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918–1940 гг. СПб.: Издательский дом «Коло», 2004. С. 217.
- 12 Там же. С. 216–217.
- 13 *Струве П.Б.* Наши идеи // Возрождение. 1926. 3 июня. С. 1.
- 14 Там же.
- 15 *Струве П.Б.* О «зубрах» и «интеллигенции»: О великом князе и армии // Возрождение. 1925. 25 июля. С. 1.
- 16 *Струве П.Б.* Освобождение и Возрождение // Возрождение. 1925. 3 июня. С. 1.
- 17 Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940: В 2 т. Т. 2. С. 65.
- 18 *Балуев Б.П.* Споры о судьбе России в эмигрантской публицистике 20-х годов: (Противостояние двух центров) // История и историки. 2003. Историографический вестник. М.: Наука, 2003. С. 3–32.
- 19 *Струве П.Б.* Дневник политика // Возрождение. 1925. 10 июня. С. 1.
- 20 *Ильин И.А.* Кто мы? // Возрождение. 1925. 4 июня. С. 1.
- 21 *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1986. С. 104.
- 22 *Ольденбург С.С.* Существо коммунистической власти // Возрождение. 1926. 6 апр. С. 1.
- 23 *Струве П.Б.* Фашизм и социализм // Возрождение. 1927. 15 апр. С. 1.
- 24 Там же.
- 25 *Омельченко Н.А.* В поисках России: общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности (историко-политический анализ). СПб.: Изд-во РХГИ, 1996. С. 487.
- 26 *Струве П.Б.* Необходимое сосредоточение охранительных сил // Возрождение. 1925. 25 дек. С. 1.
- 27 *Струве П.Б.* Пока в Москве сидит советчина... // Возрождение. 1927. 26 мая. С. 1.
- 28 *Мейер Г.* Указ. соч. С. 121–242.
- 29 Там же.
- 30 *Балуев Б.П.* Указ. соч. С. 3–32.
- 31 *Сутело А.В.* Идеинная борьба в либерально-буржуазной эмиграции по вопросам политического объединения Русского зарубежья (1920–1930 годы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск: Изд-во Омского гос. пед. ун-та, 1998. С. 21.
- 32 *Яковлева Т.А.* Пути Возрождения. Идеи и судьбы эмигрантской печати П.Б. Струве, П.Н. Милокова и А.Ф. Керенского. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1996. С. 116.
- 33 Там же.

П.Б. Струве – редактор газеты «Возрождение»

- ³⁴ *Франк С.Л.* Биография П.Б. Струве. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. С. 145.
- ³⁵ *Струве П.Б.* Дневник политика. М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2004. С. 313.
- ³⁶ *Гукасов А.О.* Обращение к читателям // *Возрождение*. 1927. 17 авг. С. 1.
- ³⁷ *Струве П.Б.* Дневник политика. С. 313.
- ³⁸ *Балуев Б.П.* Указ соч. С. 3–32.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ *Сутело А.В.* Указ соч. С. 22.
- ⁴¹ *Яковлева Т.А.* Указ. соч. С. 132.

Ю.Г. Бит-Юнан

РАННЯЯ ЖУРНАЛИСТИКА В.С. ГРОССМАНА
(1928–1929 гг.)

В статье анализируются публицистические выступления писателя и журналиста В.С. Гроссмана, опубликованные в советских периодических изданиях в 1928–1929 гг. Предпринимается попытка определить роль этих публикаций в писательской судьбе Гроссмана. Делается вывод о том, что они стали подготовительным этапом его литературной карьеры.

Ключевые слова: Гроссман, советская журналистика, история советской журналистики, история советской литературы, литературная репутация, еврейская тема в советской литературе.

В.С. Гроссман, считавшийся долгое время вполне удачливым советским писателем, современному читателю известен в первую очередь как автор двух антисоветских произведений: романа «Жизнь и судьба» и повести «Все течет». Этим обусловлено и отношение к нему как к писателю «переродившемуся», «прозревшему». Такая эволюция, или даже революция мировоззрения, привлекала и привлекает к себе интерес исследователей¹. Однако о первых шагах Гроссмана в литературе и журналистике сказано гораздо меньше.

Первые годы «взрослой» жизни Гроссмана отчасти описаны в монографии Дж. и К. Гаррард «Кости Бердичева. Жизнь и судьба Василия Гроссмана». Главным источником информации для исследователей послужили письма Гроссмана своему отцу, полные жалоб на одиночество, отсутствие денег. Студент химического отделения физмата МГУ, он сетовал в письмах на ошибку в выборе профессии химика. В то же время он начал интересоваться искусством, ходил в театры, делился с отцом впечатлениями о книгах, которые прочитал. Это дало ученым основание утверждать, что в конце

20-х годов Гроссман решил кардинально изменить свою жизнь и стать писателем.

Ученые писали о его поездке по Средней Азии, которую он совершил в 1928 г., и о том, что сразу после нее он поместил две заметки в «Нашей газете» и «Правде». При этом приводилось название только второй публикации – «Ислахат». В 1929 г. в «Огоньке» был опубликован очерк «Бердичев не в шутку, а всерьез», после чего Гроссман уехал работать на Донбасс. Однако, получив должность инженера, литературных опытов он не оставил. В 1934 г. состоялся его писательский дебют: были опубликованы повесть «Глюкауф» – при содействии самого А.М. Горького – и рассказ «В городе Бердичеве»².

О статьях в «Нашей газете» и «Правде» сказано сравнительно немного:

Это было многообещающее начало для юноши, которому к тому моменту не исполнилось и двадцати четырех лет. Незамедлительная публикация его статей, особенно в последней газете («Правде». – *Ю. Б-Ю.*), официальном партийном органе, лишней раз доказывает, что Надя, стараясь помочь Гроссману, воспользовалась своими связями в Профинтерне. <...> В заметке, опубликованной «Правдой», Гроссман уделяет особое внимание тем достижениям, которых достигли узбеки, благодаря освобождению от исламских предписаний и господства землевладельцев, сохранявшихся вплоть до 1917 г.³

Об этих первых публикациях Гроссмана писал и А.Г. Бочаров:

В студенческие годы наш студент-химик начал писать. <...> После экспедиции в Среднюю Азию Василий Семенович, еще будучи студентом последнего курса, опубликовал две небольшие статьи: в кооперативной «Нашей газете» 7 июля и в «Правде» 13 июля 1928 года. Это и были его первые печатные труды⁴.

Однако подобные рассуждения не позволяют сделать выводы о взглядах начинающего журналиста, и необходим конкретный анализ первых печатных трудов Гроссмана в историческом контексте 20–30-х годов.

«Наша газета» была печатным органом ЦК и Мосгуботдела Профсоюза советских и торговых служащих СССР. Это было ежедневное издание, печатавшееся на шести полосах. В нем помеща-

Ю.Г. Бит-Юнан

лись информационные материалы и статьи по экономике. Одной из них стала заметка Гроссмана «Узбечка на кооперативной работе»⁵, в которой говорилось о возможностях, открывшихся перед азиатскими женщинами с установлением власти большевиков. (Таким образом, слова американских ученых подтверждаются, но лишь отчасти: Гроссман писал о раскрепощении узбекских женщин, но не в той статье, которая была опубликована «Правдой».) Начинаясь она так:

Одной из своеобразных и чрезвычайно важных форм втягивания женщин Востока в общественную работу являются женские кооперативные лавки. Эти лавки обычно реализуются при потребительском кооперативе; ассортимент их составлен таким образом, чтобы удовлетворять именно покупательницу-женщину <...>⁶

Материал напоминает информационный отчет. В нем нет ничего, кроме сухих сведений о тех самых кооперативных лавках. Язык лишен образности, композиция отвечает только одной цели – дать краткую характеристику увиденному. Приводится описание магазина, затем следует рассказ об агитационной работе, которую проводят сотрудники кооперативов, и статистика «кооперированных» узбечек, перечисляются недостатки в работе и возможные способы их устранить.

Завершалась публикация, конечно, оптимистически:

<...> женские кооперативные лавки <...> представляют собой удачную форму работы по раскрепощению женщин. Необходимо усилить темп их количественного роста и повысить качество их культурно-просветительной работы⁷.

На первый взгляд ничего гроссмановского, более того авторского, в этом материале нет. Даже в заключение Гроссман воздерживается от каких-либо эмоциональных оценок, в том числе на уровне определений. И тем не менее Гроссман старательно выражал ту мысль, которая со временем стала основой других его публикаций: советская власть дает человеку те возможности, которых прежде он был лишен.

Именно эта идея легла в основу статьи «Ислахат»⁸ (в переводе – «Реформа»), причем развернута она была уже на качественно ином уровне. Если в «Узбечке на кооперативной работе» Гроссман писал о кооперативных магазинах и их роли в социализации мусульманок, то в «Ислахате» речь шла уже о ходе и результатах земельной реформы в Узбекистане. «Ислахатом» назывался сельско-

хозяйственный кооператив. Он был основан на залежной земле, которую начали осваивать во второй половине 20-х годов XX в.

На новой земле осели и занялись дехканским трудом пролетарии, всю жизнь свою не имевшие угла, рывшие арыки и бродившие по стране в поисках работы и куска хлеба, мардикеры-батраки, гнувшие долгие годы спину на полях бая, чайрикеры-издольщики, из поколения в поколение на крепостных условиях обрабатывавшие обширные поля богачей за право вспахать и засеять свой маленький клочок земли⁹.

Сразу заметно, насколько изменился стиль повествования. Гроссман уже выступает не с кратким отчетом – он рассказчик, вернее, репортер, владеющий навыком литературной работы, и он стремится высветить наиболее яркие детали своего путешествия, чтобы читатель смог увидеть азиатскую страну глазами автора.

От станции Каунчи <...> до «Ислахата» 14 верст. Дорога плетется меж засеянных хлопком полей. Вдоль арыков кое-где растут деревья и вьется узкая полоса красных маков. В нескольких же саженях от арыка нет ни маков, ни зеленой травы, ни деревьев. Суровый край! <...>

Возница мой – русский – крестьянин Орловской губернии, старик лет шестидесяти. Он весел, оживлен, все время смеется, говорит то со мной, то с лошадью, то с самим собой¹⁰.

Описание и поиск образа увлекают Гроссмана настолько, что он даже для тракторов находит определение: «Сильные, как слоны, и упорные, как ишаки». Сравнение это, правда, трудно назвать удачным, даже если учесть, что Гроссман старался показать трактор таким, каким его видели сами узбеки.

Есть в этом фрагменте и другой символ времени. Возницей Гроссмана не случайно стал русский крестьянин (заметим, «русский» в тексте выделено графически) – живое свидетельство интернациональной дружбы. Да и сам воодушевившийся поездкой журналист пытался заговорить с председателем «Ислахата». И хотя побеседовать не удалось, поскольку один не знал узбекского, а другой русского, самое главное все же было произнесено:

Показав на поля, горевшие в лучах заходящего солнца, я сказал:

– Якши Ислахат.

Лицо старика расплылось в улыбку, еще острее заблестели молодые глаза, и он ответил:

– Кареш, кареш, джудай якши (Очень хорошо)¹¹.

Ю.Г. Бит-Юнан

В репортаже содержалась информация о числе работников колхоза, поголовье скота, ценах на продукты, подробно излагалась история создания «Ислахата», самым драматичным эпизодом которой стала борьба с басмачами. Гроссман детально описал будни узбекских крестьян, показал работу местной партийной организации.

В конце трудного дня товарищ Гроссмана, «комсомолец-татарин», позвал его к себе ночевать. По дороге он рассказал журналисту о событии, произошедшем незадолго до прибытия Гроссмана в «Ислахат»:

Предприимчивое Узбеквино вздумало открыть здесь винную лавку. По инициативе комсомольской ячейки было собрано общее собрание дехкан, которое постановило: «лавку закрыть».

– Вчера уже вывеску сняли, большая вывеска, из самого Ташкента привезли.

На вновь орошенной земле работают новые люди, строят новую жизнь; с каждым годом они крепнут материально и культурно. Все новое – и земля, и люди¹².

Этими словами завершалась статья.

Материал вполне «идеологически выдержанный». В нем было сказано все, что требовалось сказать о работе колхоза в союзной республике. К тому же вновь утверждалась мысль, что советская власть дает каждому новые возможности. Безусловно, эта идея была магистральной в журналистике того времени, но примечательно, что Гроссман испытывал искренний энтузиазм. Вот выдержка из письма, которое он отправил отцу, еще находясь в Узбекистане:

Езжу по кишлакам, наблюдаю быт; сведений, впечатлений, интересных фактов, разговоров – много. Очень интересен здесь базар – прямо-таки слепит глаза яркость и пестрота красок, никак не могу привыкнуть к виду упряженного верблюда. Вчера был в очень интересном кишлаке – переходящем на новые рельсы – строится большая школа, радио, мечети пустуют, есть большой колхоз, трактор, женщины снимают паранджу. Ей-богу здорово!¹³

С одной стороны, это обычное письмо увлеченного юноши, который оказался в новой обстановке и увидел совсем другую жизнь. С другой же стороны, Гроссман искренне радуется не просто новым условиям, а изменениям в жизни народа, некогда подчинявшегося религиозным предписаниям и угнетаемого богатым меньшинством. Писатель родился в Бердичеве, в черте оседлости, и не мог не знать (если не по своему опыту, то хотя бы по общению с род-

ственниками) о всякого рода ограничениях, которым подвергались евреи, а потому приветствовал революцию, наделившую всех равными правами.

Схожие идеи встречаем в очерке «Бердичев не в шутку, а всерьез», опубликованном в журнале «Огонек» в 1929 г.¹⁴ Посвящен он был, как и следовало из заглавия, реальной, советской жизни города, считавшегося символом местечка и часто упоминавшегося в еврейских анекдотах. С этого, собственно, и начинается очерк:

Всякий антисемит, услыша слово «Бердичев», ухмыляется.

Бердичев – синоним еврейской торговой буржуазии, гнездо спекулянтов, – город, где живут торговлей и обманом. Охотнорядцы и сухаревцы любят склонять это слово при каждом случае. В трамвае, или торгуясь с покупателем-евреем, охотнорядец говорит: «Не толкайтесь, тут вам не Бердичев; нечего, в Бердичеве будешь торговаться»¹⁵.

Гроссман показывает, что «еврейский миф» с очевидностью противоречил действительности – в том числе в местечковой столице, городе Бердичеве. Да, евреи составляли в Бердичеве большинство населения, что, однако, не давало им преимуществ, потому как в остальном политическая ситуация соответствовала общероссийской. В Бердичеве были эксплуататоры – евреи и не евреи, равно как и эксплуатируемые – тоже евреи и не евреи. Причем евреями помыкали так же, как русскими, украинцами и поляками, жившими в Бердичеве. Однако эксплуатируемые, опять же и евреи, и представители других национальностей, выступили против эксплуататоров с оружием в руках – и одержали победу. Бердичев стал обычным советским городом, в котором живут обычные советские граждане разных национальностей и профессий.

Следуя традиции, Гроссман написал об истории революционного движения в Бердичеве, рассказал о достижениях современных бердичевских рабочих, указал количество заводов и фабрик в Бердичеве, уделил внимание культурно-просветительной работе, упомянув при этом, что в городе нет больше «ребе – учителя в традиционной ермолке. Еврейские школьники не разучивают больше нараспев мудрости талмуда»¹⁶.

Завершался очерк патетически – описанием «великого памятника», памятника на «братской могиле красноармейцев, погибших при взятии города. Там лежат бердичевские рабочие, добровольцы: поляки, евреи, украинцы; красноармейцы Интернационального

полка: латыши, мадьяры, китайцы... Это великий памятник Интернационала»¹⁷.

С одной стороны, очерк можно оценить как вполне удачное сочинение советского публициста. Однако время, в которое очерк был написан, – показательно. В середине 20-х годов в коммунистической элите развернулась борьба за власть, в ходе которой И.В. Сталин неоднократно разыгрывал антисемитскую карту – для дискредитации Л.Д. Троцкого. Еврейская тема в литературе и журналистике оказалась под запретом. Однако в 1929 г. Троцкий был выслан за границу, и антисемитская кампания была свернута. Между тем борьба с Троцким и его сторонниками нанесла серьезный ущерб интернациональной советской идеологии. Поэтому Сталин инициировал очередную пропагандистскую кампанию по «борьбе с антисемитизмом», инструментом в которой послужили журналистика и литература. В этом смысле очерк Гроссмана появился вовремя. Более того, очерк представляется довольно смелым сочинением: в нем очевидны ссылки на «еврейский миф», столь часто эксплуатировавшийся в антитроцкистских кампаниях. А значит, содержится и напоминание об этих кампаниях.

Вообще очерк «Бердичев не в шутку, а всерьез» представляется итогом творчества Гроссмана-журналиста. Это своего рода переход от журналистики к собственному писательскому труду.

Следует отметить, что в начале карьеры Гроссман действовал практически безошибочно. Закончив МГУ, он зарекомендовал себя как производственник и журналист. Создав себе послужной список, он затем – при содействии Горького – опубликовал «нужную» повесть «Глюкауф» о жизни шахтеров Донбасса и отдал в «Литературную газету» лучший на тот момент рассказ – «В городе Бердичеве» (опять-таки на еврейскую тему). Вскоре после публикации рассказа Горький пригласил автора к себе на аудиенцию и рекомендовал стать профессиональным писателем¹⁸.

Невозможно однозначно утверждать, что, выстраивая таким образом свою биографию, Гроссман действовал сознательно. Однако многие факты говорят в пользу осознанности подобного выбора. И, по-видимому, следует признать, что Гроссман, которому к моменту публикации «В городе Бердичеве» еще не исполнилось и 30 лет, довольно четко ориентировался в литературном процессе и политической ситуации того времени.

- ¹ *Garrard J., Garrard C.* The Bones of Berdichev: The Life and Fate of Vasily Grossman. N.Y.: The Free Press, 1996; *Ellis F.* Vasily Grossman: The Genesis and Evolution of a Russian Heretic. Oxford: Berg Publishers, 1994; *Губер Ф.Б.* Память и письма: Книга о Василии Гроссмане. М.: Пробел, 2007; *Елина Н.Г.* Василий Гроссман. Иерусалим, 1994.
- ² *Garrard J., Garrard C.* Op. cit. P. 69–101.
- ³ Ibid. P. 81.
- ⁴ *Бочаров А.Г.* Василий Гроссман: Жизнь, творчество, судьба. М.: Советский писатель, 1990. С. 7.
- ⁵ *Гроссман В.С.* Узбечка на кооперативной работе // Наша газета. 1928. 7 июля. С. 4.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ *Гроссман В.С.* Ислахат // Правда. 1928. 13 июля. С. 2.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Цит. по: *Губер Ф.Б.* Указ. соч. С. 10.
- ¹⁴ *Гроссман В.С.* Бердичев не в шутку, а всерьез // Огонек. 1929. № 51–52. С. 12–13.
- ¹⁵ Там же. С. 12.
- ¹⁶ Там же. С. 13.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Губер Ф.Б.* Указ. соч. С. 22.

Э.А. Суздорф

ОБРАЗЫ ЛЕНИНА И СТАЛИНА
НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛОВ «ЁЖ» И «ЧИЖ»
(конец 1920-х – 1930-е годы)

В статье исследуются приемы, посредством которых советская пропаганда воздействовала на детскую журналистику 20–30-х годов. В качестве источников используются прозаические и поэтические тексты из журналов «Ёж» и «Чиж», посвященные В.И. Ленину и И.В. Сталину.

Ключевые слова: русская советская периодика для детей, пропаганда, журналы «Ёж» и «Чиж», Ленин, Сталин.

Журналы для детей «Ёж» и «Чиж» выходили в общей сложности 14 лет (1928–1941). Их деятельность, по мнению историков отечественной культуры, можно считать беспрецедентным явлением в истории советской детской журналистики. В журналах сотрудничали будущие классики детской литературы В. Бианки, Б. Житков, С. Маршак, а также ставшие известными «взрослые» поэты Н. Заболоцкий, Д. Хармс, Н. Олейников, А. Введенский.

«Ёж» был создан по инициативе С.Я. Маршака в 1928 г. и выходил вплоть до конца 1935 г., а «Чиж», ориентированный на читателей младшего возраста, – в 1930–1941 гг. Блестящий авторский состав редакции обеспечивал высокое качество публикуемых материалов, и «Ёж» и «Чиж» стали самыми популярными детскими журналами своего времени.

Исследование этих изданий, призванных выполнять функции воспитания читателей в духе коммунизма, интересно еще и потому, что в создании соответствующих текстов принимали участие талантливые авторы. Часто даже откровенные «агитки» под их пером обретали высокую художественную форму.

Особое место в детской довоенной периодике занимала тема вождей, прежде всего В.И. Ленина и И.В. Сталина. Освещение и рас-

крытие образов вождей было не только прямой необходимостью и условием существования детских изданий, но и удовлетворяло вполне естественную потребность читателей в реализации традиционных мотивов – таких, например, как борьба добра со злом.

До середины 30-х годов основным, если не единственным, вождем представлялся Ленин. Утверждению памяти о Ленине в сердцах и душах детей придавалось большое значение. Как отмечает Н. Тумаркин, истории о детстве Ленина должны были дать советской детворе совершенный образец для подражания – образ энергичного, прилежного мальчика Володи, который никогда не забывал о своем долге перед народом. Тогда как идеализированный Ильич – называемый по отчеству, чтобы сделать его ближе и доступнее, – был по сути добрым и улыбочивым старичком, который спасал Россию и любил детей. Ожидалось, что в результате прочтения подобных произведений дети вырастут лояльными советскими гражданами, а их подростковая любовь в зрелости обратится в преданность Советской власти¹.

Детские журналы 20–30-х годов – и прежде всего «Ёж» и «Чиж» – содержат обширный и разнообразный материал, позволяющий проследить развитие ленинской темы и раскрытие образов вождей в целом. Можно выделить несколько основных ипостасей Ленина, несколько наиболее часто повторявшихся мотивов, составлявших пеструю мозаику его образа. Вождь предстает милым и живым мальчиком, трогательным и задумчивым подростком; простым, искренним и скромным – почти святым – человеком; добрым другом детей, с удовольствием играющим с ними; пророком и блестящим оратором; героем-революционером; гениальным мыслителем; трагически погибшим героем; бессмертным вождем.

Смерть Ильича в 1924 г. определила характер развития ленинской темы в литературе для детей – о живом человеке создать настолько разнообразный, идеалистически-утопичный и в то же время художественный, захватывающий материал (и тем более сделать Ленина героем сказок) вряд ли было возможно. Уход из жизни сделал Ленина, в сущности, эпическим героем и позволил наделить его божественными чертами и немислимым для живого человека совершенством.

Биографические рассказы для детей о Ленине на рубеже 20–30-х годов часто строились по схеме, которую условно можно обозначить как «жизнь – смерть – бессмертие». Таков, например, рассказ «Пакет из Москвы»² – история о том, как во время Гражданской войны отец дает сыну ответственное задание – спрятать пакет из Москвы от белогвардейцев. Чудом уцелевший пакет с телеграммой от Ленина вскрывают в самом конце. Не-

смотря на то что рассказ посвящен приключениям мальчика, текст сопровождается четырьмя иллюстрациями: Ленин – Председатель Совнаркома, Ленин выступает на трибуне, Ленин готовится к докладу (сидя на полу), Ленин в гробу. Эти рисунки точно выражают основные направления развития ленинской темы в конце 20 – начале 30-х годов. Для рассказов о вожде того времени характерно раскрытие нескольких мотивов и последовательное движение от одного проявления Ильича к другому: Ленин – глава государства; Ленин-оратор; его болезнь и (героическая) смерть; мертвый Ленин; бессмертный Ленин. Точно так же выстроен и рассказ А. Гринберг «Ленин», разделенный автором на небольшие главки: Совнарком; болезнь; последняя речь; Горки; смерть; паровоз № 127; Дом Союзов.

Основное развитие мотив смерти и бессмертия Ленина получил в конце 20-х годов, когда культ Сталина только зарождался и Ленин оставался главным и практически единственным Вождем. О его смерти на страницах детских журналов того времени писали постоянно, а фото тела Ленина, лежащего в гробу, регулярно появлялось в детских журналах того времени. Чаще всего материалы о Ленине печатались в январских номерах, посвященных годовщине его кончины.

Интересно, что причины ухода вождя (который должен был погибнуть как герой) были художественно переосмыслены авторами. Описания смерти насыщены анатомическими подробностями: например, в рассказе А. Гринберг уход Ленина из жизни объяснялся следующим образом:

Вечером в Горках, зимой, в сильный мороз он умер. Десять врачей вскрыли его тело. Все оказалось здоровое, крепкое, прочное. Только мозг был разрушен. От большой мозговой работы износились те сосуды и трубочки, которые несли кровь к его голове. Они затвердели и утолстились, от слишком большой усталости стали негодными. Врачи взяли один кусочек кровеносной трубочки и посмотрели на свет: света не было видно, трубочка была как веревка, кровь по ней не могла течь. Мозг его был разрушен, как у древнего старика. А жил он всего 54 года³.

Но в целом, несмотря на трагический пафос, подобные произведения должны были звучать жизнеутверждающе и заканчиваться оптимистично. Яркий пример такого подхода – стихотворение «Восемь лет без Ленина», подписанное «Я. М.» (по всей вероятности, «Яков Миллер» – псевдоним Н. Заболоцкого):

Ты видал мавзолей
Под кремлевской стеной?
Там лежит пролетарский герой.
Восемь лет, восемь лет
С нами Ленина нет,
Восемь длинных, невиданных лет.
Наступает январь,
Наступает зима.
Белый снег покрывает дома.
Мы на площадь спешим,
мы над гробом стоим,
Мы знамена склоняем над ним.
Мы не плакать приходим
Над гробом его.
Видишь – плачущих нет никого.
Наши руки сильны,
Наша кровь горяча,
Все мы помним завет Ильича⁴.

Еще один часто использовавшийся на рубеже 20–30-х годов мотив – речь Ленина. Он предстал перед читателем не только как прекрасный оратор, но и как пророк. Во всех текстах подчеркивается исключительное влияние его слов на слушателя. В связи с этим стоит отметить рассказ «Три встречи»: Ильич предстает сначала загадочным незнакомцем, затем – великолепным оратором, в финале – лежащим в гробу. Наиболее впечатляющей для читателя должна быть вторая встреча: «Мы увидели броневик, а на броневике – Ленин <...> Ленин говорил речь, то подымаясь на носки, то опускаясь. Прожектора освещали его со всех сторон. И здесь речь Ленин кончил так же громко, резко: “Да здравствует социалистическая революция!”»⁵.

В материалах «Ежа» и «Чижа» облик Ленина, его выступления перед народом описывались так, чтобы как можно сильнее воздействовать на читателя:

Много нас вокруг собралось,
Не запомнил я всего,
Только каждому казалось –
Смотрит Ленин на него.
Не забыть нам той минуты,
Как мы встретились с вождем.
Каждый думал почему-то –
Говорит Ильич о нем⁶.

Апофеозом в развитии мотива «Ленин-пророк» можно считать сказку «Солнце, Мороз и Ветер»⁷, опубликованную в «Чиже» в 1941 г. По сюжету «буржуи» подговаривают Мороз и Ветер помешать Ленину говорить с народом: его слова замерзают и уносятся с ветром. На помощь Ильичу приходит Солнце, которое растапливает снежинки, и слова «разносятся по всему белому свету».

Другая востребованная тема – «Ленин и дети» и «маленький Ленин». На иллюстрациях юный Володя Ульянов чаще всего изображался с родителями, братом и сестрами, у него был характерный задумчивый взор и необычно высокий лоб. Так, в самом первом номере «Чижа» фото маленького Володи помещено на обложку, а в самом журнале на разворот была дана картинка «Семья Ульяновых». Впрочем, стоит отметить, что в «Чиже» мотив «Ленин в детстве» использовался нечасто, а в «Еже», ориентированном на читателя-пионера, не использовался вообще.

В немногочисленных рассказах о детстве Ленина, опубликованных в «Чиже», особенно подчеркивались такие черты характера, как задумчивость и глубокомыслие, и такие черты внешности, как кудрявые волосы и высокий лоб. Последний – наравне с улыбкой и знаменитым прищуром – стал неизменным атрибутом и взрослого Ильича в советской иконографии.

«Ленин и дети» – излюбленный мотив рисунков, рассказов и стихов для детей. Этот мотив можно назвать самым характерным для раскрытия ленинской темы в советской литературе для детей. Когда возникла необходимость знакомить читателя с другими вождями – Сталиным, Ворошиловым, Калининным, Кировым, именно этот мотив, вождь в окружении детей, использовался как естественный и понятный даже ребенку-дошкольнику.

В конце 30-х годов в «Чиже» печатались рассказы М. Зощенко о Ленине. Интересно, что даже в «Чиже», изначально ориентированном на детей 5–8 лет, были опубликованы рассказы Зощенко о взрослом Ленине, а не о детстве и юности вождя. Это еще раз подчеркивает нежелание редакции эксплуатировать и без того гипертрофированно развитый в советской детской периодике мотив «маленький Ленин».

Рассказы Зощенко стали новым этапом в развитии ленинианы в целом. Во всех рассказах Зощенко, опубликованных в «Чиже», – «Ленин в парикмахерской», «Ленин и часовой», «Как Ленину рыбу подарили» – Ильич проявляет бескорыстие и принципиальность: так, подаренную во время голода рыбу отправляет в детдом; в парикмахерской отказывается стричься без очереди; хвалит часового за то, что тот отказался пустить вождя без пропуска. Простота, открытость и доброта Ленина делают его похожим на святого, а

интеллигентность поведения противопоставляет Ильича образу пролетарского героя.

Подводя итог, можно выделить следующие особенности образа Ленина на страницах «Ежа» и «Чижа»: в конце 20-х годов у Ленина преобладали черты пророка и погибшего героя. К 1935 г. тема смерти и похорон вождя полностью вытесняется другими, менее героическими мотивами – «Ленин и дети», «маленький Ленин» – и к концу 30-х годов Ленин практически утрачивает свою героическую сущность, становится добрым, мягким, интеллигентным Ильичом, уступая место другому вождю.

Живость образа Ленина на страницах «Ежа» и «Чижа» особенно показательна в сравнении его с другими вождями – Ворошиловым, Калининным, Кировым и, конечно же, Сталиным.

Культ Сталина, как отмечает Н. Тумаркин, к середине 30-х годов практически вытеснил культ Ленина: «К 1934 г. идеализированный образ Ленина занял почетное место в истории, исполняя роль священного предка, тогда как культ Сталина выдвинулся в советском политическом ритуале на передний план»⁸. Анализируя материалы «Ежа» и «Чижа» с точки зрения количества и качества публикаций о народных вождях, можно отметить тенденции, как подтверждающие, так и опровергающие этот тезис. Как уже было сказано, Ленин не был вытеснен полностью из «пантеона», хотя его образ и претерпел определенные изменения.

Рассмотрим подробно, как раскрывался образ Сталина на страницах «Ежа» и «Чижа» в конце 20 – начале 30-х годов. Сталин предстал перед читателем как ученик и друг Ленина, и образ его возникал в текстах не часто. Материалы о Сталине чаще имели иллюстративный, чем текстовый характер, и лишь во второй половине 30-х годов начали публиковаться стихи и рассказы, героем которых был Сталин. Впрочем, слово «герой», предполагающее действие, в данном случае не очень подходит, так как в целом этот образ был статичен.

О жизни Сталина до того, как он стал вождем, не говорилось ничего, словно он уже родился взрослым. И лишь на одном рисунке Сталин предстал подростком-гимназистом, стоящим на краю обрыва. Не было рассказов, в которых Сталин был бы показан человеком думающим и чувствующим, наделенным эмоциями, равным образом, читатель не мог ничего узнать о повседневной жизни Сталина.

Все эти факторы говорят о том, что образ Сталина был устойчивым, но в то же время схематичным и односторонним по сравнению с образом Ленина, представленным в различных ипостасях.

Э.А. Суздорф

Тема «вождь и дети» применительно к Сталину в «Чиже» представлена всего в двух рассказах: «В гостях у Сталина»⁹ и «Как я познакомилась с товарищем Сталиным»¹⁰ – и в нескольких иллюстрациях (как правило, они публиковались без подписи). Эти рассказы о знакомстве с вождем написаны по одной схеме: девочка (в обоих случаях героиня – девочка) встречается с вождем, беседует с ним, затем прощается.

Некоторые авторы пытались создать образ Сталина по образцу Ленина – так, в рассказе «В гостях у Сталина» девочка спрашивает маму: «Мама, а почему товарищ Сталин такой простой? – Потому, что это Сталин»¹¹. Другого объяснения автор просто не находит, как не находит и иной возможности иллюстрировать простоту товарища Сталина. «Сталин приветственно помахал рукой, мы кинулись к нему. Подбежали, целуем его. Ворошилов заливается смехом. Все кругом смеются. самого дорогого в стране человека целуют три простые советские девушки»¹². Фанатичная любовь к вождю выражается двойственно: с одной стороны, смех и поцелуи, с другой стороны, отсутствие какой-либо реакции со стороны Сталина, в то время как Ворошилов заходится заливистым смехом, а эмоциональность встречи передается словами «смеются все вокруг».

Несмотря на полное отсутствие информации о жизни Сталина, его характере, чувствах и поступках, его образ представлен на страницах «Чижа» второй половины 30-х годов – в стихотворениях и иллюстрациях. Стихи, как правило, были посвящены не самому вождю, а скорее его присутствию в жизни советского народа. Характерной особенностью изображения Сталина в данном случае можно считать глобальность, масштабность в соединении с задушевностью, отеческой заботой о каждом жителе страны.

Мы пляшем, поем и смеемся сейчас –
Нам радостно жить на земле!
И все потому, что о каждом из нас
Заботится Сталин в Кремле¹³.

Или:

Есть человек за стенами Кремля,
Знает и любит его вся земля,
Радость и счастье твое – от него,
Сталин – великое имя его¹⁴.

Прославляя Сталина, авторы нередко стилизовали стихотворения под фольклор, подчеркивая этим близость власти к народу. Например, в № 11–12 за 1939 г. была опубликована «Украинская народная песня “Ясный месяц”», содержащая такие строки:

Светит месяц, светит ясный,
Разговор заводит.
А ему навстречу звезды
Радостно выходят.
То не звезды вышли в небо,
Это – наши доли.
Вывел их товарищ Сталин,
Вывел из неволи¹⁵.

Интересная особенность изображения Сталина – стремление авторов отдалить вождя от читателя: в большинстве стихотворений Сталин находится не рядом с героями, а где-то далеко – в Кремле, в сказочном пространстве, на трибуне Мавзолея или на портрете.

В конце 30-х годов едва ли было возможно создать сколько-нибудь психологизированный образ Сталина как понятного читателю, дружелюбного человека. Даже попытка ввести его в стихи-колыбельные, призванные убаюкать читателя-ребенка, создать ощущение покоя, была обречена на неудачу:

И с трибуны Мавзолея
Помахав рукой,
Улыбнется всех светлее
Сталин дорогой!
Спи, мой сын, глубоким, чистым
И спокойным сном –
Мчатся красные танкисты
Где-то за окном¹⁶.

«Глубокий, чистый» сон, сопровождающийся светлой улыбкой «дорогого Сталина» под шум танков, которые мчатся «где-то за окном», превращается в своего рода метафору, выражающую ощущение преследования, давления и постоянного страха.

Таким образом, на страницах «Ежа» и «Чижа» образ Сталина раскрывался планомерно и методично, но по яркости, живости, многогранности существенно проигрывал образу Ленина. Более того, Сталин в публикациях этих журналов был представлен статично. Попытки восхваления Сталина (превратившиеся позже в клише) производили впечатление диссонанса, двойственности и откровенной неискренности. Само имя вождя употреблялось в одной-единственной форме – «Сталин», в то время как Ленина в различных текстах называли по-разному: Ильич, Владимир Ильич, Володя Ульянов. Замечание Н. Тумаркина о том, что «если ленинский культ 20-х и напоминал собой сдержанный, хотя и проникно-

Э.А. Суздорф

венный траурный марш, исполняемый на скорбно-торжественных церемониях, культ Сталина сходствовал с непрерывной симфонией в мажоре»¹⁷, точно отражает специфику разработки образов обоих вождей.

«Ёж» и «Чиж», безусловно, развивались в тесной связи с культурной и общественной жизнью, и изменения в политике государства и массовом сознании живо отражались на характере изданий. Правда, в таком важном вопросе, как замещение образа Ленина образом Сталина, «Ёж» и «Чиж» проявили некоторую инертность. В публикациях «Чижа» образ Сталина окончательно утвердился только в самом конце 30-х годов XX в.

Примечания

- 1 *Тумаркин Н.* Ленин жив!: Культ Ленина в Советской России. СПб.: Акад. проект, 1997. С. 203.
- 2 [б.п.] Пакет // *Ёж*. 1929. № 1.
- 3 *Гринберг А.* Ленин // *Ёж*. 1928. № 1. С. 18–23.
- 4 *Я.М.* Восемь лет без Ленина // *Чиж*. 1932. № 1. С. 5–6.
- 5 Три встречи // *Ёж*. 1930. № 2. С. 3.
- 6 *Троцкий М.* Встреча с вождем // *Чиж*. 1940. № 1. С. 1.
- 7 [б.п.] Солнце, Мороз и Ветер // *Чиж*. 1941. № 1. С. 1–3.
- 8 *Тумаркин Н.* Указ. соч. С. 290.
- 9 *Раскова М.* В гостях у Сталина // *Чиж*. 1939. № 5. С. 2–6.
- 10 *Варшавская Л.* Как я познакомилась с товарищем Сталиным // *Чиж*. 1939. № 11–12. С. 1–2.
- 11 *Раскова М.* Указ. соч. С. 3.
- 12 Там же.
- 13 *Чиж*. 1939. № 4. 2-я обложка.
- 14 *Лебедев-Кумач В.* (без названия) // *Чиж*. 1938. № 10. 2-я обложка.
- 15 Ясный месяц: Украинская народная песня // *Чиж*. 1939. № 11–12. С. 8.
- 16 *Ружанский Е.* Колыбельная // *Чиж*. 1939. № 11–12. С. 17.
- 17 *Тумаркин Н.* Указ. соч. С. 225.

И.Н. Агейкина

ЖУРНАЛЬНАЯ РЕЦЕПЦИЯ РОМАНА
В.А. КАВЕРИНА «ДВА КАПИТАНА»

Статья посвящена анализу журнальной рецепции двух томов романа В. Каверина «Два капитана». Реакция критики на роман была неоднозначной. Автор исследует полемику, которая развернулась на страницах советской периодики после появления романа.

Ключевые слова: В.А. Каверин, «Два капитана», журнальная полемика, Сталинская премия.

В истории советской литературы роман В. Каверина «Два капитана» занимает особое место. Его успех в читательской среде был несомненным. При этом роман, казалось бы, соответствовал всем советским идеологическим установкам. Главный герой – Александр Григорьев – сирота, чудом выживший в годы Гражданской войны. Он буквально усыновлен и воспитан советской властью. Именно советская власть дала ему все, позволила реализовать детскую мечту. Бывший беспризорник, детдомовец, стал летчиком. Он мечтает найти следы погибшей в начале Первой мировой войны арктической экспедиции, которую возглавлял капитан Иван Татаринов. Найти, чтобы не только отдать должное памяти ученого, но и решить задачу, почти решенную Татариновым. Задачу поиска новых морских путей. Препятствует Григорьеву брат погибшего – бывший предприниматель Николай Татаринов. Он и погубил капитана Татаринова ради прибыльных поставок и любви к его жене. Затем вполне приспособился к советской власти, прошлое скрыл, даже сделал карьеру педагога. А помогает бывшему предпринимателю аферист Михаил Ромашов, сверстник Григорьева, влюбленный в дочь погибшего капитана – Екатерину. Замуж она выйдет за Григорьева, не изменяющего ни дружбе, ни принципам.

И.Н. Агейкина

Дело жизни русского моряка, служившего Отечеству, а не «царскому режиму», продолжит советский летчик. И добьется победы, несмотря на интриги врагов.

Все, казалось бы, подобрано безупречно. Но роман критики не только хвалили. Были и разгромные отзывы. В данной статье исследуются причины, обусловившие полемику о романе.

1939–1941 гг. Том первый

Изначально жанр новой книги Каверина был определен как повесть. С августа 1938 г. ее печатал ленинградский детский журнал «Костер». Завершилась публикация в марте 1940 г.¹ С января 1939 г. публикацию каверинской повести начал и ленинградский журнал «Литературный современник». Завершилась она тоже в марте 1940 г.²

Первые критические отзывы появились еще до того, как повесть была напечатана полностью. Девятого августа 1939 г. «Ленинградская правда» опубликовала полугодовой обзор материалов «Литературного современника». Автор обзора весьма высоко оценил новую повесть Каверина³.

Мнение это было оспорено в статье «Поближе к своим читателям», опубликованной 11 декабря 1939 г. «Комсомольской правдой». Автор статьи, учительница, была недовольна работой детских журналов «Костер» и «Пионер». Ну а в каверинской повести обнаружила «уродливое, извращенное, неверное изображение школьной среды, учеников и педагогов»⁴.

Такое обвинение – на исходе 1939 г. – было весьма серьезным. Политическим. И виновен был, по мнению автора статьи, не только Каверин. Редакция тоже: «Воспитательное значение этой отменно длинной повести очень сомнительно»⁵.

Каверинские современники легко угадывали возможные последствия. Угадывали, что статья, содержащая политическое обвинение, должна была бы стать первым этапом «проработочной» кампании. Так обычно и начиналось. Вот – «письмо читателя», а вот – и мнение авторитетного критика и т. п. Однако ничего подобного не произошло.

Двадцать шестого декабря «Литературная газета» напечатала статью К. Симонова «О литературе и правилах нового распорядка». Автор был уже в ту пору достаточно влиятелен, подразумевалось, что выражает он мнение руководства Союза писателей. Симонов весьма резко высказался о статье, опубликованной «Комсомольской правдой»:

Отзыв Н. Лихачевой о повести Каверина – не только развязный, но и неумный по своей сути. Дело, конечно, не в отрицательной оценке повести, дело в том, что Н. Лихачева в нескольких строчках попыталась зачеркнуть большой и упорный труд⁶.

Рецензент в «Комсомольской правде», как утверждал Симонов, не понимала специфику художественной литературы. Не понимала, что «писатели пишут книги, а не правила внутреннего распорядка. Литература, безусловно, должна помогать воспитанию детей, она должна пробуждать в них высокие помыслы, жажду подвигов, жажду знаний, – это достаточно большая задача для того, чтобы еще не свалить на плечи литераторов то, что входит в обязанности педагогов»⁷.

Следующие рецензии появились в печати уже после того, как журнальная версия «Двух капитанов» была полностью опубликована и готовилось к печати отдельное издание.

В июне 1940 г. журнал «Литературный современник» опубликовал редакционную статью – «Судьба капитана Григорьева». Редакция признавала, что повесть «не только является, на наш взгляд, лучшим из того, что Каверин написал до сих пор, но и представляет собою весьма своеобразное и интересное явление нашей литературы последних лет...»⁸.

Не забыта была и газетная полемика. Редакция с благодарностью отметила «верную и остроумную статью К. Симонова»⁹. Позиция редакции в данном случае понятна: Симонов защитил не только Каверина, но и сотрудников журнала. Симоновское влияние прослеживается и позже. Так, 27 июля в «Известиях» опубликована статья А. Роскина «Два капитана», где симоновский отзыв хоть и не упомянут, но фрагментами почти цитируется. Симонов, например, писал, что ныне дети редко обращаются к финалу книги, не дочитав ее, а Каверин, возможно, заставил своих читателей пропустить несколько страниц в стремлении поскорее узнать о судьбе героев. Соответственно, Роскин отметил: «Вероятно, многие читатели перескакивали через страницы каверинских книг не из-за досадливого стремления поскорее закончить чтение, а из-за искреннего желания поскорее узнать будущее героев»¹⁰.

Однако Роскин подчеркивал, что к достижениям писателя следует отнести не только увлекательный сюжет. Бесспорное достижение – главный герой. Каверин, по словам критика, создал героя, которому будут подражать советские читатели¹¹.

Единственный серьезный недостаток книги, полагал Роскин, – это сюжетно не вполне обоснованный финал: Каверин «заторопил-

ся в конце романа в суете развязывания всевозможных больших и маленьких фабульных узлов»¹².

К этой оценке присоединились и другие критики. Речь шла о том, что главы, посвященные детству Григорьева, удались писателю лучше прочих¹³. Наиболее отчетливо сформулировал упреки П. Громов. Он указывал, что действие книги рассмотрено в двух планах. С одной стороны, ведется расследование причин гибели капитана Татаринова. А с другой стороны, читатель следит за перипетиями судьбы Григорьева. Однако истории татаринской экспедиции уделено слишком много внимания, потому «Саня Григорьев не завершён как художественный образ, он расплывается как индивидуальность»¹⁴.

Таковы были основные упреки. Не слишком важные – с учетом того, что обвинение политического характера Симоновым было снято. В целом же рецензии, напечатанные после завершения журнальной публикации, были положительными. Критики отмечали, что «Два капитана» – серьезное достижение писателя, сумевшего изжить давние «формалистические» заблуждения. В общем положение вновь радикально изменилось.

Однако именно потому особенно интересны причины, в силу которых появился отзыв, практически запрещающий публикацию каверинской повести.

Примечательно, что Каверин, далеко не всегда относившийся серьезно к оценкам своих книг, помнил о статье в «Комсомольской правде». Почти сорок лет спустя он отметил в автобиографической книге «Эпилог», что «даже “Два капитана” были встречены разгромной статьей – некая учительница с возмущением констатировала, что мой герой Саня Григорьев называет комсомолку душой»¹⁵.

Инвективы, конечно, не только к этому сводились. Каверин лишь подчеркнул их вздорность. Но в данном случае интересен оборот «даже “Два капитана”». Автор, похоже, был уверен: здесь точно не будет нареканий. Придаться вроде бы не к чему. И – ошибся. Вся жизнь свою ошибку помнил. О причинах же рассуждать не стал.

Причины выявляются при анализе политического контекста.

В 1939 г. началась подготовка к награждению писателей орденами. Списки тогда составлялись и руководством Союза писателей, и функционерами Отдела агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). СП и Агитпроп традиционно соперничали. Агитпроп стремился подчинить руководство СП, но так и не сумел. У руководства СП была возможность непосредственно обратиться к И. Сталину. Он далеко не всегда поддерживал Агитпроп. Вопрос о награждении ор-

денами был очень важным. От его решения зависели и повышение гонимых, и льготы, награжденным предоставлявшиеся. Решалось, кому это положено распределять – Агитпропу или руководству СП. Именно здесь выявлялось, кто более влиятелен. У руководства СП были свои креатуры, у Агитпропа, конечно, свои. Так что списки не совпадали.

Каверин вполне мог рассчитывать на орден. И рассчитывал. Надеялся. Дело было не только в тщеславии, хотя орден – знак официального признания. В ту пору «орденоносцев» было не много. Статус «писателя-орденоносца», соответственно, был высок. А главное, орден хотя бы относительную безопасность обеспечивал. «Писатель-орденоносцу» арест без вины и повода грозил тогда в меньшей степени, чем прочим коллегам-литераторам.

Руководство СП всегда благоволило Каверину. В читательской среде он был популярен. И профессионализм его был отмечен еще М. Горьким в начале 20-х годов. При всем том никогда Каверин не претендовал на какие-либо должности, не добивался льгот, не участвовал в писательских интригах. Его кандидатура не должна была вызвать никаких возражений у агитпроповских функционеров.

Превентивный удар, нанесенный «Комсомольской правдой», обуславливал исключение Каверина из наградных списков. Можно допустить, что учительница, пославшая статью в «Комсомольскую правду», действовала по собственной инициативе. Однако публикация статьи не была случайностью. Агитпроп вновь показал, что вопрос о награждении решается не только руководством СП.

На политическое обвинение следовало ответить. Лишь после этого можно было бы рассматривать вопрос о награде. Ответил Симонов. Руководство СП показало, что мнение «Комсомольской правды» не принимает, готово продолжить полемику. Критики поддержали руководство СП. Агитпроп к продолжению был еще не готов. Но выиграл Агитпроп. Выиграл, потому что на опровержение статьи в «Комсомольской правде» время требовалось. А пока шло время, наградные списки были составлены и согласованы. Орден тогда Каверин не получил. Наградили других. В большинстве своем не так известных, опубликовавших гораздо меньше.

1945–1948 гг. Том второй

Каверин продолжал работу. Готовил к изданию второй том «Двух капитанов». Публикацию второго тома в январе 1944 г. начал московский журнал «Октябрь». Завершилась она в декабре¹⁶.

В предисловии к журнальной публикации сообщалось, что одна из главных тем романа – преемственная связь русской и советской истории. Это постоянно акцентировалось: «В стремлении Сани воскресить и высоко поднять полузабытую личность капитана Татаринова таится преемственность великих традиций русской культуры»¹⁷.

Параллельно шла редакционная подготовка романа в издательстве «Детская литература». Книга была подписана к печати 14 апреля 1945 г. Ситуация, казалось бы, складывалась вполне благоприятная. В новом томе Григорьев, воевавший на Крайнем Севере, окончательно решал задачу, поставленную капитаном Татаринвым, а интриганы были окончательно побеждены и посрамлены. Но изменения начались еще до подписания книги к печати.

В мартовском номере журнала «Звезда» опубликован был обзор П. Громова «О литературе военных лет». Второй том «Двух капитанов» там, конечно, отмечен. И оценка оказалась неоднозначной¹⁸.

Первый том романа, по мнению критика, был каверинской удачей. Особенно удался главный герой – летчик Григорьев. Зато второй том не оправдал читательских ожиданий. Автор не справился с задачей. Даже и пренебрег методом социалистического реализма. Если верить Громову, увлекся Каверин авантюрным сюжетом, потому исторически точный герой действует в придуманных, исторически случайных обстоятельствах¹⁹.

Громов соблюдал еще некоторую осторожность в оценках. Это был первый удар. За ним последовал второй, гораздо более сильный. В августовском номере московского журнала «Знамя» была опубликована статья В. Смирновой «Два капитана меняют курс», где оценка второго тома была уже однозначной – отрицательной²⁰.

Смирнова была тогда известна не только в качестве критика. Прежде всего – как детская писательница. Характерно, что в марте 1941 г. читателям журнала «Пионер» она же и рекомендовала каверинскую книгу. Это, по ее словам, был «современный советский роман приключений»²¹.

Четыре года спустя оценка изменилась. Каверинский роман Смирнова противопоставила романам Л. Толстого, которые, по ее словам, перечитывать можно вновь и вновь, тогда как на каверинской книге следовало бы поставить надпись «бойся перечитывать!»²².

Конечно, тут следовало хоть как-то объяснить, почему пятью годами ранее книгу положительно оценивали. Прежние оценки каверинской книги Смирнова объяснила надеждами критиков на рост мастерства автора и дефицитом именно детской литературы²³.

Надежды критиков, по словам Смирновой, оказались напрасными. Росло не мастерство, а честолюбие Каверина. Если верить Смирновой, задумал он сделать летчика Григорьева тем самым героем, «в котором как в зеркале читатель давно уже хочет увидеть себя», тем самым типом, «создание которого есть новейшая и важнейшая задача советской литературы и самая дорогая мечта каждого советского писателя»²⁴.

Вот это, настаивала Смирнова, не удалось Каверину. Не сравниться ему с Толстым. И даже главный каверинский герой не оправдал надежд. Его мальчишеское самолюбие, как утверждала Смирнова, «не выросло в чувство собственного достоинства, в национальную гордость, обязательные для капитана Григорьева, если он претендует быть представителем советской молодежи»²⁵.

Ко всему прочему, Смирнова подчеркивала, что Григорьев, по сути, лишен черт русского национального характера. Зато у него «много злорадства, не свойственного русскому человеку»²⁶.

Это было уже весьма серьезное обвинение. В контексте «патриотических» кампаний военной эпохи – почти что политическое. Ну а вывод формулировался Смирновой без всяких экивоков: «Надежды и желания Каверина не сбылись. “Два капитана” не стали эпопеей советской жизни»²⁷.

Отзыв Смирновой был, пожалуй, самым резким. Другие рецензенты, отмечая, что каверинский роман не лишен недостатков, оценивали его в целом высоко²⁸. Смирнова же отказывала роману в каких бы то ни было достоинствах и выдвигала против автора обвинения, по сути исключавшие положительные оценки. И это было особенно странно, ведь роман был еще в марте выдвинут руководством СП на Сталинскую премию²⁹.

Не знать о выдвижении романа на Сталинскую премию Смирнова не могла. Знали об этом чуть ли не все, кто в СП состоял. Но похоже, что именно выдвижение было причиной, обусловившей появление разгромной статьи.

Речь шла не только о Сталинской премии. Обсуждалась проблема создания истинно советского эпоса, сопоставимого с толстовской эпопеей «Война и мир». Проблема эта, как известно, обсуждалась и в 20-е годы. Факт создания истинно советского эпоса должен был подтвердить, что советское государство не препятствует, а способствует возникновению литературы, не уступающей русской классике. Дежурная шутка тех лет – поиски «красного Льва Толстого». К 30-м годам проблема утратила прежнюю актуальность, но с окончанием войны ситуация вновь изменилась. Решение этой проблемы контролировал лично Сталин. В связи с этим вновь обострилось давнее соперничество Агитпропа и руководства СП³⁰.

Хронологические рамки каверинского романа – от начала Первой мировой войны и почти до окончания Великой Отечественной войны. И объем достаточно солидный – для 1945 г. Разумеется, Каверин не претендовал на статус «красного Льва Толстого», но руководство СП вполне могло отчитаться: работы по созданию истинно советского эпоса ведутся, есть и успехи. А уж Сталинская премия автору популярнейшей книги была фактически обеспечена.

Маловероятно, чтобы руководство СП каким-либо образом планировало утвердить Каверина в статусе «красного Льва Толстого». Но Агитпроп нанес предупреждающий удар. Заодно и показал опять, что вопрос о награждении решается не руководством СП. Отзыв Смирновой, можно сказать, дезавуировал решение, принятое руководством СП. Слишком уж серьезны были обвинения. И роман плох сам по себе, и проблему создания эпоса советской эпохи с этим романом соотносить нельзя, да еще и у главного героя характер нерусский.

Без ответа такие обвинения оставить было нельзя. Касались они не только Каверина. Всех издательских организаций, публиковавших и собиравшихся публиковать каверинский роман, тоже касались. И руководства СП, конечно. Ответом стала опубликованная в ноябрьско-декабрьском номере журнала «Октябрь» статья Е. Усиевич «Саня Григорьев перед педагогическим судом»³¹.

Усиевич, большевик с 1915 г., считалась тогда весьма авторитетным критиком. И техникой закулисных игр не хуже Смирновой владела. Статья Усиевич адресована была не только «массовому читателю». Неявно обращалась она и к Симонову, недавно в редколлегию «Знамени» вошедшему. Заглавие статьи Усиевич не могло не напомнить о статье Симонова, защитившего в 1939 г. Каверина от нападков «классной дамы».

Симонов, конечно, не имел отношения к смирновской статье. Работой журнала, фактически игнорируя главного редактора В. Вишневского, тогда руководил Д. Поликарпов, откровенно лоббировавший агитпроповские интересы. Антисемитские суждения Поликарпова были известны московским журналистам. Похоже, что и высказывания Смирновой об отсутствии черт русского национального характера у каверинского героя инспирированы были если не Поликарповым лично, то с его ведома и одобрения. Литераторам-современникам намек был понятен. Автор романа «Два капитана» – еврей, потому и характер главного героя не мог быть русским. Впрочем, Поликарпов не только свое мнение выражал. Политика государственно-антисемитизма становилась все более откровенной³².

О Симонове, конечно, Усиевич не упоминала. Но со Смирновой полемизировала в симоновской манере. Подчеркивала, что ре-

цензия Смирновой составлена «из отдельных попреков. Некоторые из них совсем ничем не обоснованы, а вместе взятые, они не имеют ничего общего друг с другом, кроме общей цели – опорочить роман “Два капитана”»³³.

Усиевич опровергала одну за другой все инвективы Смирновой. Правда, вопрос о том, можно ли считать роман советским эпосом, аккуратно обошла. Тут и не было нужды спорить. Отметила Усиевич и то, что в романе есть недостатки. Но подчеркнула, что сказанное о недостатках «могло бы служить предметом обсуждения и спора, к которым не имеют никакого отношения грубая брань и ехидные намеки против превосходной книги В. Смирновой»³⁴.

Статья Усиевич, как в свое время статья Симонова, демонстрировала готовность руководства СП борьбу продолжать. На этот раз Агитпроп уступил – отчасти. Сталинскую премию Каверин получил. Второй степени, но получил. И роман уже официально был признан советской классикой³⁵.

Примечания

- 1 *Каверин В.* Два капитана // Костер. 1938. № 8–12; 1939. № 1–2, 4–6, 9–12; 1940. № 2–3.
- 2 *Каверин В.* Два капитана // Литературный современник. 1939. № 1–3, 5–9, 12; 1940. № 2–3.
- 3 *Жданов Н.* «Литературный современник» (№ 1–6, 1939 г.) // Ленинградская правда. 1939. 9 авг.
- 4 *Лихачева Н.* Поближе к своим читателям // Комсомольская правда. 1939. 11 дек.
- 5 Там же.
- 6 *Симонов К.* О литературе и правилах нового распорядка // Литературная газета. 1939. 26 дек.
- 7 Там же.
- 8 Судьба капитана Григорьева // Литературный современник. 1940. № 5–6. С. 225–226.
- 9 Там же.
- 10 *Роскин А.* «Два капитана» // Известия. 1940. 27 июля.
- 11 Там же.
- 12 Там же.
- 13 См., напр.: *Гринберг И.* «Два капитана» // Литературное обозрение. 1940. № 15. С. 9–12; *Громов П.* Два романа В. Каверина // Ленинград. 1940. № 17–18. С. 32; *Рукин Б.* Фабула и герой // Литературная газета. 1940. 15 сент.
- 14 См.: *Громов П.* Указ. соч. С. 32.

И.Н. Агейкина

- 15 *Каверин В.А.* Эпилог. М.: Вагриус, 2006. С. 232.
- 16 *Каверин В.А.* Два капитана // Октябрь. 1944. № 1–2, 7–8, 11–12.
- 17 Там же. № 1–2. С. 44.
- 18 *Громов П.* О литературе военных лет // Звезда. 1945. № 3. С. 131–132.
- 19 Там же. С. 132.
- 20 *Смирнова В.* Два капитана меняют курс // Знамя. 1945. № 8. С. 167–174.
- 21 *Смирнова В.* «Два капитана» // Пионер. 1941. № 3. С. 93–94.
- 22 *Смирнова В.* Два капитана меняют курс. С. 171.
- 23 Там же. С. 169.
- 24 Там же. С. 170.
- 25 Там же. С. 172.
- 26 Там же. С. 173.
- 27 Там же.
- 28 См., напр.: *Соловьев Б.* Романтика мужества // Новый мир. 1945. № 8. С. 109; *Гринберг И.* Сюжет, герои, время: Заметки о романе В. Каверина «Два капитана» // Литературная газета. 1945. 25 авг.
- 29 РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 24.
- 30 *Бар-Селла З.* Литературный котлован: проект «Писатель Шолохов». М.: РГГУ, 2005. С. 72–73, 226–229, 236. Ср.: Докладная записка заместителя начальника управления пропаганды и агитации ВКП(б) А.М. Егорова секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову о положении в литературе // Власть и художественная интеллигенция: Док. ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953. М.: Международный фонд «Демократия», 2002. С. 535–536.
- 31 *Усевич Е.* Саня Григорьев перед педагогическим судом // Октябрь. 1945. № 11–12. С. 357–359.
- 32 См., напр.: *Громова Н.* Распад: Судьба советского критика в 40–50-е годы. М.: ЭллисЛак, 2009. С. 18–43.
- 33 См.: *Усевич Е.* Указ. соч. С. 359.
- 34 Там же.
- 35 См., напр.: *Громов И.* Роман о герое наших дней // Звезда. 1946. № 6. С. 144–146; *Левин Л.* Современная тема в советской прозе 1946 года // Звезда. 1946. № 6. С. 190; *Трифонов Т.* Путь к современному герою // Вечерний Ленинград. 1948. 6 февр.; *Соловьев Б.* Облик современника // Звезда. 1948. № 10. С. 194–198; *Костелянц Б.* Живое единство // Звезда. 1954. № 11. С. 160–162.

Е.Н. Басовская

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ
В СОВЕТСКОЙ ПРЕССЕ
(вторая половина 1940 – начало 1950-х годов)

В статье анализируется советский вариант лингвистического пуризма, достигший высшей точки развития в период позднего сталинизма. На материале таких массовых изданий, как «Правда», «Литературная газета», «Культура и жизнь», автор изучает политико-идеологическую мотивацию защитников русского языка от иностранных слов, просторечия, провинциализмов и архаизмов. Рассматриваются также причины официального неприятия самого термина «пуризм» применительно к борьбе за культуру речи.

Ключевые слова: пуризм, культура речи, заимствованная лексика, терминология, архаизмы, провинциализмы.

Вторая половина 40 – начало 50-х годов – период отечественной истории, вошедший в учебники и как время послевоенного восстановления, и как годы, ознаменовавшие новую волной политических репрессий, появлением «железного занавеса» и борьбой с космополитизмом. В данной статье предлагается еще один ракурс рассмотрения периода позднего сталинизма. Именно тогда достиг высшей точки развития советский лингвистический пуризм, не принимавший, впрочем, такого наименования и, напротив, решительно от него отрекавшийся. Анализ публикаций массовой прессы позволяет проследить быстрое развитие явления, самым точным обозначением которого остается термин «пуризм».

Сегодня пуризм рассматривается специалистами как стремление языкового коллектива «уберечь язык (или избавить его) от предполагаемых иностранных или других нежелательных элементов <...>»¹. Для пуризма характерны предельная субъективность и ненаучность: энергичными защитниками «чистоты языка» редко

становятся лингвисты – эта деятельность чаще привлекает тех, кто вообще не имеет филологического образования². При этом пуристы высказываются с позиций некоего высшего знания о языке и весьма категорично оценивают протекающие в нем процессы как желательные или нежелательные.

В российской традиции термин «пуризм» приобрел выраженно негативный характер. Уже в начале XIX в. объектом постоянных насмешек стали пуристские взгляды А.С. Шишкова. В соответствии с официальной версией, принятой в советской науке, «пуристами были в 30–50-х гг. 19 в. Ф.В. Булгарин и Н.И. Греч, а также М.П. Погодин и другие сотрудники “Москвитянина”, упорно борющиеся с языковыми формами, присущими новой, реалистической литературе и передовой публицистике»³.

Одним из парадоксов российского, а позже и советского общественного сознания можно назвать решительное неприятие пуризма в сочетании с одобрением борьбы за «чистоту языка». По словам Ю.С. Сорокина, пуризм «противопоставляется разумной борьбе за чистоту языка, культуру речи <...> против нарушения ее основных норм, борьбе, необходимой на всех этапах развития литературного языка»⁴.

Уже в первые годы советской власти пресса начала энергично пропагандировать правильную речь, свободную от просторечия, провинциализмов и жаргонизмов. Не одобрялось и увлечение иностранными словами. Важную роль в утверждении образа «хорошего» языка как очищенного от сорных элементов сыграла публикация заметки В.И. Ленина и ряда статей М. Горького⁵. При этом слово «пуризм» оставалось в числе безусловных негативизмов.

В послевоенный период вопросы культуры речи обрели новое идеологическое наполнение. Чувство национальной гордости, вызванное победой над фашистской Германией, освободительный поход советской армии по Европе, давший тысячам людей новое представление о Западе, – все это вызвало обоснованную тревогу сталинского руководства и потребовало безотлагательных мер, направленных на подавление опасных тенденций в духовной сфере. На решение этой задачи были направлены идеологические кампании конца 40 – начала 50-х годов, включавшие в себя пропаганду величия русского народа, приоритета русской науки и искусства. Прежний стереотип – «пролетарский интернационализм» – сменялся недеklarированным советско-имперским национализмом.

Власть приступила к формированию новой картины мира, в соответствии с которой недавние союзники по антигитлеровской ко-

алиции превратились во врагов, а СССР вновь оказался в изоляции. Исследователь сталинской пропагандистской машины А.В. Фатеев отмечает: «“Образ врага” стал средством внедрения в общественное сознание идей “советского патриотизма” <...> Все негативные явления, с точки зрения организаторов кампании, были результатом влияния Запада»⁶.

В системе официальной пропаганды язык постепенно превращался из средства борьбы за мировую революцию в одну из важнейших составляющих понятия «нация», а совершенное владение им интерпретировалось прежде всего как проявление патриотизма. Во второй половине 40-х годов вопросы культуры речи приобрели откровенно политический характер, став частью большой идеологической кампании – борьбы с космополитизмом. Духу новой имперской, националистической, изоляционистской политики глубоко соответствовал призыв к очищению русского языка от всего внешнего, чуждого и, следовательно, враждебного.

Филологи-русисты были обязаны прославлять величие русского языка и клеймить тех, кто недостаточно ценит и бережет его. Наука, просвещение и средства массовой информации начали кампанию, направленную на спасение языка от опасных «сорняков».

Как и в других случаях, тему и тональность идеологической кампании определила газета «Правда». В 1946 г. критика мелких стилистических недостатков, типичных для местной печати, завершилась на ее страницах декларацией мировоззренческого характера: «Русский язык велик, могуч, гибок и живописен. Надо умело, бережно и любовно пользоваться его несметными богатствами. Нет никакой нужды прибегать к аляповатым выдумкам и словесным выкрутасам, которые лишь обесцвечивают, уродуют и засоряют живой язык» [П. 1946. № 123. С. 3].

В 1947 г. в «Литературной газете» появилась рецензия Б. Агапова и К. Зелинского на книгу В.В. Виноградова «Русский язык. Грамматическое учение о слове» под характерным заголовком «Нет, это – не русский язык!». Автора книги обвиняли в поклонении перед всем иностранным и умалении русской культуры. В качестве доказательства приводились лингвистические термины иностранного происхождения, такие как *номинация* и *семантика*. Рецензенты настаивали на том, чтобы филология стала наукой для народа, а не для «аристократов духа», беседующих между собой на непонятном языке [ЛГ. 1947. № 59. С. 3]. Звучавшие с середины 30-х годов призывы к простоте оказались теперь распространены и на научный стиль литературного языка, который по самой своей природе не должен быть общедоступным. Можно рассматривать это как одно из проявлений характерного для пуризма торжества общего принципа над здравым смыслом.

Особенно настойчиво требовали «чистоты языка» от составителей словарей и от специалистов по терминологии. Так, в статье А. Добрянского «Сорняки низкопоклонства» указывалось, что авторы технических книг и переводчики научных текстов должны способствовать развитию научного стиля «сообразно с правилами русского языкосложения, оберегать его от неумеренного введения иностранных терминов и наименований» [ЛГ. 1948. № 94. С. 2]. Под тем же названием была опубликована беседа с председателем комитета технической терминологии АН СССР академиком А.М. Терпигоревым, утверждавшим, что для развития русского научного словаря языковеды должны изучать живую речь заводов и фабрик, а писатели – помогать ученым в словообразовании [ЛГ. 1948. № 100. С. 2].

В борьбе за «чистоту» русского языка в целом и научной речи в частности активно участвовала и начавшая выходить в 1946 г. газета «Культура и жизнь». Например, в ней жестко критиковалось предисловие профессора М.Д. Эйхенгольца к собранию сочинений Г. Флопера: ученый позволил себе использовать непонятные массовому читателю иностранные слова *эрудит, мифологизировать, пейзаж, тенденция, гротескный, перипетии, экспозиция* и другие [КиЖ. 1948. № 15. С. 3].

Летом 1950 г. «Культура и жизнь» напечатала отзыв Н. Родионова о вышедшем в 1949 г. «Словаре русского языка» С.И. Ожегова [КиЖ. 1950. № 16. С. 4]. Словарь был объявлен недостаточно современным, не отражающим изменений, которые произошли в русском языке при социализме. Составителя упрекали в том, что он не включил в словарь такие приметы новой жизни, как *агитпункт, военком, политрук, физкультура*. Недостатком словаря было сочтено и то, что в нем нашли отражение термины религиозного культа, а также местные, профессиональные и жаргонные слова.

Газета «Культура и жизнь» имела статус официальной партийной трибуны, и на ее критику следовало реагировать конкретными действиями. Поэтому в течение следующих полутора лет С.И. Ожегов занимался доработкой словаря, который в 1952 г. вышел вторым изданием, исправленным и дополненным. Как отмечал автор словаря, при работе над вторым изданием он «воспользовался критическими замечаниями, высказанными по поводу первого издания как в рецензиях советской печати и печати стран народной демократии, так и в письмах многочисленных корреспондентов»⁷.

Составитель включил в словарь лексемы *агитпункт, взаимосвязь, военком, политрук и физкультура*; добавил русское слово *призыв*, не отказавшись, правда, от «иноземного» синонима *лозунг*; дополнил словник существительным *продавец*, а прежнее *торговка*

снабдил пометой «устар.»; исключил «далекие от современности» слова *архипастырь*, *амикошонство*, *декокт*, нелитературные *холява* (орфография оригинала. – *Евг. Б.*) и *ржище*, «ненужные иностранные» *антиципация*, *диатонический*, *эгрет*, *экзерциции*. Сохраненные, несмотря на замечания рецензента, слова получили ограничительные пометы, например: *глядь* (разг.), *вишь* (прост.), *натореть* (прост.), *аббревиатура* (книжн.), *бекар* (спец.), *диакритический* (спец.). В целом история переработки «Словаря русского языка» С.И. Ожегова свидетельствует о характерном для 40–50-х годов официальном понимании «хорошего», «правильного», «чистого» языка как языка политизированного, отражающего коммунистическую идеологию.

Эта мысль внятно выражена в статье А. Караваевой «Животворное слово» [ЛГ. 1950. № 62. С. 3], напечатанной в рамках обсуждения работы И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Основной пафос публикации Караваевой – восславление русского языка, который достиг колоссального прогресса при социализме, и недостижимых образцов «строгой чистоты, яркой и разящей точности, сжатости, простоты и ясности», продемонстрированных в трудах Ленина и Сталина. Знаменательно, что в ряду безупречных примеров не были названы даже тексты Пушкина и Горького – публицистический стиль партийных лидеров объявлялся единственным, универсальным образцом для подражания. Борьба за культуру речи оборачивалась, таким образом, борьбой за ясное и доходчивое высказывание общественно-политического содержания. Все прочее (научная терминология, художественная образность и тем более раскованность разговорной речи) рассматривалось как ряд «засоряющих» язык факторов.

Было бы упрощением утверждать, что другие мнения вовсе не представлены на страницах советских газет начала 50-х годов. Партийное руководство всегда заботилось о том, чтобы придать идеологической кампании внешний характер свободной дискуссии. Это было важно не столько для формального соблюдения демократических норм, сколько для обеспечения привычных советскому сознанию условий противостояния опасному врагу. При обсуждении любого вопроса находились носители ошибочной, «не нашей», а следовательно, вредной, буржуазной точки зрения. Их подвергали сокрушительной критике, демонстрируя читателю, сколь опасно отступать от партийной линии.

Показательный пример периода позднего сталинизма – обсуждение статьи А.К. Югова «Заметки о языке» [ЛГ. 1951. № 15. С. 2–3]. Писатель в резкой форме осудил действия редакторов, которые допускают «маниакальную травлю исконных речений и оборотов рус-

ского языка то под кличкою “архаизмов” и “славянизмов”, то под кличкою “провинциализмов”». По мысли Югова, язык един, его развитие поступательно, то, что им накоплено за столетия, есть его богатство – и нельзя пытаться улучшить этот сложный живой организм путем строгих запретов. Например, «блюстителю нравов и “чистоты” языка обрушивались на Маяковского <...> не ведая, что Маяковский <...> глубоко народен». А.К. Югов призывал не путать океан народного языка со своей «языковой ванночкой».

Менее чем через месяц на статью Югова, напечатанную, как подчеркивала редакция, «в порядке обсуждения», ответил критик Ан. Тарасенков. Незадолго до этого он сам заявлял в газете «Правда»: «Борьба за чистоту русского языка – это великая задача, являющаяся составной частью борьбы за метод социалистического реализма. Ни формалистские выверты, ни словесные изобретательства, ни натуралистическое копирование грубостей языка, ни примитивные штампы, ни нелепые сокращения, “сорняки” языка не могут культивироваться в советской литературе» [П. 1950. № 251. С. 2–3].

Закономерно, что идеи Югова оказались для Тарасенкова решительно неприемлемыми. По его словам, прозаик, позволяющий себе защищать устаревшие и нелитературные местные слова, не понимает природы языковой эволюции и допускает опасные немарксистские высказывания. Как утверждает Тарасенков, Югов проповедует «языковой произвол и своеволие», исходит из приоритета творческой личности, в то время как должен думать об интересах массового читателя: «Советский писатель обращается к массам <...> он пишет не для кружка ценителей прелестей Остромирова Евангелия, а для тех людей, для которых их язык есть средство борьбы за мир во всем мире, средство борьбы за построение коммунизма <...> Сводить дело только к исторической грамматике – значит отказываться от управления языком, значит отдаться на полную волю авторского произвола. Значит прийти к проповеди *анархизма* в языке» [ЛГ. 1951. № 24. С. 2].

Вскоре позицию борцов за «чистоту» языка поддержали трудящиеся: в апреле 1951 г. «Литературная газета» опубликовала подборку их писем. В высказываниях «людей из народа» вновь прозвучали призывы не на жизнь, а на смерть бороться с языковым мусором и добиваться общедоступности любых текстов [ЛГ. 1951. № 43. С. 3].

В октябре 1951 г. «Литературная газета» подвела итоги дискуссии. В редакционной статье отмечалось, что употребление архаизмов и диалектизмов может быть целесообразно в ряде конкретных случаев. Но при этом однозначно указывалось: каждое слово в тек-

сте должно быть общепонятным; «красивость» и «олитературенность» вреднее и опаснее, чем вульгарность.

Очевидно, что советская пресса начала 50-х годов нередко выступала с позиций крайнего пуризма, объявляя «сорняками» множество разнородных лингвистических явлений и настаивая на предельной нивелировке литературного языка. Тем не менее на уровне заявлений пуризм всегда осуждался, а его представители подвергались жесткой и, что особенно существенно, политизированной критике.

В этом отношении характерно очередное обращение «Литературной газеты» к драматической судьбе глагола *довлеть*, значение которого оказалось искажено в разговорной речи. В конце 30-х читатели настаивали на том, что воля языкового коллектива – закон, ученые не могут диктовать народу, какой смысл придавать тем или иным словам, а следовательно, употребление слова *довлеть* в значении «господствовать, тяготеть» должно перестать считаться ошибочным⁸.

Дискуссия возобновилась в 1951 г., когда писатель Ф.В. Гладков в письме в редакцию повторил академическую информацию об исконном значении слова. Встречающиеся в прессе формулировки, такие как «страх довлечет над реакционерами Америки», автор письма назвал абракадаброй [ЛГ. 1951. № 121. С. 3]. Позиция Гладкова, не имевшая политического подтекста и не связанная с идеей величия русского языка, была максимально удобной мишенью для официальной критики чуждого советской культуре пуризма.

Дав слово «пуристу», газета вскоре напечатала материал, в котором его взгляды объявлялись неправильными. В большой статье «О культуре речи и неправильном словоупотреблении» академика В.В. Виноградова, возглавившего к этому времени Институт языкознания АН СССР, упоминалось и о глаголе *довлеть*. Ученый решительно не соглашался с Ф.В. Гладковым и предлагал признать, что слово объективно приобрело новое значение. По мысли В.В. Виноградова, «нельзя закрывать глаза на то, что такое словоупотребление в языке современной советской литературы распространяется все шире и большие знатоки современного русского языка не брезгают им» [ЛГ. 1951. № 146. С. 2–3].

Одно из неотъемлемых свойств пуризма – высокая эмоциональность выступлений, формирование у аудитории представления о том, что языку угрожает серьезная опасность. Все это точно соответствовало духу пропаганды периода позднего сталинизма, культивировавшей в общественном сознании образ советской страны, окруженной врагами. Весной 1952 г. «Культура и жизнь» помести-

ла на первой полосе редакционную статью «За чистоту родного языка» [КиЖ. 1952. № 55. С. 1]. Интересно, что данная публикация, касавшаяся почти исключительно технической терминологии, получила столь патетическое название. Газета не только знакомила читателей с достижениями в области нормализации терминологии и замены иностранных терминов русскими, но и всем стилем, тоном материала передавала читателям взволнованное отношение к языку, порождала тревогу за его судьбу.

Менее чем через месяц на страницах той же газеты известный предельной политизированностью суждений критик К. Зелинский опубликовал подробный стилистический разбор романа А.А. Фадеева «Молодая гвардия» [КиЖ. 1952. № 3]. Положительно оценив роман в целом, Зелинский предъявил ему немало частных претензий, среди которых были такие: излишнее число славянизмов, злоупотребление диалектизмами и украинизмами, избыток необщепонятной шахтерской терминологии. Эти утверждения смыкались с заявленной несколько ранее «Литературной газетой» официальной позицией в отношении языка художественной литературы: приоритет широкой доступности несомненен; такие задачи, как стилизация, речевая характеристика персонажа, не оправдывают сложности языка для «простого» читателя. Показательно, что пуристы, сами того не замечая, доходили в своих рассуждениях до абсурда: они объявляли неправильным и политически чуждым не только насыщенный иностранными терминами научный стиль, но и язык того самого простого народа, именем которого всегда действовала советская власть.

Рисуя образ русского языка как постоянного объекта агрессии и насилия, нуждающегося в неусыпной заботе, советская пресса актуализировала образ врага. В начале 50-х им впервые стал английский язык – символ англо-американского империализма. «Культура и жизнь» в материалах, помещенных на первой полосе, говорила о том, как страдают от лингвистической «оккупации» Франция и Голландия [КиЖ. 1952. № 75. С. 1]. Их судьба должна была послужить предостережением советскому народу, продемонстрировать необходимость защищать русский язык.

Пафос, связанный с мифической опасностью для русского языка, исходившей буквально отовсюду, постоянно нарастал. Даже фельетоны, в которых высмеивались ошибки, допускаявшиеся журналистами в местной прессе, не обходились без патетических лозунгов: «Прямая обязанность работников наших газет – бороться за чистоту родного языка» [КиЖ. 1952. № 142. С. 2]. Язык все чаще именовался не русским, а родным, то есть выбиралась более эмоциональная, позитивно оценочная формулировка.

В целом неспециализированная пресса конца 40 – начала 50-х годов активно использовала вопросы культуры речи для пропаганды русского патриотизма (переходящего в шовинизм) и возбуждения у читателей неприязненно-настороженного отношения ко всему иностранному, а также для демонстрации демократического характера советской культуры, в которой решающую роль неизменно играет мнение широких масс.

В эти годы публикации и обязательное последующее опровержение сторонников жестких языковых норм служили и еще одной цели, которая никогда не декларировалась, но, безусловно, преследовалась властью, – дискредитации интеллигенции, якобы всегда оторванной от народа, не знающей и не понимающей его нужд. Газета «поправляла» писателя, дерзнувшего «поправить» сам народ, который своей волей изменил значение многострадального глагола «довлеть». При этом в результате сложной словесной эквилибристики получалось, что истинные защитники «чистоты языка» – это не те, кто ратует за строгую норму, а те, кто прислушивается к народной речи.

Достигнув высшей точки развития, став частью государственной идеологии, советский лингвистический пуризм так и не получил точного наименования, скрываясь под маской борьбы за «чистоту», «простоту» и «народность» языка. Практическая же деятельность ревнителей «чистоты языка» не дала никаких реальных результатов, как и усилия их предшественников. Советским пуристам, как и любым другим, не удалось оказать сколько-нибудь заметного влияния на развитие языка.

Примечания

- ¹ *Thomas G.* Linguistic Purism. London; New York, 1991. Цит. по: *Кашикова М.Е.* К определению языкового пуризма // Германские языки. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. С. 64.
- ² *Кашикова М.Е.* Указ. соч. С. 63–64.
- ³ *Сорокин Ю.С.* Пуризм // Краткая литературная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1971. Т. 6. С. 83–84.
- ⁴ Там же.
- ⁵ См.: *Ленин В.И.* Об очистке русского языка // Правда. 1924. № 275. С. 1; *Горький М.* Открытое письмо А.С. Серафимовичу // Литературная газета. 1934. № 17. С. 1; *Горький М.* О языке // Литературная газета. 1934. № 33. С. 1.
- ⁶ *Фатеев А.В.* Образ врага в советской пропаганде, 1945–1954 гг. М.: ИРИ РАН, 1999. С. 67.

Е.Н. Басовская

- ⁷ *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1952. С. 3.
- ⁸ Подробнее об этом см.: *Басовская Е.Н.* Ошибки-старожилы: «борьба за чистоту языка» в исторической перспективе // *Язык и культура в России: состояние и эволюционные процессы: Материалы международной научной конференции.* Самара: Изд-во Самарского гос. ун-та, 2007. С. 93–99.

Е.В. Бродская

СПЕКТАКЛЬ Ю.П. ЛЮБИМОВА «ГАМЛЕТ» В СОВЕТСКОЙ ПРЕССЕ НАЧАЛА 1970-х годов

В статье речь идет о рецепции спектакля «Гамлет» (1971) в постановке Ю.П. Любимова в советской журналистике начала 70-х годов. Анализируются статьи в «Литературной газете», газетах «Советская культура», «Комсомольская правда», «Труд», а также в журнале «Театр». Делается вывод о том, что этот спектакль вызывал у зрителей и читателей иллюзию оппозиционности советской власти.

Ключевые слова: советская пресса, рецепция, «Гамлет», Ю.П. Любимов, К.С. Станиславский, В.С. Высоцкий, В.Н. Смехов.

Девятнадцатого ноября 1971 г. в Театре драмы и комедии на Таганке состоялась премьера спектакля «Гамлет» по пьесе У. Шекспира; режиссером-постановщиком спектакля был Ю.П. Любимов. Как известно, роль Гамлета в этом спектакле играл В.С. Высоцкий.

К 1971 г. Высоцкий был уже всенародно известным актером, создавшим на сцене Театра на Таганке запоминающиеся образы в спектаклях: «Добрый человек из Сезуана» (1964), «Герой нашего времени» (1964), «Антимиры» (1964), «Десять дней, которые потрясли мир» (1965), «Павшие и живые» (1965), «Жизнь Галилея» (1966), «Послушайте!» (1967), «Пугачёв» (1967), «Мать» (1969). В «Жизни Галилея» Высоцкий сыграл главную роль, в нескольких спектаклях прозвучали его песни. Но роль Гамлета стала для актера поистине звездной.

В культурной памяти советского, да и постсоветского общества этот спектакль стал легендарным – и потому весьма любопытно посмотреть, как советская пресса реагировала на спектакль сразу после его выхода.

У спектакля была сложная судьба. С одной стороны, предстояло конкурировать со знаменитым фильмом Г.М. Козинцева «Гамлет», вышедшим на экраны в 1964 г. и завоевавшим не только признание отечественного зрителя, но и многочисленные призы на отечественных и международных кинофестивалях.

Любимов во многом шел вослед Козинцеву: в основу обоих постановок был положен перевод трагедии, сделанный Б.Л. Пастернаком. Личность Пастернака придавала постановке определенные аллюзии на современность. Пиетет, который питала интеллигенция к Пастернаку, диктовал особенное отношение к его версии «Гамлета». Очень важна для зрителя была и тема противостояния власти и поэта, которая достигла своего апогея в 1958 г., после присуждения Пастернаку Нобелевской премии по литературе и последовавшего за этим скандала.

Таким образом, само обращение к переводу Пастернака придавало спектаклю некую злободневность. «Современному» прочтению «Гамлета» способствовала и игра актеров: они были одеты в свитера и джинсы, а Высоцкий выходил на сцену с гитарой – для советского зрителя это было необычно.

С другой стороны, предстояло добиться согласия на постановку со стороны партийного и советского начальства. Это было тем труднее, что за три года до выхода «Гамлета» министр культуры Е.А. Фурцева и секретарь ЦК КПСС П.Н. Демичев запретили спектакль «Живой» по повести Б.А. Можая, в 1970 г. уже после премьеры был запрещен спектакль «Берегите ваши лица».

Обсуждение спектакля состоялось в Главном управлении культуры Исполкома Моссовета 22 ноября 1971 г., сразу после премьеры¹. На нем присутствовали представители трех инстанций: управления культуры Исполкома Моссовета, Министерства культуры РСФСР и Министерства культуры СССР, а также главный режиссер Таганки Ю.П. Любимов и шекспировед, председатель Шекспировской комиссии АН СССР А.А. Аникст. Безусловный авторитет в шекспироведении, он обеспечил общий положительный исход обсуждения.

По таганковским меркам дискуссия прошла довольно гладко. Однако были и серьезные замечания. В частности, чиновникам не понравился Высоцкий в роли Гамлета. Любимов вспоминал:

И они подмахнули, но потом начали говорить: «Какой Высоцкий Гамлет? Какой он принц?» Я говорю: «Ну, вам виднее, вы же все время с принцами и с королями, а я не знаю». – «А он хрипатый». Но все-таки Высоцкого я отбил, сказал, с другим не буду².

Спектакль Ю.П. Любимова «Гамлет» в советской прессе начала 1970-х годов

Сразу после премьеры спектакля появляется заметка в газете «Советская Россия»³. Затем в течение двух месяцев выходят четыре благожелательные рецензии на таганковскую постановку⁴. Все четыре рецензента говорят о спектакле «Гамлет» как о большой и серьезной удаче Театра на Таганке. Ситуация была довольно необычной: подобные похвалы в адрес полуоппозиционного театра были редкостью. Кроме того, две рецензии из четырех принадлежали перу маститых шекспиристов – А.А. Аникста и А.В. Бартошевича.

Эти рецензии подчеркивают то, что как раз и составляло основу спектакля: шекспировский «Гамлет» в постановке Любимова оказался созвучен современности. Бартошевич, в частности, утверждал:

При всей своей привычной новизне спектакль Ю. Любимова крепко связан с тем, что происходит в театральной шекспириане последних лет. Мировой театр решительно повернулся от романтически выстроенного толкования Шекспира к Шекспиру реалисту, художнику. <...> Освобождая поэзию «Гамлета» от романтических покровов, спектакль Ю. Любимова открывает взору живую плоть трагедии⁵.

«Освобождение от романтических покровов» и Бартошевич, и другие рецензенты увидели, в частности, в трактовке образа Клавдия:

Король, каким увидел его режиссер, вовсе не похож на трагического Клавдия – злодея и сладострастника. *У этого Клавдия сухое лицо, трезвый, практичный ум, трудная работа* (здесь и далее курсив мой. – Е. Б.). Он мало, чем выделяется из толпы придворных, он один из них. *Не тот – король, так этот*⁶.

Описание отсылало читателя к советским лидерам той эпохи, лишенным ярких личностных черт, воплощающим в себе нечто серое и незаметное. Как «нечто неопределенное» характеризовал Клавдия и В. Силюнас: «В. Смехов, блиставший в “Часе пик” филигранной отточенностью мастерства, играет *нечто совершенно неопределенное*»⁷.

Сходным образом описывает ситуацию и А. Щербаков:

Король Клавдий В. Смехова молод, циничен, деловит и вовсе не глуп – он *вполне отдаст себе отчет в том, что незачем, придя к власти, резко ломать внешние формы и ритуалы жизни*. Нет, ритуалы, формы остались прежними, и на троне прежняя королева,

Е.В. Бродская

которая – все это знают – была предана Гамлету – отцу, благородному мудрому королю и, стало быть, *нашла в Клавдии некое его подобие* <...> «Век вывихнут, век расшатался, распалась связь времен» – эти слова произносит в спектакле не только Гамлет, но и Полоний, и Клавдий. Последний, к примеру, преисполнен решимости вправить веку суставы, *заставить его ходить по струнке и делает это по своему разумению*⁸.

Продолжая разговор о Клавдии, Бартошевич приходит к выводу:

Клавдию не доставляет никакого удовольствия выслеживать и отравлять. «Шпионы поневоле, мы спрячемся вблизи с ее отцом». Клавдий-Смехов произносит «шпионы поневоле» тоном извиняющимся, с некоторой даже иронией над собой – неприятно, дескать, но ничего не поделаешь, надо. *Он убийца не по призванию, а по долгу службы. Гамлета приходится уничтожить в интересах дела*⁹.

Данная фраза напрямую связана с памятью поколения, чьи отцы прошли через ужасы сталинских лагерей.

Есть в рецензии Бартошевича еще одна интересная фраза о Клавдии: «У этого Клавдия сухое лицо, трезвый, практичный ум, трудная работа». Ритмически эта фраза соответствует знаменитому высказыванию Ф.Э. Дзержинского о том, каким должен быть идеальный чекист: «Чекистом может быть лишь человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками».

При анализе театральных рецензий начала 70-х годов можно сделать вывод о том, что «эзопов язык» хвалебных рецензий был понятен и защитникам «устоев». После отзывов Бартошевича и Аникста, признанных специалистов-шекспироведов, критиковать «Гамлета» стало затруднительно. И пресса просто избегает разговоров о таганковском «Гамлете». Так, например, в профессиональном журнале «Театр» рецензии на таганковскую постановку так и не появилось. Но при этом в 1972 г. «Театр» трижды обращается к постановкам «Гамлета» в других театрах¹⁰. По сути, рецензенты «Театра» вступали в заочный спор со спектаклем Таганки, настойчиво варьируя мысль: «Как бы мы ни приближали Гамлета к сегодняшнему дню, он, оставаясь героем пьесы Шекспира, выражает дух исканий эпохи Возрождения»¹¹. Однако, проявляя определенную «цеховую» солидарность, рецензенты старались не подставлять театр в глазах власти. Они «просто» восстанавливали историю гамлетовских постановок.

Спектакль Ю.П. Любимова «Гамлет» в советской прессе начала 1970-х годов

В подтверждение своей точки зрения рецензенты «Театра» обращались к авторитету К.С. Станиславского. В рассуждениях о том, каким видел Гамлета Станиславский, возникает внутренняя полемика с постановкой Любимова:

Задача сценического воплощения Шекспира прежде всего состоит в том, чтобы выразить гениальную простоту поистине народного писателя. В этой задаче Станиславский и Немирович-Данченко остались единомышленными до конца жизни. В 1940 году, приступая к постановке Гамлета, Немирович-Данченко писал: «Для нас главное заключается в том, чтобы найти большое, яркое поэтическое воплощение этой простоты». С возмущением пишет Станиславский, что европейский театр последнего века сделал Шекспира непонятным для простой публики из-за разных надуманных традиций и правил. Шекспир должен затронуть души самого широкого зрителя. Вот первое аксиоматическое положение Станиславского¹².

Шекспир, считали авторы «Театра», вообще не нуждается в экспериментах, потому что «Гамлет» – это вечная классика: «Очистить театр от натурализма – эта задача стояла перед Станиславским»¹³.

Конечно, постановка «Гамлета» Театром на Таганке была новаторской, ориентированной на современность. Однако степень оппозиционности этой постановки не стоит преувеличивать. Если бы чиновники, от которых зависело разрешение на выход спектакля, увидели в нем хоть тень противостояния Советской власти – «Гамлет» неминуемо был бы запрещен. «Гамлет» стал легендой именно потому, что зрители и рецензенты *хотели видеть в постановке оппозиционность*.

Вениамин Смехов утверждал:

Ю.П. Любимов учил нас: спектакли уходят в легенду <...> Вот уже и наш «Гамлет» – легенда. Спасибо экрану, он сохранил правдивый отчет о ролях и мизансценах. Но души он не задел, и легенда осталась легендой. Я бы держал телезаписи в архиве, для специалистов. Не надо развенчивать мифы. И пусть каждый вспоминает свое. Кто с умыслом, кто бессознательно, поддаются люди очарованию легенды. И уже не только они – ее, но и сама легенда начинает творить нас – по своему образу и подобию...¹⁴

- ¹ *Абелюк Е.С., Леенсон Е.И.* Театр и цензура // Таганка: Личное дело одного театра. М.: НЛО, 2007. С. 318.
- ² *Щербаков А.* Интервью длиной в двенадцать лет (1976–1988): Интервью с Ю.П. Любимовым // Театр. 1988. № 7. С. 143–148.
- ³ Премьера столицы // Советская Россия. 1971. 30 нояб.
- ⁴ *Аникст А.А.* Трагедия: гармония, контрасты // Литературная газета. 1972. 12 янв.; *Бартошевич А.В.* Живая плоть трагедии // Советская культура. 1971. 14 дек.; *Щербаков А.* Трагедия Шекспира на сцене театра на Таганке // Комсомольская правда. 1971. 26 дек.; *Силюнас В.* Мужество совести // Труд. 1971. 19 дек.
- ⁵ *Бартошевич А.В.* Указ. соч.
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Силюнас В.* Указ. соч.
- ⁸ *Щербаков А.* Указ. соч.
- ⁹ *Бартошевич А.В.* Указ. соч.
- ¹⁰ *Мелкумян М.* На пути к Шекспиру // Театр. 1972. № 3. С. 24–33; *Нельс С.* Станиславский работает над Шекспиром // Театр. 1972. № 9. С. 131–139; *Швыдкой М.Е.* Спектакль «Гамлет» // Театр. 1972. № 9. С. 40–42.
- ¹¹ *Мелкумян М.* Указ. соч. С. 29.
- ¹² *Нельс С.* Указ. соч. С. 132.
- ¹³ Там же. С. 133.
- ¹⁴ *Смехов В.Б.* В роли Высоцкого // Живой, и только: Воспоминания о Высоцком. М.: Интерконтакт, 1990. С. 19.

С.В. Павлова

ЯЗЫК СОВРЕМЕННОЙ ГАЗЕТЫ: МЕХАНИЗМЫ ДЕСОВЕТИЗАЦИИ

В статье анализируются случаи употребления различных слов из «советского языка» в публикациях газеты «Коммерсантъ». На основании проведенного исследования автор выдвигает гипотезу о существовании трех основных механизмов десоветизации публицистического дискурса на лексическом уровне в постсоветскую эпоху – это архаизация, ресемантизация и нейтрализация идеологического компонента значения. Автор делает вывод о том, что многие советизмы остаются в активной части лексикона благодаря тому, что перестают ассоциироваться с советскими реалиями, т. е. теряют связь с системой «советского языка».

Ключевые слова: публицистика, советский язык, новояз, советизм, архаизация, ресемантизация.

Язык, будучи подвижной системой, неизбежно реагирует на любые серьезные изменения в жизни его носителей. При этом, как правило, в наибольшей степени общественно-политические преобразования влияют на состав активного словаря, т. е. совокупность актуализированной в речи лексики.

Об изменениях, произошедших в русском языке после революции 1917 г., писали такие видные филологи, как Г.О. Винокур, Е.Д. Поливанов, А.М. Селищев¹. Исследование языка тоталитарного государства (новояза), каким, безусловно, был русский язык советской эпохи, это и сегодня одна из актуальных тем отечественного и зарубежного языкознания². При этом рассматривается не только язык официальных документов, но и язык медиасреды – прессы, радио и телевидения. Однако употребление отдельных элементов советского языка – советизмов – в постсоветской речевой практике представляется недостаточно изученным.

Под советизмами в данной статье понимаются слова и выражения, возникшие в русском языке в 1917–1991 гг., которые отражают как идеологию советского государства, так и сопротивление этой идеологии со стороны населения. Изучение процесса функционирования советизмов в современной прессе позволяет выявить механизмы десоветизации публицистического дискурса постсоветской эпохи.

В данной статье анализируется употребление советизмов в материалах газеты «Коммерсантъ» за период 2000–2008 гг. Это издание является одним из ведущих отечественных либеральных СМИ, а следовательно, в отличие от консервативных или левых изданий, которые во многом намеренно сохраняют советскую стилистику, газета «Коммерсантъ» удобна для изучения процесса языковой десоветизации.

Один из основных механизмов десоветизации публицистического языка на лексическом уровне – архаизация. Действие этого механизма описано в литературе, посвященной устаревшей лексике³: с уходом какого-либо явления из общественно-политической жизни обозначающее его слово перемещается в пассивный лексикон. Таковы слова «райком», «колхоз», «пионер», «КПСС» и другие.

Архаизация лексики также может происходить, если тот или иной феномен сохраняется в общественно-политической жизни, приспособившись к современным условиям существования, но получает новое наименование. К примеру, слово «КГБ» является явным историзмом, хотя служба государственной безопасности в Российской Федерации по-прежнему существует, но под другим названием. Подобного рода архаизация слов происходила и после революции 1917 г. Так, слово «зарплата» вытеснило в свое время слово «жалованье», а «медсестра» заменила «сестру милосердия».

Многие слова, зафиксированные в специализированных словарях советской лексики⁴, не встречаются в публикациях «Коммерсанта» либо употребляются исключительно в контексте описания феноменов советской эпохи, т. е. являются явными историзмами. Вот несколько примеров такого рода употребления советизмов:

Разумеется, специальные экспликации на стенах дают необходимые исторические сведения: от того, кто такие *пионеры*, до того, кто строил Беломорско-Балтийский канал⁵ (курсив мой. – С. П.). Патетические исторические полотна вроде «Казни народовольцев» (1969–1972), «Декабристов» (1978) и «Пугачева» (1980) иллюстрируют один из самых двусмысленных культов советской интеллигенции: культ бунтовщиков, в которых официоз призывал

видеть борцов с царизмом, а вольнодумцы угадывали диссидентов, так что каждый мэнээс, рассказывающий на кухне *антисоветский* анекдот, отчасти отождествлял себя с декабристами⁶ (курсив мой. – С. П.).

Так, например, *антисоветский* ярлык, повешенный на Бориса Пастернака, позволил и всем тем, кто его «не читал», с радостью присоединиться к травле писателя⁷ (курсив мой. – С. П.).

Другой механизм – это ресемантизация, в результате которой слово приобретает новое или дополнительное значение и благодаря этому сохраняется в активном лексиконе. Примерами советизмов, подвергшихся процессу ресемантизации, являются такие слова, как «ликбез», «общепит» и «ширпотреб».

Слово «ликбез» (сокращение от «ликвидация безграмотности») появилось в советском языке во второй половине 20-х годов для обозначения масштабной государственной кампании по обучению населения чтению и письму. Первое официальное упоминание этой лексемы было обнаружено в Большом толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова, начавшем выходить в 1938 г. Составители словаря расценили слово «ликбез» как неологизм, о чем свидетельствует помета «нов.». Развернутого определения слову не дается: «Ликбез (нов.) – сокращение слов: ликвидация безграмотности»⁸. Это свидетельствует о том, что слово было в то время общепонятным. Однако уже в 1959 г. в Словаре современного русского литературного языка значение лексемы поясняется более подробно: «Ликбез – ликвидация неграмотности в СССР – обучение грамоте взрослых и детей школьного возраста, не обучавшихся в школах»⁹.

Очевидно, что в своем исконном значении слово стало историзмом с окончанием самого процесса ликвидации неграмотности, который в целом завершился к началу 40-х годов.

Однако во второй половине XX в. у слова «ликбез» появляется и второе, разговорное значение. Впервые оно было зафиксировано в двадцать первом издании Толкового словаря русского языка под редакцией С.И. Ожегова (1989): «Ликбез – <...> 2. перен. Сообщение самых необходимых, начальных сведений о чем-нибудь, обучение элементарным навыкам»¹⁰.

Именно в этом значении слово осталось в современном разговорном языке, в то время как в начальном значении «ликбез» уходит в пассив еще при советской власти. Не во всех современных словарях приводятся оба значения данной лексемы. В частности, переносное значение слова зафиксировано в Словаре новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов) (1995), в Боль-

шом толковом словаре русского языка под редакцией С.А. Кузнецова (1998) и в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1999).

Анализ материалов «Коммерсанта» показал, что слово «ликбез» в подавляющем большинстве случаев употребляется не как архаизм, а в разговорном значении без отсылки к советской эпохе:

«Мастерские» важны не только как инкубатор хореографов, но и как ликбез для артистов, не знающих азов современной техники танца¹¹.

В Новом Манеже проходит ежегодный фестиваль профессиональной фотографии «Интерфото-2000». Фестиваль – нечто среднее между биржей труда для практикующих фотографов и ликбезом для новичков¹².

Доктор Фрист особенно прославился в прошлом году, когда сенатские кабинеты подверглись атаке с применением спор сибирской язвы и ему пришлось успокаивать перепуганных коллег, проводя медицинский ликбез¹³.

Слово «общепит» (сокращение от «общественное питание») предположительно возникло в 20–30-е годы. В Большом толковом словаре русского языка под ред. Д.Н. Ушакова зафиксировано словосочетание «общественное питание», однако самое раннее упоминание сокращенного слова удалось обнаружить лишь в Словаре сокращений русского языка (1977)¹⁴.

Анализ словарных значений показал, что в официальной и разговорной речевой практике лексема «общепит» имеет разный объем значения. В первом случае под этим словом подразумевается вся отрасль производства готовых продуктов питания и места их продажи (от столовых до дорогих ресторанов). Во втором случае общепит – только пункты приема пищи, недорогие и не всегда качественные.

В материалах газеты «Коммерсантъ» лексема «общепит» в большинстве случаев употребляется без отсылки к советским реалиям. Однако при этом четко прослеживается тенденция к употреблению слова «общепит» в исконном – «советском» – значении. В некоторых случаях лексема встречается в прямой речи официальных лиц и бизнесменов. Если в советском понимании общепит – «отрасль народного хозяйства»¹⁵, то в современном широком толковании слова – это скорее сфера бизнеса: «Как и в странах ОЭСР, малый бизнес в России – это в основном торговля и общепит, которые составляют 46% сектора (доля промышленности – 12%, строительства – 11%)»¹⁶.

Слово «общепит» употребляется как в отношении дешевых пунктов питания («...решения о борьбе с погрязшим в антисанитарии уличным общепитом...») ¹⁷, так и в отношении дорогих ресторанов: «Завершился фестиваль сетом испанца Хосе Падильи, основателем и идеологом Cafe del Mar, начинавшегося как точка модного общепита на Ивисе и ставшего знаменитым лаунж-лейблом» ¹⁸.

В отдельных случаях понятие «общепит» противопоставляется всему дорогому и высококачественному: «Что уж подделаешь, должны же наряду с театрами-трибунами, театрами-аренами и театрами-лабораториями существовать просто дежурные театры для массового отдыха, как рядом с дорогими ресторанами существует общепит» ¹⁹.

Таким образом, в газете «Коммерсантъ» слово «общепит» употребляется с двумя оттенками значения, как и в советское время. С одной стороны, эта лексема используется в речи официальных лиц, она эмоционально нейтральна. С другой – существительное «общепит» в ряде случаев употребляется с меньшим объемом значения и несет в себе негативную оценку обозначаемого явления. При этом первое значение лексемы более распространено и употребляется в статьях общественно-политической и деловой тематики. Второе же значение встречается значительно реже и, как правило, в статьях на темы культуры и истории.

Слово «ширпотреб» возникло не позднее 1938 г., о чем свидетельствует соответствующая запись в словаре Д.Н. Ушакова: «Ширпотреб (нов.) – товары широкого потребления, сокращение слов “широкий” и “потребление”» ²⁰.

В то время слово еще расценивается как неологизм. Официальность новообразованного термина подчеркивается тем фактом, что в 30-х годах появляется сорт вишни, выведенный И.В. Мичуриным, под названием «ширпотреб черная». По версии А. и Т. Фесенко, возникает слово «ширпотреб» в связи с появлением кооперативов: «С кооперативами связан ряд слов с общим элементом “пром” (промторг, промтовар), а также и “ширпотреб” – уродливое сокращение целого выражения “предметы широкого потребления”. В самое последнее время этот термин вышел из официального употребления и стал заменяться наименованием “предметы широкого потребления”» ²¹.

В 50-х годах советизм «ширпотреб» еще был зафиксирован в официальных словарях как нейтральное литературное слово ²². Однако уже в 60-х годах в словарях к этому слову прибавляется помета «разговорное» ²³.

В конце 60-х годов слово «ширпотреб» и вовсе приобретает уничижительный оттенок. Об этом свидетельствуют примеры из прессы, приведенные в Словаре-справочнике новых слов и значений: «Одна (церковь) – произведение искусства, другая – ширпотреб» (Е. Тендряков, Онега, 1969); «На Западе и “массовая культура” давно уже стала неотъемлемым признаком буржуазного образа жизни. Производство “духовного ширпотреба” превратилось в грандиозный бизнес, где занято множество работников прессы и рекламы, театра и кино, телевидения и радио, литературы и искусства» (Литературная газета, 1971, 25); «“Литературный ширпотреб”, рассчитанный на нетребовательные, а то и попросту низменные вкусы, не может иметь шансов на успех у советского читателя» (Литературная газета, 1973, 31)²⁴.

Именно в упомянутом словаре впервые фиксируется переносное значение слова «ширпотреб» – то, «что выполнено на невысоком художественном уровне, рассчитано на невзыскательный вкус потребителя»²⁵.

Толковый словарь С.И. Ожегова отмечает неодобрительную составляющую значения этого слова: «Ширпотреб – собир. (разг.) сокращение: широкое потребление – промышленные товары широкого спроса (теперь обычно о товарах невысокого качества)»²⁶.

Словари, выпущенные после 1991 г., также трактуют лексему «ширпотреб» именно как слово разговорное и неодобрительное. Иногда об этом упоминается, правда, в дополнение к исконному толкованию слова. Например: «Ширпотреб – собир. разг. Товары широкого спроса и массового производства. Неодобр. О товарах низкого качества»²⁷.

В «Коммерсанте» слово «ширпотреб» в большинстве случаев употребляется без связи с советскими реалиями. При этом, как и в случае с лексемой «общепит», слово чаще всего употребляется в исконном, относительно нейтральном значении:

В августе цены в магазинах на продовольствие и ширпотреб продолжали заметно увеличиваться – и граждане в разговорах между собой не устают выражать недовольство²⁸.

Речь о повседневных вещах – от ширпотреба и автомобилей до внешнего вида наших городов. Они должны стать предметом нашей законной гордости, и это единственный путь, который может избрать президент, чтобы вывести Россию из нынешнего экономического тупика²⁹.

Между тем простые россияне привыкли считать, что в Китае есть только китайская тушенка и некачественный ширпотреб³⁰.

В последнем примере показательно, что слово «ширпотреб» употреблено с определением «некачественный». Это свидетельствует о том, что в официальном значении рассматриваемая лексема сама по себе не несет отрицательной оценки. Употребление рядом прилагательного «некачественный» предполагает возможность существования и словосочетания «качественный ширпотреб».

В разговорном значении лексема «ширпотреб» используется с уничижительным оттенком, как правило, не в отношении товаров повседневного спроса, а в отношении произведений искусства:

Но стройность выставки от этого вряд ли страдает: и там, и там есть вещи первоклассные, а есть ширпотреб, есть произведения уникальные по своим художественным качествам, а есть замечательные в своей дурновкусице³¹.

На задворки, в область низкого, не имеющего отношения к искусству ширпотреба хоррор и фантастику вытеснили позже, с появлением кино категории В³².

Предложенная нам не так давно в качестве свежего эстрадного секс-символа певица Слава (Анастасия Сланевская) также использует бронепойный мелодический ширпотреб производства господина Дробыша в качестве паровоза, тянущего разношерстный песенный материал³³.

Таким образом, лексемы «общепит» и «ширпотреб» подверглись ресемантизации, но, несмотря на это, по-прежнему употребляются в том значении, в котором они появились в советском языке. Поскольку в этих случаях речь не идет об использовании слов в контексте описания советских реалий, они также не могут быть названы архаизмами. Можно сделать вывод о существовании третьего механизма десоветизации – назовем его нейтрализацией идеологического компонента значения.

Яркими примерами слов советского языка, из значения которых исчез идеологический компонент, являются уже упомянутые «зарплата» и «медсестра», а также такие привычные для большинства говорящих лексемы, возникшие в языке советского официоза, как «профсоюз», «роддом», «детдом», «завхоз», «военкомат» и другие. В «Коммерсанте» все эти слова употребляются в контексте описания современных реалий как нейтральные литературные слова.

В ходе исследования были выделены три механизма десоветизации языка современной газеты на лексическом уровне – это архаизация, ресемантизация и нейтрализация идеологического компонента значения. Большинство советских слов ушло в пассивный

лексикон, став архаизмами и историзмами. Некоторые слова, напротив, остались в речи, поскольку изменили значение либо перестали ассоциироваться с советскими реалиями, т. е. потеряли связь с системой советского языка. Ресемантизация и нейтрализация идеологического компонента значения представляются основными причинами сохранности советизмов в активной части лексикона современного русского языка.

Примечания

- ¹ *Винокур Г.О.* Культура языка. М.: КомКнига, 2006; *Поливанов Е.Д.* Революция и литературные языки Союза ССР // За марксистское языкознание. М.: Федерация, 1931. С. 73–94; *Селищев А.М.* Революция и язык // Селищев А.М. Избранные труды. М.: Просвещение, 1968; *Он же.* Язык революционной эпохи: Из наблюдений за русским языком (1917–1926 гг.). М.: Едиториал УРСС, 2003.
- ² *Ермакова О.П.* Деактуализация значений, отражающих советские реалии // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996; *Земская Е.А.* Клише новояза и цитация в языке постсоветского времени // Вопросы языкознания. 1996. № 3; *Земская Е.А.* Новояз, newspeak, powomova... Что дальше? // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996; *Зильберт Б.А.* Языковая личность и новояз эпохи тоталитаризма // Языковая личность и семантика. Волгоград: Перемена, 1994. С. 50; *Кутина Н.А.* Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь: ЗУУНЦ, 1995; *Лассан Э.* Дискурс власти и инакомыслие в СССР: когнитивно-риторический анализ: Монография. Вильнюс: Изд-во Вильнюс. ун-та, 1995; *Нерознак В.П., Горбаневский М.В.* Советский «новояз» на географической карте. М.: Знание, 1991; *Ромашов Н.Н.* Система идеологем русского тоталитарного языка по данным газетных демагогических текстов первых послереволюционных лет: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: УрГУ, 1995; *Савенко Т.Д.* Развитие общественно-политической лексики русского языка советского периода. Киев: Киев. гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко, 1990; *Седакова И.А.* О советизмах в современной русской речи // Знакомый незнакомец. М.: Ин-т славяноведения и балканистики; Науч. центр общеслав. исслед., 1995. С. 225–235.
- ³ *Белянская З.Ф.* О причинах появления архаизмов в языке. Орджоникидзе: Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова, 1990.
- ⁴ См.: *Хевеши М.А.* Толковый словарь идеологических и политических терминов советского периода. М.: Международные отношения, 2002; *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: Фолио, 1998.

- 5 Коммерсантъ. 2008. № 23.
- 6 Коммерсантъ. 2004. № 229.
- 7 Коммерсантъ. 2002. № 110.
- 8 Большой толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ГИИНС, 1938. Т. 3. С. 406.
- 9 Словарь современного русского литературного языка / Под ред. А.М. Бабкина, С.Г. Бархударова, Ф.П. Филина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 8. С. 397.
- 10 *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. М.: Русский язык, 1989. С. 462.
- 11 Коммерсантъ. 2006. № 221.
- 12 Коммерсантъ. 2000. № 157.
- 13 Коммерсантъ. 2003. № 176.
- 14 Словарь сокращений русского языка / Под ред. Д.И. Алексеева, Н.Г. Гозмана, Г.В. Сахарова. М.: Русский язык, 1977. С. 497.
- 15 *Ожегов С.И.* Указ. соч. С. 503.
- 16 Коммерсантъ. 2006. № 224.
- 17 Коммерсантъ. 2003. № 83.
- 18 Коммерсантъ. 2006. № 158.
- 19 Коммерсантъ. 2003 № 27.
- 20 Большой толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ГИИНС, 1938. Т. 4. С. 435.
- 21 *Фесенко А., Фесенко Т.* Русский язык при советах. Нью-Йорк: б.и., 1955. С. 208.
- 22 См.: Словарь современного русского литературного языка / Под ред. А.М. Бабкина, С.Г. Бархударова, Ф.П. Филина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 588.
- 23 См.: Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1961. Т. 4. С. 660.
- 24 Новые слова и значения (словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х гг.) / Под ред. Н.З. Котеловой. М.: Русский язык, 1984. С. 489.
- 25 Там же.
- 26 *Ожегов С.И.* Указ. соч. С. 650.
- 27 Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998. С. 581.
- 28 Коммерсантъ. 2000. № 164.
- 29 Коммерсантъ. 2000. № 80.
- 30 Коммерсантъ. 2000. № 207.
- 31 Коммерсантъ. 2000. № 202.
- 32 Коммерсантъ. 2006. № 223.
- 33 Коммерсантъ. 2006. № 111.

Е.В. Арутюнова

ПОЛЕМИКА О «МАСШТАБНОЙ РЕФОРМЕ ЯЗЫКА»
(На материале прессы 2001 г.)

В статье анализируется развернувшаяся в 2001 г. в печатных и электронных российских СМИ полемика по поводу проекта нового свода правил русского правописания. Автор рассматривает средства убеждения, которые применялись сторонниками и противниками реформирования орфографии и пунктуации. Показано, что дискуссия носила некорректный характер, прежде всего по причине использования одной из сторон многочисленных логических уловок. На этом основании сделан вывод о неукоренности демократических принципов в российском общественном сознании.

Ключевые слова: реформа правописания, реформа орфографии, nepозволительные способы защиты и опровержения, логические уловки, софистика.

К концу 2000 г. в Институте русского языка РАН был подготовлен проект нового свода правил русского правописания. Он был одобрен Орфографической комиссией (далее – ОК) Отделения литературы и языка РАН и опубликован¹. Новый свод правил создавался для того, чтобы заменить «Правила русской орфографии и пунктуации», утвержденные Академией наук, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР в 1956 г., т. е. стать основополагающим документом в области правописания.

Предполагалось, что в профессиональных кругах пройдет обсуждение этого проекта, результатом чего, возможно, станет ряд поправок; свод будет доработан и утвержден на законодательном уровне. Однако появление этого документа вызвало широкую полемику не в специальных изданиях, чего следовало ожидать, а в общественно-

© Арутюнова Е.В., 2011

политических средствах массовой информации. И вероятно, высказанное в СМИ остро отрицательное отношение к каким бы то ни было посягательствам на традиции в правописании и послужило одной из причин того, что новый свод остался лишь проектом.

В обсуждении приняли участие «Независимая газета», журналы «Итоги», «Новый мир», «Профиль», «Эксперт». Главным источником информирования о ходе обсуждения проекта стал сайт Грамота.ру, созданный в конце 2000 г.

Какая же информация была предоставлена обществу о процессе, результате и последствиях работы ОК? Какие точки зрения были высказаны в СМИ по поводу нововведений в области правописания? Почему аргументация противников свода оказалась более сильной в этой дискуссии?

Чтобы ответить на поставленные вопросы, проследим, как разворачивалась полемика и какие полемические ресурсы были использованы оппонентами.

Материалом, который, по-видимому, и вызвал бурную реакцию в СМИ, стала большая статья председателя ОК В.В. Лопатина «Русская орфография: задачи корректировки»². В ней автор обстоятельно разъясняет причины создания нового свода правил правописания, перечисляет, какие изменения по сравнению с ныне действующим орфографическим законом предстоят, а также приводит некоторые факты из истории русской орфографии, видимо преследуя цель показать работу нынешней ОК как этап в процессе совершенствования русского правописания. Важным представляется то, что в этой статье В.В. Лопатин сообщает, в какой стадии находится процесс подготовки нового свода правил по состоянию на май 2001 г.: «Проект такого текста и подготовлен в Институте русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук, он одобрен ОК Отделения литературы и языка РАН и в конце прошлого года опубликован небольшим тиражом для специалистов под названием «Свод правил русского правописания. Орфография и пунктуация». С ним ознакомлены вузовские преподаватели, методисты, представители учительской общественности. Состоялись обсуждения проекта, получены письменные отзывы. По итогам этих обсуждений, с учетом сделанных замечаний, текст свода доработан, и теперь предстоит его официальное утверждение». Обществу сообщается, что вопрос о сути изменений уже решен, дело за законодательным принятием документа. Никакого приглашения к дискуссии по поводу нового орфографического закона в этой статье нет.

Представим тезисно аргументы, приведенные В.В. Лопатиным в доказательство необходимости утверждения нового орфографического закона.

1. Неполнота действующих «Правил русской орфографии и пунктуации», которая обусловлена двумя важнейшими факторами: (1) «прошло почти полвека, за это время развивался сам язык, в нем появилось множество новых слов, новые типы слов и конструкций, да и практика письма в ряде случаев стала противоречить сформулированным правилам»; (2) «некоторые закономерности правописания были сформулированы в них слишком кратко, без должной детализации, либо слишком фрагментарно, необобщенно, многое было недосказано или не упомянуто вовсе».

2. «...Односторонность, обусловленная директивными требованиями и запретами идеологического характера».

Представляется важным, что вся аргументация была изложена в одном абзаце и не подкреплена никакими иллюстрациями. Осмелимся предположить, что слова, понятные специалистам, не дошли до сознания большинства читателей. Что такое «новые типы слов и конструкций»? Что значит «практика письма стала противоречить сформулированным правилам»? О какой «неполноте» может идти речь, с точки зрения того, кто выучился писать грамотно по учебникам, основанным на критикуемом своде правил?

В своей статье В.В. Лопатин пишет о соотношении языка и правописания. Он формулирует азбучные истины языкознания: язык – саморазвивающаяся система и реформировать его невозможно, правописание – лишь «одежда языка», а понятие грамотности значительно шире, чем соблюдение орфографических и пунктуационных норм.

Здесь же автор возражает против употребления слова «реформа» применительно к предложениям ОК, показывая, какие изменения в орфографии по праву называются реформой, и подчеркивает, что новый свод правил не претендует на кардинальную перестройку системы, не нарушает основных принципов русской орфографии (тоже специальный термин!) и содержит лишь небольшой набор частных изменений. Главное, что новый свод правил – это лишь значительно дополненная редакция «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 г., он «отвечает сложившемуся к концу XX века состоянию русского языка и современной практике письма»; «текст правил написан фактически заново, в нем появились новые разделы, полностью обновлен иллюстративный материал».

В заключение статьи В.В. Лопатин, проводя аналогию между орфографическими преобразованиями в России и ФРГ, пишет: «Вот только в Германии устроили перебранку по поводу принятых два года назад новых правил немецкой орфографии. Очень надеюсь, что у нас такого не случится».

Но именно «перебранка» началась уже в следующем месяце, прежде всего на страницах общественно-политических СМИ. Интересно, что специализированные издания в 2001 г. обошли этот вопрос практически полным молчанием. Так, в журналах «Русская словесность», «Русский язык в научном освещении», еженедельнике «Русский язык» издательства «Первое сентября» в 2001 г. нет ни одного материала, касающегося возможных изменений в русском правописании. Первым откликнулся на сообщение о завершении работы над новым сводом правил правописания журнал «Эксперт». В 20-м номере, вышедшем 28 мая, была опубликована статья Т.В. Базжиной и А.Н. Привалова с провокационным заголовком «Жы-шы» и лидом «Навязываемая обществу реформа русского правописания должна быть остановлена. Хотя надежд на это осталось мало»³. Нужно отметить, что в предложениях орфографической комиссии не было пункта об изменении гласной буквы в сочетаниях *жи* и *ши*.

Первого июня на сайте Грамота.ру появляется короткое новостное сообщение (и тоже с провокативным заголовком «Орфографическая реформа: чем проще, тем грамотнее»⁴): «Проект изменений в орфографии русского языка готов, отпечатан небольшим тиражом и разослан специалистам – в научные институты, вузы. Его планируется обсудить в Министерстве образования Российской Федерации и направить во властные структуры <...>». Здесь же очень коротко перечислены некоторые изменения в орфографии, которые повлечет за собой принятие подготовленного свода: *парашут* и *брошура*, *инъяз*, *раненый боец* и *раненый в ногу боец*, *Церковь*, *Бог* и *Рождество*. Также следует отметить, что в заголовке говорится именно о реформе орфографии, несмотря на то что председатель ОК В.В. Лопатин настаивает на несоответствии этого слова объему и качеству предложенных изменений.

Далее 20 июня выходит заметка⁵, в которой первый раз звучит предложение всем желающим (не только специалистам!) «внести свои замечания в рассматриваемый проект». Однако, как явствует из предыдущих заявлений, проект издан небольшим тиражом и разослан в специализированные организации, следовательно, о содержании изменений широкая общественность может узнать лишь из выступлений членов комиссии в СМИ.

Двадцать седьмого июня следует еще одно сообщение: завершено обсуждение поправок от специалистов, решено отказаться от некоторых из предложенных изменений (например, слово *парашют* остается с Ю) и дается обещание «после доработки текста проекта» рекомендуемые ОК поправки к существующим написаниям опубликовать в СМИ⁶.

В июне в Госдуме встревоженные предстоящей «реформой» депутаты из разных фракций выносят на обсуждение проект закона «О недопустимости реформы русского языка», что свидетельствует о полном непонимании сути проекта, разработанного ОК, а также, как нам представляется, о недостаточной информированности депутатов о «духе и букве» документа. Предложенный закон в конце июня отклонен, о чем сообщается в новостях сайта Грамота.ру⁷.

Второго и третьего июля выходят очередные выпуски журналов «Профиль», «Итоги» и «Эксперт», в которых (как и в уже упомянутой статье Т.В. Базжиной и А.Н. Привалова) чрезвычайно эмоционально выражено неприятие того, что «на нашем с вами общем горизонте замаячила орфографическая реформа»⁸. Здесь говорится даже: «Россия, возможно, стоит перед новой *языковой* (курсив мой. – Е. А.) реформой»⁹, предстоит «решающий бой за чистоту русской речи»¹⁰. Стиль, в котором авторы критикуют проект, заставляет думать, что журналисты действительно почувствовали себя на передовой грандиозного сражения за «единственную реальную общественную собственность»¹¹, за «то немногое, что действительно объединяет русскую нацию, – единый язык»¹². Тему аналогии с военными действиями поддерживают и некоторые другие элементы текстов: «Брошюра не сдается» – подзаголовок в статье С. Суховой, там же сочетания слов: «реформаторы сдались», «устойт и “й” в словах “конвейер” и “фейерверк”».

Обратимся к двум ключевым явлениям, для которых журналисты находят множество экспрессивно-оценочных наименований. Во-первых, это слова, называющие суть предусмотренных проектом изменений в правописании. Наиболее часто употребляемое слово – «реформа». В русском языке оно является стилистически нейтральным, но в анализируемых статьях приобретает негативную экспрессивную окраску благодаря контекстам:

«Навязываемая» обществу реформа русского правописания должна быть остановлена»¹³.

«...Реформы вызовут лишь негативную реакцию в обществе, да и не нужны они»¹⁴.

«Вот Герман Греф или, там, Анатолий Чубайс тоже знают, зачем нужны спешные реформы, но население не жалеет <...>», «кое у кого случилась настоящая аллергия на это отовсюду звучащее слово. Попросту говоря – зуд. Зуд реформаторства, от которого, не дай Бог, и все мы скоро зачешемся» (подчеркивания мои. – Е. А.)¹⁵.

У большинства авторов слово «реформа» предваряется экспрессивным эпитетом: «серьезная реформа русского правописания», «спешные реформы»¹⁶, «радикальная реформа», «широкоохватная реформа»¹⁷, «поспешная и несвоевременная реформа»¹⁸, «полно-

ценная реформа»¹⁹. И. Бунин в преувеличении доходит до абсурда, называя поправки к своду правил правописания «языковой реформой». С. Сухова приводит высказывание депутата К.А. Бичелдея, в котором говорится о «масштабной реформе языка». Перечисленные языковые средства призваны внушить читателю, что предстоящие преобразования чрезвычайно велики, и вызвать к ним негативное отношение.

То же назначение имеют и другие наименования: «происки языковедов», «изыски в вопросах языкознания»²⁰, «ощутимая перетряска всего русского правописания», «ползучая революция», «безобразия»²¹.

Во-вторых, привлекают внимание слова, которыми журналисты именуют членов ОК. Наряду с безобидными «авторы», «языковеды», «разработчики» употребляются такие обозначения, как «*ученый*»²² (курсив и выделение Т.В. Базжиной и А.Н. Привалова. – Е. А.), «главный наш лингвист»²³. Эти именованья приобретают в контексте саркастический оттенок. По словам журналистов, «судьба русского языка оказалась в руках одного, никем не избранного человека», «Владимир Лопатин держится как красный партизан»²⁴. Под воздействием контекстных коннотаций слова «реформа» резко негативную окраску приобретает и слово «реформаторы».

Сильным средством воздействия на читателя становятся и многочисленные высказывания, содержащие оскорбительные упреки в адрес авторов проекта. Так, А. Агеев приписывает языковедам «научное честолюбие» и желание «оказаться в престижном ряду реформаторов», стремление «совершать – по примеру тех, кто не сходит с телеэкранов и первых газетных полос, что-то радикальное <...> остаться в памяти людей не регистраторами мимотекущей реальности, а знаменитыми реформаторами. Чтобы еще несколько поколений помнили не только “чубайсовскую приватизацию”, но и “лопатинскую” орфографию». От этого же автора читатель узнает, что реформа «безумно дорога», а «сам Лопатин от этой проблемы высокомерно отмахивается». Интересно, что в цитате из текста В.В. Лопатина, которая должна была бы свидетельствовать о его «высокомерии», обстоятельно и стилистически спокойно объясняется, почему больших денег предлагаемая корректировка правил не потребует. В качестве заключительного аккорда в развитии обвинительной темы А. Агеев бросает председателю ОК упрек в дурном слоге: «Плохо, увы, пишет Владимир Лопатин».

Т.В. Базжина и А.Н. Привалов более сдержанны в выражениях, характеризующих непосредственно «реформаторов», но и у них есть претензии. Так, авторы упрекают членов ОК в «академической отстраненности», «шулерстве», в том, что они «явно не задумыва-

ются», во сколько реформа обойдется стране, а «истинные» мотивы их действий – стремление к самоудовлетворению. С. Сухова уличает ОК в «потворстве неграмотности», в том, что «авторы “Свода”» готовы идти на поводу у «народного правописания», да и просто следуют моде.

Отрицательная характеристика личностных качеств оппонента, которая наиболее ярко выражена в материалах А. Агеева, представляет собой один из непозволительных способов защиты и опровержения тезисов – **доказательство (довод) к личности**.

Помимо перечисленных логических уловок журналисты прибегают к **запугиванию** аудитории. А. Агеев утверждает, что реформа отрицательно скажется на институте семьи; судьба «единственного, что нас всех объединяет», оказалась в руках одного человека (яркая характеристика которому уже была дана ранее); России грозит «еще один общественный стресс». Причем особенно пугает автора перспектива «переучиваться за одной партией со своими малолетними детьми и внуками». И. Бунина страшит «закономерное недовольство уставшего от революции общества». И вообще, пугает С. Сухова, «чем черт не шутит, может, и на латиницу перейдем».

Многочратно прибегают журналисты и к **«ложным аргументам»**. Например, защищая «парашЮт», А. Агеев пишет: «Для чуткого к языку человека “парашют” и “парашут” – не только два разных слова, но и два разных предмета. Первый – это что-то шелковое, цветное, праздничное, из чего и шарфик пошить можно. А “парашут” – это, уж извините, какое-то казенное “х/б”». Еще А. Агеев уверен, что современный русский «в недоумении отшатнется» от богослужбной книги именно потому, что она написана в иной орфографии, и что «русский язык, без сомнения, стал проще (имеется в виду результат реформы орфографии 1917–1918 гг. – Е. А.)». И. Бунин убеждает читателя: «Для французов язык даже более важен, чем культура, – собственно, после развала империи эти два приоритета у Франции и остались». С. Сухова, несмотря на то что проект был отклонен, утверждает: «Комиссия окончательно разобралась с “ё”».

Логический анализ показывает, что журналисты выстраивают цепочки умозаключений, при беглом прочтении кажущихся правильными и убедительными, но содержащих множество скрытых логических ошибок или уловок. Такой тип рассуждений известен под названием **софистики** и служит (если не является интеллектуальной забавой) *для придания видимости истинности ложному заключению*.

Каков же был ответ противоположной стороны – сторонников орфографических преобразований? Пятого и седьмого июля, а так-

же 31 августа В.В. Лопатин отвечает на вопросы журналистов²⁵. 15 июля он же дает ответы на вопросы всех желающих в режиме онлайн на сайте Грамота.ру²⁶. Четвертого июля в эфире радиостанции «Эхо Москвы» звучит интервью с членом ОК, учителем русского языка и литературы С.В. Волковым²⁷. Тридцать первого августа на сайте Грамота.ру публикуется интервью с членом ОК кандидатом филологических наук О.Е. Кармаковой²⁸.

Во всех ответных публикациях и выступлениях члены ОК стилистически спокойно убеждают общество в необходимости «новой редакции правил орфографии и пунктуации» и нового словаря, составленного на основании обновленного свода правил. По сути, все вопросы интервью повторяют выдвинутые противниками «реформы» аргументы, и члены ОК дают однозначные и непротиворечивые ответы на них.

Единственным эмоциональным возражением на выпады журналистов стала новостная заметка на сайте Грамота.ру от 11 июля 2001 г.²⁹, написанная сотрудниками сайта, явно находившимися под сильным впечатлением от «спорадических приступов изжоги в СМИ»³⁰. Так, в этой небольшой заметке содержится призыв: «Посмотрите, что предлагают авторы проекта», и сообщается о публикации на сайте проекта изменений.

Продолжением полемики можно считать только статью директора Института лингвистики РГГУ М.А. Кронгауза³¹. В ней было представлено мнение лингвиста, выступавшего против изменений орфографии, однако не против утверждения нового свода, который дал бы ответы на нерешенные орфографические вопросы. М.А. Кронгауз пишет, что вопрос о наименовании («реформа» или «изменения») – «вопрос скорее символический, ведь никакого строгого определения реформы не существует», при этом выбирает слово «реформа», употребляя его как стилистически нейтральное, не содержащее никаких отрицательных коннотаций. Автор анализирует высказанные в прессе аргументы лингвистов в пользу реформы и требования нелингвистов «оставить все как есть», раскрывая психологические причины неприятия обществом каких-либо изменений в правописании. М.А. Кронгауз не стремится убедить читателя принять в этом споре какую-либо сторону, а демонстрирует путь спокойного, аргументированного диалога, оставляя последнее слово все-таки специалистам: «Обоснованность предлагаемых изменений должна выявить именно профессиональная дискуссия».

Итог полемики о «масштабной реформе языка» 2001 г. подвел в первом номере 2002 г. журнал «Итоги»: «...В институте считают своей главной задачей на предстоящий год подготовку новой ре-

дакции старых правил орфографии...»³² Это звучало так, будто ни проекта ОК, ни его публичного обсуждения вообще не существовало.

Таким образом, 2001 год останется в истории русской орфографии как период, когда была предпринята попытка на законодательном уровне утвердить новый свод правил русского правописания. Однако свод не был принят, и причин тому, как минимум, две. Одна из них – юридическая: к 2001 г. не была определена процедура принятия такого рода документов. Другая же связана с остро негативной реакцией общественности. Несмотря на всю логическую слабость журналистских выступлений, они, будучи стилистически яркими и в высшей степени эмоциональными, оказались более убедительными, чем логически стройные, но спокойные доводы сторонников изменений.

Почему же голос специалистов не был услышан? Представляется, что в свободном демократическом государстве преобразования такого рода должны проходить этап широкого общественного обсуждения. И проведению преобразований должна сопутствовать продуманная информационная кампания в СМИ, в ходе которой многие специалисты на понятном обществу языке (и это не язык научных работ) должны разъяснять необходимость, суть и последствия предлагаемых изменений. В 2001 г. мы наблюдали фактически одинокую борьбу председателя ОК с противниками изменений в правописании. И это сражение носило оборонительный, а не превентивный, наступательный характер.

Рассмотренная ситуация еще раз свидетельствует о том, что, несмотря на провозглашенные демократические принципы, российскому обществу осталась чуждой идея открытого обсуждения проекта и принятия решения в результате активного и корректного состязания сторон. С одной стороны, справедливыми кажутся высказанные журналистами упреки в «келевой» работе ОК, с другой – и сами журналисты могут быть уличены в стремлении привлечь внимание публики, а не объективно оценивать события.

Примечания

- ¹ Свод правил русского правописания. Орфография и пунктуация. Проект. М., 2000.
- ² *Лопатин В.В.* Русская орфография: задачи корректировки // *Новый мир.* 2001. № 5. С. 136–146.
- ³ *Базжина Т., Привалов А.* Жы-шы // *Эксперт.* 2001. № 20. С. 54–56.
- ⁴ Орфографическая реформа: чем проще, тем грамотнее [Электронный ресурс] // Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ.

- [01.06.2001]. URL: http://www.gramota.ru/lenta/news/8_139 (дата обращения: 05.10.2010).
- 5 Заседание орфографической комиссии: рассматриваются отзывы и предложения [Электронный ресурс] // Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ. [20.06.2001]. URL: http://www.gramota.ru/lenta/news/8_173 (дата обращения: 05.10.2010).
 - 6 Завершено обсуждение поправок к «правилам русского правописания» [Электронный ресурс] // Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ. [27.06.2001]. URL: http://www.gramota.ru/lenta/news/8_173 (дата обращения: 05.10.2010).
 - 7 Госдума отклонила проект постановления о недопустимости реформы русского языка [Электронный ресурс] // Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ. [28.06.2001]. URL: http://www.gramota.ru/lenta/news/8_180 (дата обращения: 05.10.2010).
 - 8 *Базжина Т., Привалов А.* Указ. соч. С. 54.
 - 9 *Бунин И.* Парашют или парашут? // Эксперт. № 25. С. 51.
 - 10 *Сухова С.* Язык в законе // Итоги. 2001. № 26. С. 16.
 - 11 *Агеев А.* Всех накроет парашут, или Остановите Лопатина // Профиль. 2001. № 25. С. 21.
 - 12 *Базжина Т., Привалов А.* Указ. соч. С. 56.
 - 13 Там же. С. 45.
 - 14 *Сухова С.* Указ. соч. С. 17.
 - 15 *Агеев А.* Указ. соч. С. 20.
 - 16 Там же. С. 18–19.
 - 17 *Базжина Т., Привалов А.* Указ. соч. С. 54.
 - 18 *Бунин И.* Указ. соч. С. 51.
 - 19 *Сухова С.* Указ. соч. С. 17.
 - 20 Там же. С. 17–18.
 - 21 *Базжина Т., Привалов А.* Указ. соч. С. 52–54.
 - 22 Там же. С. 55.
 - 23 *Агеев А.* Указ. соч. С. 18.
 - 24 Там же. С. 19.
 - 25 Интервью В. Лопатина информационному агентству Пресс-центр.ру, о чем сообщается в новостной заметке: Владимир Лопатин: язык реформировать нельзя, но орфографию, правописание и пунктуацию можно [Электронный ресурс] // Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ. [05.07.2001]. URL: http://www.gramota.ru/lenta/news/8_187 (дата обращения: 05.10.2010); Интервью журналисту «Независимой газеты» А. Щуплову: «Депутатов надо учить языку» [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2001. № 122. URL: http://www.ng.ru/style/2001-07-07/8_language.html (дата обращения: 10.10.2010); Интервью в эфире радиостанции «Би-би-си», о котором пишет сайт Грамота.ру: Слушайте Лопатина на Би-би-си! [Электронный ресурс] // Справочно-ин-

Е.В. Арутюнова

- формационный портал ГРАМОТА.РУ. [28.08.2001]. URL: http://www.gramota.ru/lenta/news/8_248 (дата обращения: 05.10.2010).
- 26 Ответы профессора Лопатина [Электронный ресурс] // Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ. [15.07.2001]. URL: http://www.gramota.ru/lenta/news/8_197 (дата обращения: 05.10.2010).
- 27 Интервью. Новый свод правил орфографии [Электронный ресурс] // Радиостанция «Эхо Москвы». URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/beseda/15038> (дата обращения: 05.10.2010).
- 28 Новый учебный год и русское правописание [Электронный ресурс] // Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ. [31.08.2001]. URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_84 (дата обращения: 05.10.2010).
- 29 Пусть летит парашют и ветренный день ему в помощь [Электронный ресурс] // Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ. [11.07.2001]. URL: http://www.gramota.ru/lenta/news/8_194 (дата обращения: 05.10.2010).
- 30 Мегафора А. Щуплова. См.: *Щуплов А.* «Депутатов надо учить языку».
- 31 *Кронгауз М.А.* Жить по «правилам», или право на старописание // Новый мир. № 8. С. 128–132.
- 32 *Горбунова Е., Курочкин А., Панкратова К.* Невероятное очевидное // Итоги. 2002. № 1. С. 54.

Е.В. Леонтьева

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРИКАТУРА Ш. ФИЛИПОНА
И ФРАНЦУЗСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА
СЕРЕДИНЫ XIX в.

В статье говорится о причинах и предпосылках развития французской карикатуры в середине XIX в. и о специфике французской политической карикатуры в сравнении с английской. Кроме того, в статье рассказывается о главной фигуре во французской сатирической журналистике Шарле Филипоне и о его двух самых популярных газетах, «Карикатюр» и «Шаривари».

Ключевые слова: Шарль Филипон, политическая карикатура, сатирическая журналистика, «летучие листки», Франция, революция.

Сделать кого-то объектом насмешки
значит заставить его на мгновение умереть.

Л. Ван Иперсель

В статье «Карикатура и историк» французский искусствовед Лоранс Ван Иперсель определяет карикатуру как зеркало эпохи. По его мнению, задача карикатуры – рисунка, порой выполненного несколькими штрихами, – вызвать эмоциональную реакцию адресата посредством нарушения всех канонов. Сущность карикатуры заключается в противостоянии того, что должно быть, тому, что есть на самом деле, и она по своей сути глубоко нравоучительна. Карикатура, по словам Ван Иперселя, «формирует общественное мнение и упрощает явления действительности до такой степени, что они становятся практически абсурдными, и таким образом создает современные мифы посредством преувеличения существующих стереотипов»¹.

Кроме того, Ван Иперсель утверждает, что главная задача карикатуры – обличать, высмеивать, призывать к действию. И если рас-

суждения исследователя о ее нравоучительной роли можно отнести скорее к карикатуре в целом, а более всего к ее английской модификации, то в перечисленных им функциях автор, возможно, сам того не желая, сформулировал суть французской карикатуры XIX в. – подчас совсем не смешной, полной сарказма и в высшей степени политизированной.

Рассмотрим подробнее условия развития французской карикатуры в 30-е годы XIX в., когда карикатура во Франции сформировалась как эстетическое явление, оказывавшее немаловажное влияние на жизнь французского общества.

Если в Англии главным сатирическим иллюстрированным изданием до 1992 г. оставался журнал «Панч»², то во Франции это были периодические издания Шарля Филипона.

Филипон занимался печатью и распространением карикатуры в течение более чем трех десятилетий, однако наиболее продуктивными оказались первые несколько лет его деятельности.

Шарль Филипон родился в Лионе в 1800 г. в семье торговца обоями. Пройдя обучение в лицеях в Лионе и Вилльфранше, он переехал в Париж, где учился рисованию у барона Гро. Отец хотел, чтобы Шарль продолжал его дело, и поэтому заставил его вернуться в Лион. Однако будущий издатель не желал мириться с «однообразным», по его словам, «бесцветным» и «тупым»³ существованием, уготовленным ему отцом, и снова уехал в Париж. Поначалу он перебивался случайными заработками – продажей рисунков, а также художественной и декоративной работой. Занимался он этим вплоть до 1829 г., когда его родственник Г. Обер обанкротился, был вынужден продать свою нотариальную контору и попросил Филипона найти ему работу в Париже. Тот, будучи человеком предприимчивым, выторговал помещение в только что открывшейся галерее Веро-Дода и открыл там свое литографическое производство. Так появился издательский дом «Мезон Обер» (тогда он еще назывался «Обер э Си»), который благодаря стараниям Филипона вскоре стал лидером по производству литографий в Париже.

В том же 1829 г. Филипон принял участие в выпуске альбома карикатурных литографий «Силуэт» в качестве карикатуриста и художественного редактора. С журналистикой этот проект, конечно, имел мало общего, но тем не менее его можно назвать первым во Франции регулярным иллюстрированным изданием с использованием техники литографии.

Работа в «Силуэт» оказалась весьма полезна для Филипона. Во-первых, он приобрел опыт редакторской работы. Во-вторых, после нескольких бесплодных попыток высказаться перед редколлегией по поводу усовершенствования издания амбициозный Филипон

понял, что прислушиваться к нему будут только в его собственном издании и для того, чтобы сделать из издания то, что хочется, нужно быть как минимум его владельцем. А в-третьих, именно в ходе работы над «Силуэт» Филипон познакомился с молодым Оноре де Бальзаком. Именно его Филипон впоследствии сделал редактором своей первой сатирической газеты – «Карикатюр мораль, релижвёз, литерэр э сеник».

Первый номер «Карикатюр» вышел в свет в 1830 г. – и с этого момента началась история Филипона как профессионального и успешного журналиста.

Английский исследователь Дэвид С. Керр в книге «Карикатура и французская политическая культура, 1830–1848»⁴ выделяет в истории карикатуры Франции 1789–1830 гг. четыре периода. Эти этапы совпадают с периодами ослабления государственной цензуры.

Первый период длился с начала Великой французской революции до установления цензуры во время якобинской диктатуры летом 1792 г. Во времена империи Наполеона карикатура во Франции была практически упразднена, поэтому об отношении европейских художников к императору мы можем судить только по рисункам зарубежных карикатуристов, по большей части английских⁵. Дальнейшее развитие карикатуры во Франции стало возможно только в первые годы Реставрации, с приходом к власти Людовика XVIII (1814 г.). При нем политическая карикатура не была, как ранее, запрещена полностью, однако опыт жизни при Наполеоне породил в обществе страх перед новым политическим режимом и привел к значительному снижению количества периодических изданий и сокращению распространения сатирических изображений. Предварительная цензура на всю печатную продукцию была восстановлена в 1820 г., после убийства наследника престола герцога Беррийского.

Расцвет французской политической карикатуры, по мнению историков⁶, пришелся на первые годы Июльской монархии (1830–1835). В следующий раз на столь же короткое, но не столь богатое на карикатуры время условия для ее развития появились только после революции 1848 г., а ослабление цензуры началось только в 1868 г.

Остановимся подробнее на третьем периоде, который и был озаглавлен деятельностью Филипона. Вступив на трон в конце июля 1830 г., Луи-Филипп провозгласил свободу прессы. В течение так называемых Трех славных дней после окончания уличных боев (27–29 июля 1830 г.) во Франции не появилось ни одной карикатуры, зато 30 июля Париж взорвался потоком сатирических рисунков, обличавших Карла X и династию Бурбонов.

Керр выделяет две основные причины расцвета французской карикатуры в первые годы правления Луи-Филиппа. Во-первых, именно в это время в издательствах начала активно использоваться техника литографии, которая обеспечивала значительное увеличение объемов и скорости печати. Литография была изобретена в Германии в 1798 г., однако во Франции получила широкое распространение только с 1820 г. Таким образом, во второй период ослабления цензуры (1814–1820) эта техника еще не использовалась.

Во-вторых, если раньше карикатурой занимались лишь отдельные художники, то теперь она стала массовым явлением, в том числе благодаря тому, что ее стали использовать в журналистике. Однако поскольку иллюстрированной, а уж тем более сатирической иллюстрированной периодики в то время было крайне мало, ситуацией умело воспользовался Филипон.

На тот момент в его распоряжении уже было издательство «Обер э Си», и он быстро стал практически монополистом в области печати и распространения карикатуры в Париже. Как только Луи-Филипп заявил о свободе печати, Филипон и его команда начали выпуск еженедельника «Карикатюр». Газета состояла из карикатур и саркастических заметок, содержащих открытую критику нового режима. Надо заметить, что во Франции это был первый случай столь широкого и активного использования карикатуры в прессе. Французский исследователь А. Александр в исследовании «Искусство смеха и карикатуры» отзываясь о Филипоне с восхищением и называет создание газеты «Карикатюр» «кульминационной точкой в истории мировой сатиры»⁷. А в написанной им биографии Оноре Домье автор называет два, по его мнению, основных качества Филипона как журналиста – «профессиональное чутье и азарт»⁸, благодаря которым тот сумел объединить вокруг себя плеяду талантливых художников и авторов. Как отмечал Александр, Филипон «одним из первых понял, насколько могущественным может стать альянс печатного слова с изображением. Другие предпринимали лишь робкие попытки, он же сразу стал использовать эту идею в самых широких масштабах»⁹.

Однако ошибочно было бы полагать, что до Филипона иллюстрированной прессы не было вообще. В журналах о моде, например, гравюры встречались еще в XVIII в., некоторые другие издания, такие как «Революсьон де да Франс э де Брабан» и «Нэн жон», также иногда публиковали самые различные иллюстрации и даже карикатуры, но происходило это нерегулярно. В период Реставрации, несмотря на относительно благосклонное отношение со стороны Людовика XVIII, до публики доходили лишь анонимные «летучие листки», и то в ограниченном количестве. Газета «Нэн жон»¹⁰

подверглась гонениям и была закрыта в 1815 г. Вновь она стала издаваться в Брюсселе в 1816 г. уже под названием «Нэн жон рефюжье». Выходящие при Карле X оппозиционные издания, в частности вышеупомянутый сборник «Силуэт», жестко контролировались.

Нововведение Филиппона заключалось не в самом факте публикации карикатур в прессе, а в их самостоятельности и информативности. Рисунки не дополняли текст и не поясняли его, но существовали с ним на равных правах, а иногда и играли по отношению к тексту главенствующую роль.

С открытием собственного издания Филиппон стал меньше рисовать сам, уделяя больше внимания редакторской работе. С ним сотрудничали лучшие рисовальщики того времени – Домье, Травье, Гаварни, Девериа, Шарле и другие. Все они, естественно, были оппозиционерами. Интересно заметить, что после бегства Карла X отношение команды Филиппона к власти не изменилось: главной целью издания, как и целью выпускаемых ими ранее «летучих листов», было обличение короля, теперь уже Луи-Филиппа, и его политики. Филиппон оставался оппозиционером вне зависимости от изменений в политической жизни Франции – и этот факт позднее определил судьбу обоих его изданий.

А в тот момент – когда Филиппон-рисовальщик отошел на второй план, уступив место Филиппону-журналисту, – успех был моментальным и невероятным. Своим напором и, конечно, талантом он вызывал восхищение у современников. Уильям Теккерей вспоминал, что «Карикатур» и вторая газета Филиппона «Шаривари» имели больший вес в обществе, чем обе палаты парламента, вместе взятые. В 40-х годах XIX в. Теккерей напишет о противостоянии «армии Филиппона» государству следующее:

На одной стороне баррикад стояло полдюжины нищих художников, а на другой – Его Величество Луи-Филипп, его августейшая семья, бесчисленное множество придворных и сторонников его власти. <...> Французский король был так уязвлен, его министры так безжалостно осмеяны, королевская семья и его собственная примечательная внешность переданы с такой отвратительной и гротескной точностью, в таких невероятных ракурсах, обстоятельствах и облачениях, так ужасающе зло и часто так метко, что Король был вынужден выйти на арену, чтобы в открытую сразиться со своим врагом-насмешником¹¹.

Власть относилась либерально к прессе недолго. Уже спустя год Луи-Филипп занялся ужесточением цензурной политики, которое, однако, проходило постепенно и началось с конфискации восьми

«летучих листков», выпущенных издательством «Обер». Сам их издатель подвергся гонениям. Из-за боязни преследований из подзаголовка газеты «Карикатюр» было убрано слово «политическая», однако в ноябре 1831 г. Филипона все равно привлекли к суду и заключили в тюрьму, расположенную в бывшем монастыре Святой Пелагеи, где содержали осужденных по политическим обвинениям. Однако оттуда, несмотря на ужесточение режима, Филипону все еще удавалось некоторое время руководить газетой.

Вскоре был арестован и его соратник Оноре Домье. Его посадили в ту же камеру, что и Филипона, и там они стали строить планы – но не побега, а создания новой ежедневной газеты «Шаривари». Французский искусствовед Л. Баридон в книге «Искусство и история карикатуры»¹² высказал гипотезу о том, что именно здесь, на стене своей камеры в Святой Пелагее, Филипон и нарисовал знаменитую серию рисунков «Превращение Луи-Филиппа в грушу», послужившую, кстати, причиной следующего ареста издателя.

Первый номер «Шаривари» увидел свет в 1832 г. силами соратников Филипона, когда оба создателя газеты еще сидели в тюрьме.

Филипон, как говорили его современники, владел искусством завоевывать аудиторию. Читательскую аудиторию Филипона составляли далеко не только рабочие и мелкие служащие, выходившие на баррикады во время мятежей, которыми была отмечена июльская монархия. Годовая подписка на «Карикатюр» равнялась месячной зарплате рабочего, а «Шаривари» стоил еще дороже, поэтому число подписчиков не превышало двух-трех тысяч, и все это были люди состоятельные. На самом деле циркуляция изданий была гораздо шире, в частности, благодаря читальным залам в публичных библиотеках. Кроме того, возможности типографии позволяли Филипону выпускать некоторые карикатуры, опубликованные в газете, в виде «летучих листков», которые вывешивались около магазинов или продавались на бульварах по небольшой цене. Таким способом обеспечивалось их распространение среди большого количества читателей, в особенности из народа.

В то же время следует признать, что многие художники, работавшие с Филипоном, относились к своей работе не так истово и самоотверженно, как он. Помимо газетной карикатуры, они занимались и другими видами художественной деятельности, и их работы пользовались популярностью среди знати еще до знакомства авторов с Филипоном.

Последнее обстоятельство, кстати говоря, очень показательное и представляет отдельный интерес в изучении личности Филипона. Исходя из фактов его биографии и его отношений с коллегами и подчиненными, можно сделать любопытный вывод: для Филипона

редакторская деятельность была делом и смыслом всей жизни, а для работавших с ним художников – развлечением и лишним источником доходов. Филиппон был на редкость целеустремленным и фанатичным журналистом. Ради достижения поставленной перед собой цели он был готов пожертвовать очень многим: друзьями, общественным уважением и даже свободой. Он добивался успеха благодаря журналистской хватке и прекрасным организаторским способностям. Кроме того, интуиция словно подсказывала Филиппону, когда следует проявить активность, а когда затаиться, и этим ощущением ситуации он никогда не делился даже с теми, с кем вместе работал. Известно, что незадолго до Июльской революции, публикуясь в «Силуэт», Филиппон перестал подписывать свои работы, поэтому когда издание подверглось гонениям, его, единственного из всей редколлегии, они не коснулись. К 1830 г. он, в отличие от коллег по «Силуэт», ни разу не предстал перед судом.

Что касается его друзей, то, как только Филиппон осознал, что судьба газеты «Карикатюр» зависит только от него и ему больше не надо ни под кого подстраиваться, все они превратились из коллег в подчиненных, к которым Филиппон, как, впрочем, и к себе, был невероятно требователен и суров. Например, биографы Домье, его близкого друга и соратника, отмечают негативное влияние Филиппона на художника, некоторые даже говорят о том, что в 1861 г. Филиппон уволил Домье из «Шаривари», так как посчитал, что тот стал хуже работать¹³. К. Рим в книге о Домье назвал Филиппона «надзирателем, мародером, фанатичным журналюгой»¹⁴. А вот об отношении Домье к своей работе как к развлечению биографы почему-то умолчали.

Примечательно, что отношение многих людей к его деятельности как к развлечению глубоко печалило Филиппона. Несмотря на невероятную популярность его журналов, единственное, чего ему удалось добиться, – это известность в Европе. Другому журналисту было бы более чем достаточно скандальной славы на международном уровне. О нем с похвалой отзывались Теккерей, Герцен, Стендаль. Последний в мемуарах пишет о том, что именно благодаря Филиппону во Франции не появилось второго такого диктатора, как Наполеон:

Победа «Шаривари» стала огромным достижением. Французы уже привыкли читать по утрам эту газету, поднимая себе настроение; от этой привычки было бы тем более трудно отказаться, что ироничный настрой, заданный с утра им газетой, сопровождал их целый день. «Шаривари» никогда бы не допустила второго Наполеона, даже если бы тот десять раз выиграл битву при Арколе. Первые же его шаги к власти, первые же попытки самолюбования не вызвали бы такого энтузиазма, а потонули бы в насмешках¹⁵.

Однако из этой цитаты видно не только то, что к газете относились как к изданию, несущему свободу, но и то, что его, подобно журналу «Панч» в Англии, воспринимали как источник развлечения. Филипон действительно победил, но только как журналист-сатирик, а не как журналист-оппозиционер. Никакая сатирическая кампания на страницах «Шаривари» не помогла Франции избежать революции 1848 г. и утверждения на престоле Луи-Наполеона Бонапарта. Таким образом, Стендаль оказался неправ, а главная цель Филипона так и не была достигнута: самое большое, что он смог сделать, – это сломать карьеру нескольким заметным людям, в том числе придворному поэту и политику Ж.-П. Вьенне. Именно ему принадлежит фраза, которой можно охарактеризовать карикатуру Филипона и его соратников: «Шутка – как чума: тех, кого она коснулась, обходят стороной»¹⁶. А вот повлиять на тех, кто действительно имел значительный политический вес, у Филипона не получилось. Например, Адольф Тьер, неоднократно подвергавшийся нападкам на страницах «Карикатюр» и «Шаривари», обладал достаточной властью, чтобы засадить их редактора за решетку – в тот самый бывший монастырь Святой Пелагеи.

В остальном же старания Филипона разоблачить тех, кто управлял страной, остались простым сотрясанием воздуха. Революции происходили независимо от появления карикатур на страницах его газет, одна политическая сила сменялась другой независимо от того, как к этому относились карикатуристы. Ничего не изменилось, революционеры остались революционерами, а роялисты – роялистами. В чем же причина двойного отношения историков и современников к Филипону?

Причины, вероятнее всего, следует искать в самих карикатурах, их тематике и настроении, а также в политической ситуации, в которой французская карикатура была вынуждена развиваться. Дело в том, что издания Филипона не только привлекали, но и отталкивали читателей. И действительно: собственно смешного в этих карикатурах было мало. Д. Керр, сравнивая их с английскими, пишет, что французской карикатуре был свойственен «едкий юмор и практически дикие образы, концентрирующие в себе почти животную ненависть»¹⁷. А историк П. Тиро-Данжен, сопоставив карикатуры, опубликованные в «Карикатюр» и «Шаривари» в период Июльской монархии, с карикатурами времен Второй империи, написал следующее:

Это было не веселое дурачество, не приятная сатира, не лукавая и нахальная шалость; это была продуманная и упрямая озлобленность, то притворная, то свирепая, всегда злая. Ее целью было не рассмешить, как делали чуть позднее карикатуры Шама¹⁸, а высвободить смертельную ненависть¹⁹.

В карикатуре Филиппона и его соратников практически не было и традиционной для этого жанра в Англии физиогномики. Несмотря на несомненно высокое техническое исполнение, французская карикатура того времени была куда менее разнообразна, чем английская. Например, созданный Филиппоном образ Луи-Филиппа в виде груши кочевал от художника к художнику (например, его использовали Домье, Травье, Буке, Грандвиль), и никто не стремился придумать какой-нибудь другой образ.

Возможно, английская карикатура была более популярна и более развита, поскольку она изначально была легальна. В Англии XIX в. не только разрешалась, но и приветствовалась – в определенной, разумеется, степени – критика правительства, поэтому карикатура как жанр не являлась обязательным средством разоблачения. Напротив, она служила средством выражения общественного мнения и призывала, в сущности, к своеобразному сотрудничеству государства с обществом.

Что касается Франции, то там карикатура родилась и развивалась в условиях оппозиции к государственному режиму. Если английские карикатуристы могли себе позволить работать не только над содержанием, но и над формой и способом подачи, разнообразием тем, жанровыми особенностями и т. д., то французы такой возможности не имели. Английская карикатура – это игра с общественно-политическим подтекстом, свежий взгляд на актуальные темы, приправленный острым юмором. Французская же карикатура – это обличительная злая сатира, цель которой – показать обществу не просто несовершенство, а мерзость и лживость поведения власти в любой общественно-политической ситуации. Именно поэтому французская карикатура XIX в. едка, радикальна и оппозиционна, содержание в ней всегда преобладает над формой. И возможно, именно поэтому популярность изданий Филиппона постепенно сошла на нет, и в 1841 г. они уступили место лидера европейской сатирической печати новому английскому журналу «Панч».

Примечания

- ¹ *Van Ypersele L.* La caricature et l'historien // *Images de la Wallonie dans le dessin de presse (1910–1961): Une enquête dans la presse d'action wallonne.* Louvain-la-Neuve: Fondation wallonne Pierre-Marie et Jean-François Humblet, 1993. P. 117.
- ² *Punch, or the London Charivari* – английский иллюстрированный сатирический журнал; основан Марком Лемоном в 1841 г. Издавался в Лондоне в течение более полутора веков. Закрыт в 1992 г.; в 1996 г. египет-

ский бизнесмен Мухаммед Фэйд купил права на издание «Панча», решив возродить легендарный журнал. Издание просуществовало до 2002 г., но не пользовалось особой популярностью.

- 3 *Vassor B.* Le père de «La Caricature» française: Charles Philipon et la presse parisienne au 19e siècle [Electronic resource] // Paperblog. URL: <http://www.paperblog.fr/1332969/le-pere-dela-caricature-francaise-charles-philipon-et-la-presse-parisienne-au-19-siecle/> (дата обращения: 27.11.10).
- 4 *Kerr D.S.* Caricature and French Political Culture, 1830–1848: Charles Philipon and the Illustrated Press. Oxford: Clarendon Press, 2004.
- 5 Приход к власти Наполеона вызвал рост политических карикатур в Англии. Наполеон стал частым персонажем карикатур известного английского художника Джеймса Гиллрея. Одна из самых ярких его работ на эту тему – «Пудинг в опасности» (1805), на которой Наполеон и английский премьер-министр Питт изображены поедаящими земной шар. (См. подробнее: *Шестаков В.П.* Гиллрей и другие...: Золотой век английской карикатуры. М.: РГГУ, 2004. С. 142.)
- 6 *Baridon L.* L'art et l'histoire de la caricature. P.: Citadelles&Mazenod, 2006; *Kerr D.S.* Op. cit.; *Vassor B.* Op. cit.
- 7 *Alexandre A.* L'Art du rire et de la caricature. P.: Quantin, Librairies-imprimeries réunies, 1892. P. 164.
- 8 *Alexandre A.* Honoré Daumier: L'Homme et l'oeuvre. P.: H. Laurens, 1888. P. 38.
- 9 Ibid. P. 117.
- 10 «Le Nain jaune» – сатирическая газета об искусстве, науке и литературе. Издавалась в Париже в 1814–1815 гг. Редакторы – Л.-А.-Ф. Кашо-Лемэр, Э. де Жуи и Ф.-А. Арель.
- 11 *Thackerray W.M.* The Paris Sketch Book // The Works of William Makepeace Thackerray. L.: Smith, Elder, 1877. Vol. 7. P. 135.
- 12 *Baridon L.* L'art et l'histoire de la caricature. P.: Citadelles&Mazenod, 2006. P. 151.
- 13 *Passeron R.* Daumier. Secacus: Poplar books, 1981.
- 14 *Rim C.* Au temps de Daumier, ou les régimes à l'essai. Grenoble: Arthaud, 1935. P. 86.
- 15 *Stendhal.* Mémoires d'un touriste. P.: Découverte, 1981. Vol. 1. P. 203–204.
- 16 *Viennet J.-P.* Fables // Journal de Viennet, Pair de France, témoin de trois régnes, 1817–1848. P.: Amoit-Dumont, 1955. P. 118.
- 17 *Kerr D.S.* Op. cit. P. 2.
- 18 Амеде де Ноэ Шам (1819–1879) – известный французский карикатурист второй половины XIX в.
- 19 *Thureau-Dangin P.* Histoire de la Monarchie de Juillet. P.: Plon, 1884. Vol. 1. P. 425–426.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПОСЛАНИЯ ИВАНА ГРОЗНОГО КАК ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ (послание Стефану Баторию 1581 г.)

Автор статьи исследует публицистические особенности дипломатических посланий Ивана Грозного на примере письма польскому королю Стефану Баторию 1581 г. В статье рассматриваются политические планы царя и с их учетом анализируются его приемы убеждения и манипуляции. Также автор касается вопроса возможного воздействия послания на современных Ивану IV читателей.

Ключевые слова: Иван IV Грозный, Стефан Баторий, дипломатическая переписка, публицистика, приемы убеждения, манипуляция, ирония, внешняя политика, восприятие читателей.

Ивана Грозного можно без преувеличения назвать, пожалуй, самым загадочным и противоречивым русским монархом. Жестокий самовластный царь был одновременно с этим образованнейшим человеком своего времени. Иван IV оставил после себя обширное литературное наследие, важную роль в котором занимают дипломатические послания. Образ Грозного-публициста обращает на себя внимание в том числе потому, что в XVI в. индивидуальные черты в литературных произведениях, как правило, не были еще ярко выражены. Не существовало еще самого понятия авторского стиля, оно лишь начинало зарождаться. Но сильная, противоречивая личность Грозного заявляла о себе в каждом из его произведений.

Другая важная заслуга Грозного как публициста заключается в том, что, как отмечает ряд ученых, он раньше большинства современников обратился в своих посланиях не только к обозначенным в них адресатам, но и к широкому кругу других читателей¹. Через послания он обосновывал свои действия в глазах грамотной части

русского общества, а в некоторых случаях и общества зарубежного. Публицистическое значение дипломатических посланий монархов той эпохи доказывается тем, что, помимо списков реальных посланий, широкое хождение имели и послания апокрифические, например приписываемые Ивану Грозному и Сигизмунду II Августу². Такие послания были призваны формировать общественное мнение в отношении каждого из правителей. Послание Стефану Баторию от 1581 г. номинально представляет собой ответ на письмо самого польского короля, фактически же у Ивана IV были и определенные политические задачи. Главной, но не единственной, целью его создания было установление временного перемирия между Польшей и Русью, сражавшимися в Ливонской войне. Письмо было написано в непростых для Грозного условиях: Московское царство было ослаблено военными действиями, был потерян ряд стратегически значимых городов. Успешное продолжение войны было вряд ли возможно без временной передышки, но теперь Баторий на мир не соглашался – русские посольства терпели неудачи³.

Несмотря на это Грозный не отходит в послании от своего знаменитого «кусательного стиля». С одной стороны, это обусловлено тем, что царю важно показать оппоненту свою силу, уверить его в ней, вопреки обстоятельствам, достичь, чтобы тот сам просил мира.

С другой стороны, царь надеялся, что списки послания Баторию попадут в руки не только ему, но и императору Рудольфу II. Иван IV начал налаживать отношения с Габсбургами, бывшими в свое время, как и он, соперниками Стефана Батория в борьбе за польскую корону⁴. Царь намекает Рудольфу II на возможность совместного выступления против турецкого султана и Стефана Батория, который до восхождения на польский престол был князем Трансильвании и, следовательно, турецким вассалом⁵. Намерения, на которые указывал Иван IV, были выгодны и папскому престолу, с которым царь также в срочном порядке пытался наладить хорошие отношения. Так, Грозный с доброжелательностью отзывался о Флорентийской унии 1439 г.⁶, которую раньше осуждал. Царь мог рассчитывать, что Папа Римский, узнав о его намерениях бороться с турецкой угрозой, вмешается в польско-русскую войну и прекратит ее, о чем Иван IV напрямую просил его ранее через посольскую миссию⁷.

Один из главных приемов манипуляции, на которых строится послание, – смена Иваном IV амплуа⁸.

В самом начале послания, при традиционном перечислении титулов обоих монархов, царь позволяет себе первый «укол», адресованный Стефану Баторию. Назвав свой полный титул и указав зем-

ли, которыми владеет, Иван IV добавляет «по божью изволению, а не по многоятежному человечества хотению»⁹. Грозный намекает на разницу между собой как наследственным государем и Баторием – королем, избранным на престол сеймом. Этот «выпад» против адресата строится на распространенном тогда взгляде на царскую власть¹⁰. Грозный сразу же перемещает себя в глазах читателя с позиции слабого на позицию сильного. В дальнейшем царь будет всячески доказывать оппоненту, что он хочет заключить мир только из нежелания «кровопролитства христианского»¹¹.

После этого выпада царь неожиданно надевает маску спокойствия. Пересказывая содержание дипломатического предыдущего письма Батория, он не выказывает признаков какого-либо недовольства или гнева. Он делает вид, что бесстрастно повторяет слова противника (или, возможно, додумывает, руководствуясь общим тоном послания): «<...> да еще прибавили к этому города, которые в прошлом году с помощью божьей перешли в твои руки <...>»; «Но ты предлагаешь это на наше усмотрение и решение, а сам ты ради блага христиан не собираешься этим малым делать разрушить больших»; «Тех же твоих купцов, которые без всякой вины задержаны в нашей земле, ты просишь добровольно выпустить <...>»¹².

Мнимое смирение со стороны Ивана IV призвано запутать оппонента, сделав его более уязвимым для нового «удара», а достичь такого эффекта Грозному помогает традиционная структура внешнеполитического послания. В деловой переписке того времени была распространена подобная манера ответа на письма. Вначале излагалось содержание документа или части документа, на который составлялся ответ или по которому принималось решение, и только затем шел сам ответ¹³. Таким образом, Иван IV обыгрывает саму форму дипломатического послания.

Описывая выдвигаемые Баторием условия мира, Грозный обращается к другому излюбленному приему – иронии: «<...> да еще уплатить *четыреста тысяч золотых червонцев* за твой убыток, что ты снаряжался, отправляясь воевать *наши* земли <...>»¹⁴.

Царь издевается над тем, что Баторий, вероятно, назвал польских королей своими предками. Грозный играет с этим словом, намекая на его неуместность:

Да и у предков твоих этого не было, чтобы нарушать то, о чем послы договорились; ты установил новый обычай! Прикажи искать во всех книгах: ни при Ольгерде, ни при Ягайле, ни при Витовте, ни при Казимире, ни при Альбрехте, ни при Александре, ни при Сигизмунде Первом, ни в наше время при Сигизмунде-Августе ни-

Н.А. Бачинская

когда не поступали по твоему новому обычаю. И если уж ты этих прежних государей называешь своими предками – чего же ты по их установлению не действуешь, а заводишь свои новые обычаи, которые приводят к пролитию невинной христианской крови?¹⁵

Необходимый Грозному эффект строится на том, что в этом отрывке он перечисляет королей династии Гедиминовичей, никто из которых не был предком Батория¹⁶. Кроме того, царь указывает – апеллируя к традиции – на некомпетентность Батория как монарха.

Сильное эмоциональное воздействие на читателя производит описание нападения противника на город Сокол:

Тем временем твой воевода Виленский, придя со многими людьми к Соколу, необыкновенным способом зажег город Сокол и перебил наших людей, а над мертвыми надругался беззаконным образом, как не слыхано и у неверных; убить кого-нибудь в бою и оставить – это военный обычай, а твои люди поступили собачьим обычаем: выбирали трупы лучших воевод и детей боярских, разрезали у них животы и вынимали у них сало и желчь, как бы для колдовства¹⁷.

Грозный косвенно укоряет противника в колдовстве, т. е. связи с дьяволом, ведь по законам средневекового мышления¹⁸ обвинение «людей» распространялось и на самого Батория. Кроме того, Иван IV использует еще один прием: при помощи отдельных натуралистических деталей он создает запоминающийся образ, действующий сильнее, чем любая логическая аргументация.

Противопоставление Грозного и Батория – одна из стержневых тем послания. Грозный стремится выработать у читателя стойкие негативные ассоциации с оппонентом и положительные – с собой. Так, традиционную для того времени оппозицию «духовные ценности – материальные ценности» Иван IV «накладывает» на созданные им образы обоих участников спора. Царь пишет: «По-христиански ли твои паны говорят: проливать христианскую кровь не жалеют, а о расходах жалеют?»¹⁹ Это противопоставление не случайно: для средневекового человека духовные ценности обозначают близость к Богу, материальное же «ниже», «хуже» духовного²⁰. Посредством этой оппозиции Иван IV снова утверждает идею (прямо, однако, не выражаемую), что Бог на его стороне.

В этом же отрывке Иван IV пользуется приемом «чтения в сердцах» (апелляции к скрытым мотивам)²¹, приписывая оппоненту безразличие к пролитию крови, а себя представляя кротким и сми-

ренным: «Таких укоров мы не слышали ни от турецкого, ни от иных бусурманских государей. Но мы, все еще сохраняя терпение, чтобы не допустить пролития христианской крови, послали к тебе дворянина Григория Афанасьевича Нащокина <...>»²². Сравнение с иноверцами служит цели представить оппонента в негативном свете. Мотив вражды к «бесерменам» будет неоднократно повторяться в послании и в более очевидных формах, по всей видимости, с расчетом на то, что содержание письма узнает Папа Римский.

Грозный неоднократно использует аргумент к личности. В его посланиях часто встречается оценочная лексика: «и мы, услышав о таком *неподобающем* деле», «ты город Полоцк *изменою* взял», «и прислал в неё своих *смутьянов-ротмисторов*», «*ухищряясь* как-нибудь *прибрать к рукам* Ливонскую землю»²³ и др. Иван IV объявляет, что у поступков Батория нет никаких причин, кроме жажды крови, приписывает ему отсутствие логики и жестокость. Царь использует этот некорректный, но эффективный с точки зрения манипуляции аргумент, чтобы доказать необоснованность притязаний оппонента на Ливонские земли.

Иногда иронический гротеск проявляется в кратком и колком замечании: «Скоро начнешь взыскивать и то, что при Адаме потеряно!»²⁴

Грозный может иронически обыгрывать значение того или иного слова, соединяя семантически несоединимые единицы: «Мы тебе о том не били челом, чтобы ты сделал милость, воевал с нами!»²⁵ При этом царь выявляет и нелогичность жалоб оппонента, который, как он представляет, сам развязал войну.

Цитирование – прием, характерный для Средних веков. Чтобы обосновать то, что он считает Ливонские земли своими, царь цитирует слова другого князя Литовского – Сигизмунда II Августа²⁶. При этом царь пересказывает смысл его слов в косвенной речи и только в наиболее значимый момент приводит их как прямую цитату. Таким образом, царь расставляет смысловые акценты, помимо прочего, увеличивая достоверность текста в глазах читателя. Когда ему важно дать свою интерпретацию того, что говорили представители Батория, Иван IV переводит цитату в косвенную речь и добавляет к ней собственную оценку, тем самым смешивая в глазах читателя факты и их интерпретацию.

Грозный часто пользуется словами-уловками, призванными сформировать у читателя ощущение едва ли не абсолютной истинности его слов: «и тому дивиться нечому!», «и о том, что много и говорити!», «и то уже указано», «ино то давно ведомо»²⁷. Прием основан на том, что Грозный, выдвигая какой-либо тезис, объявляет его общеизвестным. Неловкость за свою неосведомленность может

помешать читателю усомниться в этих якобы общеизвестных вещах. Не случайно этот прием манипуляции называют ставкой на ложный стыд.

Служит целям Грозного и композиция послания. Основную полемическую атаку Иван IV оставляет на конец дипломатического письма. Грозный намекает Стефану Баторию на то, что это перемирие не так уж необходимо, как могут подумать, и теперь царь сам намерен продолжать войну. Царь выдвигает жесткие условия перемирия, прибегает к упрекам, обвинениям в недостойном поведении и даже брани. В финальном пассаже звучит мрачная ирония, которую сменяет неожиданный жесткий вывод, выдержанный в библейском стиле, которым Грозный владел блестяще²⁸: «Мы ведь предлагаем добро и для нас и для тебя, ты же несговорчив, как осел, и стремишься к битве; бог в помощь! Уповая на его силу и вооружившись крестоносным оружием, ополчаемся на своих врагов»²⁹.

Тематически-стилистическое изучение дипломатических посланий Ивана Грозного свидетельствует о том, что они обязательно должны рассматриваться как важная часть его публицистического наследия. В посланиях, как и в других его произведениях, царь выступает виртуозом публицистического текста, эффективно использовавшим приемы своего времени, а возможно, и предвосхитившим некоторые современные приемы убеждения и манипуляции.

Примечания

- ¹ См.: *Каравашкин А.В.* Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. М.: Прометей, 2000. С. 215; *Лурье Я.С.* Был ли Иван IV писателем? // Труды отдела древнерусской литературы. Л.: Изд. АН СССР, 1958. Т. XV. С. 507.
- ² *Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Представления об этнической номинации и этничности XVI–XVIII веков. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. С. 158–159.
- ³ Послания Ивана Грозного / Подг. текста Д.С. Лихачева и Я.С. Лурье; Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб.: Наука, 2005. С. 656.
- ⁴ *Филюшкин А.И.* Иван Грозный на польском престоле // Родина. 2004. № 11. С. 19–23.
- ⁵ *Лурье Я.С.* Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV // Послания Ивана Грозного. С. 514–515.
- ⁶ *Иван Грозный.* Послание польскому королю Стефану Баторию (1581) // Послания Ивана Грозного. С. 229.
- ⁷ *Лурье Я.С.* Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV. С. 515.

- ⁸ См.: *Лихачев Д.С.* Сочинения царя Ивана Васильевича Грозного // Лихачев Д.С. Избранные работы. Л., 1987. Т. 2. С. 286.
- ⁹ *Иван Грозный.* Послание польскому королю Стефану Баторию (1581). С. 213.
- ¹⁰ См.: *Каравашкин А.В.* Указ. соч. С. 141–142.
- ¹¹ *Иван Грозный.* Послание польскому королю Стефану Баторию (1581). С. 228.
- ¹² Там же. С. 214.
- ¹³ См.: *Шмидт С.О.* Заметки о языке посланий Ивана Грозного // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1958. Т. XIV. С. 258.
- ¹⁴ *Иван Грозный.* Послание польскому королю Стефану Баторию (1581). С. 215.
- ¹⁵ Там же. С. 217.
- ¹⁶ Послания Ивана Грозного. С. 660.
- ¹⁷ *Иван Грозный.* Послание польскому королю Стефану Баторию (1581). С. 218–219.
- ¹⁸ *Ивин А.А.* Теория аргументации: Учеб. пособие. М.: Гардарики, 2000. С. 328–329.
- ¹⁹ Там же. С. 222.
- ²⁰ *Бицилли П.М.* Элемент средневековой культуры. СПб.: Мифрил, 1995. С. 21.
- ²¹ См.: *Ивин А.А.* Указ. соч. С. 386; *Мкртычян С.В.* Белая риторика, черная риторика: Материалы интеллектуальных тренингов по развитию навыков ведения полемики. Тверь: Глагол, 2007. С. 106.
- ²² *Иван Грозный.* Послание польскому королю Стефану Баторию (1581). С. 219–220.
- ²³ Там же. С. 217, 218, 225.
- ²⁴ Там же. С. 231–232.
- ²⁵ Там же. С. 235.
- ²⁶ Там же. С. 224–225.
- ²⁷ Там же. С. 228, 234.
- ²⁸ *Адрианова-Перетц В.П.* Очерки поэтического стиля древней Руси. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 62.
- ²⁹ *Иван Грозный.* Послание польскому королю Стефану Баторию (1581). С. 238.

А.Г. Готовцева

КАК «ПРИРОДА» ОБЕРНУЛАСЬ «СВОБОДОЙ»:
К ИСТОРИИ ПУБЛИКАЦИИ
ОДНОГО ПУШКИНСКОГО ТЕКСТА В ЖУРНАЛЕ
«СОРЕВНОВАТЕЛЬ ПРОСВЕЩЕНИЯ
И БЛАГОТВОРЕНИЯ»

В статье рассматривается контекст появления в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения» стихотворения А.С. Пушкина «Ответ на вызов написать стихи в честь ее императорского величества государыни императрицы Елизаветы Алексеевны» (1819). Смысл стихотворения раскрывается на широком общественно-политическом фоне, изобилующем стихотворными посвящениями императрице.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, журналистика, императрица, Елизавета Алексеевна, благотворительность, журнал «Соревнователь просвещения и благотворения», Ф.Н. Глинка, свободолюбивая лирика, любовная лирика.

В 1819 г. в десятом номере журнала «Соревнователь просвещения и благотворения», издававшегося Вольным обществом любителей российской словесности, впервые было опубликовано одно знаменитое пушкинское стихотворение. Оно носило длинное и витиеватое название: «Ответ на вызов написать стихи в честь ее императорского величества государыни императрицы Елизаветы Алексеевны». Однако в историю русской литературы это стихотворение вошло под заглавием гораздо более кратким. Беловой автограф был озаглавлен «К Н.Я.П.». В 1899 г. эти инициалы были раскрыты: под ними скрывалась Наталья Яковлевна Плюскова. Плюскова была фрейлиной императрицы Елизаветы Алексеевны – жены Александра I, и инициалы, поставленные Пушкиным в заглавие стихотворения, выглядят вполне логично¹. В собраниях сочинений поэта это стихотворение печатается под названием «К Н.Я. Плюсковой»:

© Готовцева А.Г., 2011

На лире скромной, благородной
Земных Богов я не хвалил;
И силе в гордости свободной,
Кадилом лести не кадил.
Природу лишь умея² славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожден царей забавить
Стыдливой музою моей.
Но признаюсь, под Геликоном,
Где Кастилийский ток шумел,
Я, вдохновенный Аполлоном,
Елизавету втайне пел.
Небесного земной свидетель,
Воспламененною душой
Я пел на троне добродетель
С ее приветною красой.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой;
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа³.

К этому тексту, как и ко всем другим пушкинским стихам, оказалось привлечено пристальное внимание исследователей. В дореволюционном литературоведении стихотворение толковалось двояко. Одни, как Л.Н. Майков, видели в нем «благородное гражданское направление... которым проникнуты многие из тогдашних пьес Пушкина»⁴. Другие же рассматривали текст как «независимое от каких-либо доктрин творчество», вызванное «искренним чувством». Пушкинские строки рассматривали как противоположность похвальным стихам, проникнутым «безжизненностью и холодностью» и «не согретым вдохновеньем»⁵. «На “придворные” стихи пьеса совсем не похожа, – отмечал один из исследователей. – За это говорит неподдельная искренность тона»⁶.

Советские исследователи трактовали это стихотворение как безусловно гражданское. Так, Ю.Г. Оксман считал его «легально-опозиционным» произведением и ставил в один ряд с «Вольностью» и «Деревней»⁷. Здесь уже видна некоторая натяжка: «Вольность» и «Деревня» никогда не были и не могли быть опубликованы, «Ответ...» же вполне легально увидел свет на страницах журнала.

В 1936 г. вышла статья А.Н. Шебунина «Пушкин и “Общество Елизаветы”»⁸, посвященная вопросу о происхождении пушкинского текста. Шебунин связывает это стихотворение с политической программой председателя Вольного общества Ф.Н. Глинки, кото-

рую он пытался пропагандировать через «Соревнователь». В 1820 г. на так называемых Петербургских совещаниях Союза благоденствия произошла дискуссия, в которой Глинка высказал мнение о том, что именно Елизавету следует возвести на российский престол. По мнению Шебунина, вокруг Елизаветы Алексеевны сгруппировались определенные силы, способные в нужный момент поддержать Союз благоденствия и лично Глинку в его планах возведения императрицы на престол. Сама императрица была очень близка в своих политических взглядах к ряду видных вельмож, недовольных политикой императора Александра. В случае возможной перемены правления, считает Шебунин, она вполне устраивала этот круг в качестве монархини: «Таким образом, можно считать, что <...> мечтая о возведении на престол Елизаветы Алексеевны, Глинка завязывал связь с группой просвещенных аристократов <...> недовольных <...> политикой Александра. И по личным отношениям, и по политическим симпатиям эта группа могла объединиться вокруг Елизаветы Алексеевны и выдвинулась бы на первый план в случае возведения императрицы на престол»⁹. Шебунин, однако, оговаривается: «У нас нет оснований считать, что Глинка оказал какое-либо влияние на написание Пушкиным его стихотворения в честь Елизаветы Алексеевны». По его мнению, есть основания лишь «полагать, что он (Глинка. – А. Г.) использовал эти стихи для своей агитации»¹⁰.

Далее история комментирования этого пушкинского текста развивалась по линии усиления гражданской составляющей. Часто исследователи доходили до прямых курьезов: в 1947 г. вышел очередной том Полного собрания сочинений Пушкина. В комментарии к стихотворению «К Н.Я. Плюсковой» было сказано: «Печатается по “Соревнователю” с заменой журнального заглавия заглавием белого автографа (с раскрытием фамилии в заглавии) и с заменой в ст. 5 слова “Природу” словом “Свободу”»¹¹. В итоге эта пятая строка зазвучала следующим образом:

Свободу лишь учася славить...

На произвольную перемену слов в этом стихотворении обратил внимание В.Д. Рак: «Нужно очень глубоко “влипнуть” в боготворимого поэта или вознестись в горнии сферы, чтобы, печатая в послании “К Н.Я. Плюсковой” стих “Свободу лишь учася славить” и помещая на параллельном развороте уменьшенный снимок автографа, не заметить, что там он читается “Природу лишь умея славить”, и не объяснить, что Пушкин слегка “порозовел” по воле М.А. Цявловского, “улучшившего” текст вариантом из неавторитетной копии»¹².

Однако замена «природы» на «свободу» стала в советское время правилом: она позволяла, идя вслед Шебунину, еще более социально заострять пушкинский текст, сделать Пушкина идейным сторонником Глинки. Исследователей не смущал даже тот факт, что совещания о судьбе императорской фамилии, на которых выступал Глинка, произошли на несколько месяцев позже публикации пушкинского произведения¹³.

Так, Б.В. Томашевский в двухтомной монографии «Пушкин», трактуя «Ответ...» вполне в соответствии с мнением Шебунина, писал, что стихи подверглись в печати «цензурному изменению, вместо слова “свобода” было поставлено “природа”». «Пушкину приходилось приспособлять печати стихотворение, весь смысл которого был за пределами цензуры», – писал исследователь¹⁴.

М.В. Нечкина, двухтомная монография «Движение декабристов» которой стала фундаментом советского декабристоведения, выражается определенно: «Первый круг политических действий Вольного общества, по-видимому, связан с прославлением императрицы Елизаветы, сторонником возведения которой на престол был декабрист Федор Глинка. Союз благоденствия держался в ту пору ориентации на конституционную монархию. Именно Ф. Глинка и начал “кампанию” в пользу Елизаветы, втянув в орбиту действий общества и молодого А.С. Пушкина. Пушкинское произведение “В ответ на вызов написать стихотворение в честь императрицы Елизаветы Алексеевны” и было откликом на агитацию Ф. Глинки. Рассматривая этот вопрос, надо со всей отчетливостью подчеркнуть, что существо дела вовсе не в прославлении добродетельной и кроткой императрицы и отнюдь не в дворцовой интриге “предпочтения” на самодержавном троне жены – мужу. Речь идет о конституционной монархии, о ликвидации абсолютистского режима, о введении представительного правления, обеспеченного конституцией. Естественно, слабая женская тень на троне при российском парламенте и депутатах была выгоднее для молодых русских конституционалистов, нежели какая-либо “энергичная” фигура солдафона из дома Романовых. Агитация за Елизавету являлась поэтому, так сказать, левым направлением в рамках идеологии конституционной монархии, которая была свойственна декабристам на раннем этапе Союза благоденствия»¹⁵.

В.Г. Базанов в монографии «Ученая республика» резюмирует: «Можно сказать, что Глинка в 1819 году увлек и Пушкина, который откликнулся стихотворением “В ответ на вызов написать стихи в честь императрицы Елизаветы Алексеевны”»¹⁶.

В новейшем литературоведении «революционность» пушкинского текста была отвергнута как «совершенно необоснованная»¹⁷. Исследователи, напротив, стали считать эти строки строками лю-

бовной лирики. Они, по мнению исследователей, говорят о тайной любви поэта к императрице¹⁸. Исследователи уверены: «Пушкин пишет стихотворение, в котором горячо и открыто признается в исключительном отношении к императрице»¹⁹.

Представляется, что «рациональное зерно» есть и в том и в другом мнении²⁰. Стихотворение Пушкина действительно имело актуальный политический подтекст, но не тот, о котором говорит А.Н. Шебунин.

Императрица Елизавета Алексеевна, супруга Александра I, вызывала у современников уважение и сочувствие. Нелюбимая, брошенная супруга, кроткая и смиренная женщина, добродетельная государыня – она вдохновляла поэтов и художников, всячески оказывала им покровительство, живо интересовалась изящными искусствами. Ее конституционалистские политические взгляды были основаны на множестве прочитанных книг.

«Культ Елизаветы» в «Соревнователе» действительно существовал, но его инициатором вовсе не был Глинка, и возник он не в связи с чаяниями видеть Елизавету правящей императрицей.

Еще в 1818 г., в 5-м номере журнала, появилось стихотворение секретаря Вольного общества А.А. Никитина за подписью «А. Н.....нь» и под заглавием «Отсутствие Северной богини» (С. 205–215). Написано же оно было еще раньше: 23 сентября 1817 г. Никитин читал его на общем собрании Вольного общества, о чем к тексту дается соответствующее примечание: «Сочинение сие читано было в публичном собрании Общества 23 сентября истекшего года, в самый день отъезда Ее императорского величества Всемиловитвейшей государыни императрицы Елизаветы Алексеевны в Москву» (С. 205). В начале осени 1817 г. императрица действительно покинула Петербург и отправилась в Москву, где она провела всю осень, зиму и часть следующего года²¹.

Стихотворение повествует о том, как замерла жизнь в северной столице после отъезда государыни. Об отсутствии «северной богини» грустят все – река Нева, пловец, рыбак, жнецы и поселянки:

От чего?.. Но вдруг мгновенно
Раздался на стогнах глас:
«Мест Богиня сих бесценна
Удаляется от нас;
Увлекает за собою
Все блаженство наших дней
И прекрасною весною
Не пленимся мы без ней.

Как «природа» обернулась «свободой»...

Расцветут луга шелковы
Лишь Москвы на берегах,
Воды снимут там оковы,
Запоют певцы в кустах...»

<...>

Древня Русская Столица
Пусть увидит образ твой!
Пусть счастливая денница
Воссияет над Москвой!

<...>

Научи ты суеверов
Вере истинной святой;
Устыди ты лицемеров
Добродетелью – собой!
Но среди благих деяний
Вспомни также и о нас;
И средь гимнов, восклицаний
Не забудь возврата час.
Возвратись – сирот отрада,
Возвратись – надежда вдов,
Возвратись – наук ограда,
Возвратись – в бедах покров!
Возвратись – и всей природе
Возвратится вид иной,
Оживут сердца в народе,
И воскреснет наш покой!

В целом стихотворение написано в выражениях, близких к пушкинским. Елизавета именуется «добродетелью», говорится о ее «благих деяниях», о «гимнах», которые ей пели все вокруг о «любви» к ней, а также о «народе», которого императрица должна быть «утехою» и которого «воскреснет покой», только когда Елизавета вернется в Петербург.

Никитин недаром называл государыню «сирот отрадой» и «надеждой вдов», упоминая о ее «благих деяниях»: имя ее было тесно связано с российскими традициями благотворительности.

Ознакомившись в 1819 г. с комплектом журнала, поднесенным ей секретарем Н.М. Лонгиновым, императрица пожертвовала обществу 200 руб. и изъявила свое внимание к его трудам и благоволение (№ 8. С. 246). В 9-м номере «Соревнователя» за 1819 г. сообщалось: «Из дарованной ее императорским величеством государынею императрицею Елизаветою Алексеевною суммы выдано Обществом 50 рублей в пособие вдове титулярной советнице Со-

А.Г. Готовцева

фье Ледуховской, обремененной шестью малолетними сыновьями» (С. 361).

В 12-м номере за этот же год находим стихотворение самого Глинки (подписанное ...ъ...) под заглавием «К бюсту венценосной благотворительницы бедных, сирот и несчастных»:

Царица кроткая, краса земных царей,
Божественный твой лик достоин алтарей,
Достоин он блистать в великолепном храме
В сиянии золота и радужных огней
И благовонном фимиаме...
Но дивной благостью осмелены твоей,
Для Россов образ твой и милой, и священной
Мы ставим в хижине смиренной,
И только... только лишь тобой
Как добрым ангелом хранимой.
О, милосердная! Здесь все тобой одной
Живет, и чувствует, и дышит –
И часто, в тишине ночной
Создатель о тебе сердец моления слышит (С. 88–89).

К тексту есть примечание: «Семейство г-на NN, находясь в самой крайней бедности, удостоилось недавно Всемиловейшего покровительства Императрицы Елизаветы Алексеевны. Ангельская заботливость Венценосной Благодетельницы переменила судьбу несчастных. Они перешли на лучшую, хотя небогатую квартиру, и знакомые доброго NN прислали ему на новоселье бюст его Благотворительницы и при том стихи, здесь напечатанные» (С. 88).

Впоследствии каждый год в «Соревнователе» появлялись сведения о пожертвованиях императрицы как в пользу Общества соревнователей, так и на другие нужды²².

Благотворительность стала своеобразной «визитной карточкой» Елизаветы Алексеевны в глазах современников. С.А. Саблукова (в замужестве княгиня Мадатова), фрейлина Елизаветы Алексеевны в 1816–1824 гг., вспоминала: «Государыня отличалась замечательной самоотверженностью, так, например, она постоянно отказывалась брать миллион дохода, который получают императрицы, довольствуясь 200 т. руб., которые ассигнуются великим князьям. Все 25 лет император уговаривал ее брать эти деньги, но она всегда отвечала, что Россия имеет много других расходов, и брала на туалет, приличный ее сану, всего 5 т. руб. в треть, что составляет 15 т. руб. в год. Все остальное издерживалось ею исключительно на дела благотворительности в России и на учреждение воспитательных заведений»²³.

«Значительное место в жизни Елизаветы занимала благотворительная деятельность, деньги на которую она брала из своих личных средств... Она была попечительницей Дома трудолюбия (позднее Дом трудолюбия был переименован в Елизаветинский институт) и Патриотического института, основанного для сирот воинов, убитых в Отечественную войну 1812 г. На эти учебные заведения императрица тратила огромные деньги, следила за тем, чтобы преподавание там шло на высоком уровне», – констатирует биограф императрицы С.В. Привалихина²⁴.

При этом ее деятельность на этом поприще была скромной, тайной. И в этом смысле составляла резкий контраст с деятельностью вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Родственник обеих императриц, известный историк великий князь Николай Михайлович, утверждал: «В те времена мало кто знал об этой (благотворительной. – А. Г.) деятельности императрицы. Как известно, женское воспитание было сосредоточено в руках вдовствующей государыни Марии Федоровны, которая энергично и умело вела это дело <...> Между тем, императрица Елизавета творила тоже много добра, но, повторяем, никто или очень мало людей было посвящено в это при жизни государыни. После ее кончины многое стало известно»²⁵. «Несмотря на нравственные волнения, императрица Елизавета неустанно продолжала заботиться о делах благотворительности, работая келейно, скромно и мало заметно для современников»²⁶.

Вообще Мария Федоровна демонстративно отодвигала Елизавету на второй план, «подчеркивая, что не Елизавета, а она истинная хозяйка русского императорского двора». «Мать императрица Мария Федоровна любила роскошь и многолюдные придворные пышные увеселения. Мария Федоровна сделала все, чтоб центром императорского двора был ее личный двор»²⁷. Укажу в скобках, что вдовствующая императрица не хотела отставать от невестки даже на поприще пожертвований в пользу Вольного общества и ее имя изредка появляется рядом с именем Елизаветы Алексеевны²⁸.

Однако симпатии современников все равно были на стороне Елизаветы. С.С. Уваров, попечитель Санкт-Петербургского учебного округа, ближайший сотрудник императрицы в делах благотворительности и будущий николаевский министр народного просвещения, вспоминал о ней: «Тридцать лет жизни императрицы Елизаветы в избранном ею отечестве были выражением добродетели без чванства и благодеяний без огласки»²⁹.

Пушкин «втайне пел» Елизавету Алексеевну вовсе не потому, что скрывал свои политические чаяния, ведь стихотворение было вполне легально напечатано в журнале. Дело было в том, что им-

ператрица не хотела огласки ее благотворительной деятельности и поэт не смел нарушить ее волю: «Добродетельная Елизавета не упускала случая не только помогать таким (страдающим от переменчивости фортуны. – А. Г.), но еще отыскивать подобных и облегчать участь их. Чувства сердца ее были при сем случае столь нежны, что она, казалось, страшилась самого своего благотворения, страшилась, чтобы слава ее благодеяния не повредила ее смирению, не сделала ее известною. Следуя в точности священным правилам религии, она полагала единственным благом в мире сем добродетель».

Окружаемая людьми достойными, она чрез них изливала свои благодеяния, и всегда таковые ее действия покрыты были завесой непроницаемости; чуждаясь похвал, она творила добро для одного добра, чуждаясь славы земной, она убежала и малейшей тени ее.

По сану царскому удостаивала покровительства своего многие из благотворительных заведений государства, но более благодетельствовала втайне»³⁰.

То, что Пушкин «пел на троне добродетель», тоже объясняется вовсе не политическим подтекстом. Словами «добродетель», «добродетельная» современники очень часто характеризовали императрицу Елизавету. В частности, пушкинские строки почти дословно повторяют слова протокола Общества соревнователей, в котором члены Общества изъявляют Н.М. Лонгинову «совершеннейшую и справедливейшую благодарность за ходатайство его у *престола Мудрости и Добродетели*»³¹. И то, что поэт – «земной свидетель» «небесного», т. е. благотворительности императрицы, ее богоугодных дел, – воспел это «небесное», вовсе не является выражением его вольнодумства или каких-либо мыслей о смене государя на троне.

Однако стихотворение Пушкина безусловно имеет отношение и к любовной лирике – о чем свидетельствуют знаменитые строки «Любовь и тайная свобода / Внушали сердцу гимн простой <...>». По-видимому, Пушкин действительно влюблен в государыню – и был в своих чувствах не одинок. «Ее ум имел свойство созерцания, позволявший ей видеть во всем окружающем серьезную сторону, но вместе с тем пылкое и богатое воображение придавало этому строгому уму прелесть и грацию простоты; совокупление этих качеств порождало то обаятельное действие, которое невозможно описать <...> Императрица поражала с первым впечатлением своим здравым смыслом, умом строгим и просвещенным и совершенной простотой <...> Ее сила воли над собой, сияние ее высоких добродетелей, отчуждение ее высокого положения, в которое судьба

Как «природа» обернулась «свободой»...

ее поставила, все придавало ее личности нечто величественное, внушающее уважение и обожание», – вспоминал о Елизавете Уваров³².

«Эта государыня соединяла в себе редкие качества ума и сердца, ее кроткий, любезный характер очаровывал всех, кто имел счастье приблизиться к ее особе. Своим приятным симпатичным голосом она могла обворожить всякого, явившегося к ней с жалобой или каким-либо объяснением. Врожденная грация, о которой рассказывали все видевшие ее при приезде в Россию, и стройный стан делали ее подобной нимфе». И далее: «Приятный звук ее голоса мог очаровать самого равнодушного человека, а ее симпатичный взгляд располагал в ее пользу самых холодных людей», – вторила С.А. Мадатова³³.

Современники единодушны в оценках: в эту женщину нельзя было не влюбиться. В Елизавету, когда она была еще великой княгиней, влюбился Платон Zubov, последний фаворит великой Екатерины, поляк Адам Чарторыйский, друг юности Александра I, сумел добиться от нее взаимности, красавец-кавалергард Алексей Охотников поплатился за свою любовь жизнью. Пылко влюблен был Н.М. Карамзин. Собственно, он почти не скрывал этого и посвящал «добродетели на троне» проникновенные стихи, «может быть, последние в жизни»³⁴:

Корона на главе, а в сердце добродетель;
Душой пленяет ум, умом душе мила;
В благотворениях ей только Бог свидетель;
Хвалима... но пред ней безмолвствует хвала³⁵.

Для нее рисовал этюды Федор Толстой³⁶, в нее, надо думать, был влюблен и Федор Глинка. Даже «печальный газетчик» князь Петр Шаликов, издатель «Дамского журнала», отметил в числе почитателей императрицы:

Монархиня! Дерзну ль – дерзну ль в земных вещах
Сретать подобие души твоей небесной?
Как твой священный дар, она звездой прелестной
В непомерцаемых сияет нам лучах!³⁷

Таким образом, слово «любовь» наряду со словом «добродетель» – одно из ключевых в пушкинском тексте. Причем поэт говорит здесь, видимо, не столько о своей любви, сколько о том, что Елизавета Алексеевна «внушала» «гимны» «сердцам» всех, кому приходилось с ней общаться. В этом смысле «неподкупный голос» поэта был поистине «эхом русского народа». «Православная цер-

ковь наша обрела в ней дочь преданнейшую, науки покровительницу, искусства и художества подпору и ободрение, словом, не было ни одного россиянина, который не почитал ее матерью»³⁸, – сказано в посмертном панегирике императрице.

Сложнее понять словосочетание «тайная свобода». Гражданский смысл слова «свобода» – освобождение от тирании – действительно очень характерен для ранних стихотворений Пушкина. И для исследователя всегда существует соблазн прочитать «тайную свободу» именно так.

Однако в актуальном контексте эпохи «свобода» была явно более многозначной. Например, М.М. Сперанский утверждал: «Свобода есть власть над самим собою». Свободу он определял через понятие «любовь»: «Любовь и свобода суть одно и то же. Любовь есть союзность, свобода есть самостоятельность. Одно бытие союзное есть бытие самостоятельное»³⁹.

Должно быть, в данном случае Пушкин близок к такой трактовке «свободы», предложенной Сперанским. А поскольку открыто выражать свою любовь к императрице простому смертному было невозможно, «свобода» становится «тайной» и должна прочитываться как тайная любовь или как свобода тайно любить.

Специальных работ, посвященных роли журнала «Соревнователь просвещения и благотворения» в историко-литературной ситуации 20-х годов XIX в., не существует. Между тем российская журналистика 10–20-х годов XIX в. имела специфические особенности. Официальные газеты, такие как «Санкт-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости», печатали по преимуществу официальные сообщения. Каким-либо аналитическим материалам в них места не было. Таким образом, выразителем общественного мнения стали журналы. Однако в силу сложившейся традиции, закрепленной циркулярами министра духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицына, всякое рассуждение о современном развитии Российской империи, ее внутренней и внешней политике запрещалось. «Такие статьи (обсуждающие действия правительства. – А. Г.) могут быть токмо печатаемы, когда правительство, по усмотрению своему, само находит то нужным и дает свое приказание, без которого ни под каким видом не должно быть печатаемо ничего ни в защищение, ни в опровержение распоряжений правительства», – гласил циркуляр⁴⁰.

Соответственно, художественная литература приняла на себя функцию публицистики: писатели облакали в художественную форму не только личные переживания, но и волновавшие

их актуальные общественные проблемы. Случай с пушкинским посланием императрице показателен: чтобы адекватно понять смысл того или иного стихотворения, необходимо – по возможности – проделать большую работу по восстановлению контекста.

Примечания

- ¹ См. об этом: *Майков Л.Н.* Пушкин: биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб.: Л.Ф. Пантелеев, 1899. С. 89.
- ² В опубликованном в журнале тексте строчка эта выглядит следующим образом: «Природу лишь учась славить...» Однако в 12-м номере журнала за тот же 1819 г., в списке опечаток, это слово исправлено на «умея».
- ³ *Пушкин А.С.* Ответ на вызов написать стихи в честь ее императорского величества государыни императрицы Елизаветы Алексеевны // Соревнователь просвещения и благотворения (далее – Соревнователь). 1819. Ч. 8. № 10. С. 70–71.
- ⁴ *Майков Л.Н.* Указ. соч. С. 89.
- ⁵ *Поливанов Л.И.* [Комментарий] // Пушкин А.С. Сочинения с объяснениями их, сводом отзывов критики: [В 5 т.]. М.: Изд. Л. Поливанова для семьи и школы, 1887. Т. 1. С. 75.
- ⁶ *Лернер Н.* [Комментарий] // Пушкин: [В 6 т.] / Под ред. С.А. Венгерова. СПб., 1907. С. 508.
- ⁷ *Оксман Ю.Г.* Вступительная статья // Катенин П.А. Воспоминания о Пушкине // [А.С. Пушкин: Исследования и материалы] М.: Журнально-газетное объединение, 1934. С. 626. (Лит. наследство. Т. 16–18.)
- ⁸ *Шебунин А.Н.* Пушкин и «Общество Елизаветы» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: АН СССР, 1936. [Вып.] 1. С. 53–90.
- ⁹ Там же. С. 84.
- ¹⁰ Там же. С. 66.
- ¹¹ *Благой Д.Д., Бонди С.М., Зенгер Т.Г., Измайлов Н.В., Медведева И.Н., Цявловский М.А.* Примечания // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: АН СССР, 1947. Т. 2. Кн. 2. С. 1038.
- ¹² *Рак В.Д.* О кризисе академического пушкиноведения и подметках великих пушкинистов // Нева. 2003. № 1. С. 205. Следует отметить, что «порозовел» Пушкин несколько раньше: в некоторых дореволюционных собраниях его сочинений вместо «природа» тоже напечатано «свобода» (см., напр.: *Пушкин А.С.* Сочинения: [В 6 т.]. 3-е изд., испр. и доп. / Под ред. П.А. Ефремова. СПб., 1880. Т. 1. С. 226; *Он же.* Сочинения с объяснениями их, сводом отзывов критики: [В 5 т.] / Изд. Л. Поливанова

- для семьи и школы. М., 1887. Т. 1. С. 75; Пушкин: [В 6 т.] / Под ред. С.А. Венгерова. СПб., 1907. С. 507.
- 13 Написан «Отзыв...» был еще раньше, в 1818 г. О датировке см.: *Костин В.И.* Пушкин и журнал «Соревнователь просвещения и благотворения» // Пушкин А.С.: Статьи и материалы. Горький: [б.и.], 1971. С. 66–72. (Уч. зап. Горьк. госуд. ун-та им. Н.И. Лобачевского; Вып. 115).
- 14 *Томашевский Б.В.* Пушкин: В 2 т. М.: Худ. лит., 1990. Т. 1. С. 163.
- 15 *Нечкина М.В.* Движение декабристов: В 2 т. М.: АН СССР, 1955. Т. 1. С. 258.
- 16 *Базанов В.Г.* Ученая республика. М.; Л.: Наука, 1964. С. 98.
- 17 *Рахматуллин М.А.* Екатерина II, Николай I, А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. М.: Памятники исторической мысли, 2010. С. 499.
- 18 *Краваль Л.А.* Рисунки Пушкина как графический дневник. М.: Наследие, 1997. С. 130–138; *Она же.* «Елисавету втайне пел...» // Пушкинская эпоха и христианская культура. СПб.: Центр православ. культуры, 1995. Вып. 7. С. 64–66; *Аринштейн Л.М.* Пушкин: «Видел я трех царей...». М.: Муравей, 1999. С. 24–26.
- 19 *Аринштейн Л.М.* Указ. соч. С. 24.
- 20 Попытку соединить две точки зрения на этот текст сделала Н. Забабурова (*Забабурова Н.* «Елисавету втайне пел...» [Электронный ресурс] // RELGA. Научно-культурологический журнал. 1999. № 20 (26). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1803&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 13.10.2010).
- 21 *Николай Михайлович, вел. кн.* Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I: В 3 т. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1909. Т. 2. С. 523.
- 22 См.: Записки общества // Соревнователь. 1820. Ч. 9. № 3. С. 341; Записки общества // Там же. 1821. Ч. 13. № 2. С. 124; Летописи общества // Там же. 1822. Ч. 17. № 2. С. 233; Летописи общества // Там же. Ч. 18. № 4. С. 113; Летописи общества // Там же. 1823. Ч. 21. № 2. С. 232; Летописи общества // Там же. Ч. 21. № 3. С. 348; О существующих в России училищах по методе взаимного обучения // Там же. 1823. Ч. 22. № 4. С. 107 (о пожертвованиях в пользу Общества учреждения училищ по методе взаимного обучения); Летописи общества // 1824. Ч. 25. № 2. С. 195.
- 23 *Мадатова С.А.* Императрица Елизавета Алексеевна: Пер. с фр. // Русская старина. 1884. Т. XLIV. Кн. III (ноябрь). С. 384.
- 24 *Привалихина С.В.* Русская судьба немецкой принцессы. Тула: Лев Толстой, 2009. С. 340.
- 25 *Николай Михайлович, вел. кн.* Указ. соч. Т. 3. С. 25–26.
- 26 Там же. Т. 2. С. 517.
- 27 *Привалихина С.В.* Указ. соч. С. 257, 264.

- 28 Имена особ, благоволящих подписаться на сей журнал // Соревнователь. 1821. Ч. 13. С. 431.
- 29 Уваров С.С. Императрица Елизавета Алексеевна // Русская старина. 1884. Т. ХLI. Кн. I (январь). С. 226.
- 30 [Б.а.] Черты из жизни и кончина императрицы Елизаветы Алексеевны, изображающие ее неподражаемые добродетели, твердость духа, кротость, смирение, милосердие и все те свойства душевные, которые ставят ее на ряду с величайшими из цариц земных. М.: Тип. Н. Степанова, 1827. С. 9–11.
- 31 Цит. по: Шебунин А.Н. Указ. соч. С. 66.
- 32 Уваров С.С. Указ. соч. С. 227.
- 33 Мадатова С.А. Указ. соч. С. 382, 385.
- 34 Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1864. С. 316.
- 35 Карамзин Н.М. Полн. собр. стихотворений. 2-е изд. Л.: Советский писатель, 1966. С. 312. (Библиотека поэта.)
- 36 Записки графа Ф.П. Толстого // Русская старина. 1873. Т. VII. Кн. II (февраль). С. 143–145.
- 37 Шаликов П.И. На милостивое принятие государынею императрицею Елизаветою Алексеевною «Дамского журнала» и пожалование издателю бриллиантового перстня // Дамский журнал. 1824. Ч. 5. № 4 (февраль). С. 158.
- 38 [Б.а.] Черты из жизни... С. 20.
- 39 Сперанский М.М. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 673, 674. (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века.)
- 40 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 118. Д. 461. Л. 2.

С.М. Волошина

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ
ПУБЛИЦИСТИКИ А.И. ГЕРЦЕНА.
ПРИЕМЫ КОНТРАСТА И МЕТАФОРЫ

В статье рассматриваются некоторые особенности публицистики Герцена: использование образов в качестве публицистического приема и особенности их построения, своеобразие авторских метафор и приема контраста. Анализируется и подвергается сомнению известная формула соединения «частного» и «общего» в текстах Герцена, а также проводится попытка найти связь между особенностями личности и характера автора и их непосредственным воплощением в публицистике.

Ключевые слова: А.И. Герцен, публицистика, история журналистики, метафора, контраст, публицистические приемы, художественный образ.

Похоже, сам характер Герцена способствовал именно публицистическому, а не беллетристическому направлению его искусства. Ему явно не интересны, даже не любопытны каждодневные, бытовые подробности, которые заполняют человеческую, «тварную» (по выражению Э. Ауэрбаха), обыкновенную жизнь. У него сложно найти рефлексию тонких, противоречивых душевных движений (даже эмоциональная сцена объяснения с женой по поводу ее любовника – Г. Гервега – написана схематично, суммарно, как будто извне, но не изнутри, с точки зрения мужа).

По словам Л.Я. Гинзбург, «присущая Герцену интенсивность самосознания вовсе не тождественна самоуглублению»¹. Почти нет описаний единичного быта, костюмов, отношений, простых эмоций и понятной физиологии – того, что в избытке, например, у Ж.-Ж. Руссо и немало – что ближе – у Н.П. Огарева. Вернее, все это в его текстах есть, но в привязке к обобщенным выводам, социологически обоснованным и типизирующим. Многие из описанных им людей не портреты, а уже изначально обработанные образы,

в которых сделаны определенные акценты и предполагаются обобщения. Если Герцен пишет о чем-то характере и привычках (например, об В.А. Энгельсоне и его жене), то показывает на его примере целое поколение душевно неуравновешенных и неспособных к организованной деятельности людей; если говорит о российском крестьянском быте, то в сравнении с бытом крестьянства европейского, а следовательно – для иллюстрации идеи о народе и развитии революционных идей. Даже единичную и интимную историю собственной семейной драмы Герцену удается представить как борьбу европейского мещанства с идеалами несбывшегося нового мира, революции. Эпизод о сибирских крестьянах, оставляющих на ночь у домов еду для беглых каторжников, представлен не сам по себе, а для характеристики русского народа и последующего сравнения этого обычая со схожим (но лишенным той социальной значимости) обычаем у швейцарских горцев.

В этой изначальной объективации, обобщенности и «социализации», казалось бы, самых личных поступков и откровений есть неявное противоречие: статьи Герцена кажутся чрезвычайно искренними, открытыми, в них как будто нет тем, которых автор не может касаться, и нет образов, в истинности которых можно усомниться. Но если присмотреться, искренность эта продумана до мелочей, служит вполне определенным публицистическим целям и, следовательно, уже не есть искренность. Герцен показывает читателям только те детали собственной или общественной жизни, которые вписываются в его программу, в его понимание целостности происходящего. Привычка рассматривать написанное Герценом как сочетание «личного» и «общего», как «отражение истории в человеке, случайно попавшемся на ее дороге» закрывает иную возможность: глубоко личного в текстах Герцена далеко не так много, как принято считать. Нет в них и отдельно стоящих деталей, характеризующих Герцена или кого-либо еще просто как человека, так сказать, бесстрастно-психологически. Описывая собственную измену жене с горничной, Герцен не «выворачивает душу» перед читателем, ему этот эпизод необходим для более точного объяснения эволюции семейной жизни, возмужания и последующего ухода от романтических представлений. Это не откровение и даже не совсем рефлексия, это скорее социология.

Для Герцена невозможно существование исключительно в кругу личных интересов, чувств. В дневнике он пишет: «Зачем женщина вообще не отдается столько живым общим интересам, а ведет жизнь исключительно личную? Зачем они терзаются личным и счастливы личным? Социализм какую перемену внесет в этом отношении!»² Если не обращать внимание на характерную для середи-

ны XIX в. веру в то, что переустройство общества приведет к изменению человеческой (в данном случае – женской) сущности, то можно заметить, как ярко в этой записи проявляется «социабельный» характер Герцена. Иногда кажется, он полностью живет в этом разумном среднем слое «социабельности» – не углубляясь в единичные переживания и не уходя полностью в отвлеченно-теоретические и философские выкладки.

Некоторые (особенно иностранные) исследователи его творчества склонны объяснять это тем, что Герцен – русский барин, аристократ, не склонный уделять внимания житейским мелочам подобного рода³. Последнее сложно отрицать, но назвать это объяснением вряд ли можно. Скорее, это черта характера (возможно, черта определенно гендерного типа), однако интересно другое ее следствие: Герцен лишен той специфической для беллетристов черты, что дает возможность косвенного выражения авторской точки зрения через действия, поступки и слова персонажей. Конечно же, в текстах Герцена присутствуют и полемичность, и диалог (иногда статьи даже построены в форме диалога – например, статьи «Перед грозой», «Vixerunt!» из цикла «С того берега»), однако это прямое выражение авторской мысли и возможных возражений совсем иного рода.

Публицистические приемы Герцена иногда с трудом можно назвать «приемами»: сложно дифференцировать действие ума, харизматичности натуры, образования, характера, таланта, личной истории и писательских навыков. Тем не менее в данной статье я пытаюсь вычленил такие принципиальные поэтологические особенности его публицистических текстов, как использование контраста и метафоры при построении образов.

Характерная особенность публицистики Герцена – обращение к читателю – или скорее к «аудитории» (во многом его статьи напоминают живую речь) – как к умному, образованному и равному собеседнику.

Признание иной точки зрения и отношение к умному собеседнику как характерную черту публицистики Герцена отметил Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя»: «И мне особенно нравится, – заметил я между прочим, – что ваш оппонент тоже очень умен. Согласитесь, что он вас во многих случаях ставит к стене»⁴. Достоевский здесь противопоставляет равнозначность оппонентов в диалогах Герцена статье В.Г. Белинского, в которой «хорошо-то, хорошо, и видно, что ты очень умен, вот только охота тебе была с таким дураком свое время терять»⁵.

Собеседника посвящают в интимные и трагические подробности личной жизни автора. Ему доверяют и признают за ним право

знать все (как кажется) детали, известные автору, вовлекая как будто в тесный дружеский круг. Предполагается также, что виртуальный собеседник может воспринимать цитаты на иностранных языках (помимо общепринятых французского и немецкого), упоминания исторических событий и персонажей не первой величины, например очевидцев Французской революции (Жанну Роллан⁶, Э. Бартеlemi⁷), быть довольно сведущим в европейских политических вопросах (мимоходом упомянутое «...или просто *Commedia!* в том смысле, как папа Киарамонти говорил Наполеону в Фонтенбло!» (X, 76).

С этим связана другая особенность публицистики Герцена, а именно пластическая яркость его образов. С одной стороны, силу воздействия этих образов увеличивает их документальность, «непридуманность»: Натали действительно умирала, не вынеся смерти детей, предательства любовника и крушения идеалов, Герцен действительно был сослан в далекую Вятку за весьма сомнительное государственное преступление, а чиновничий мир, наглядно («наглазно») представленный в лицах, нелеп и бесчеловечен. С другой стороны, художественная сила этих образов выходит за рамки документального повествования. Образы Герцена убедительны, они перетягивают читателя на сторону автора. Так, в Николае I, этой «взлызастой медузе» с «узким мстительным взглядом», невозможно увидеть человека, это – проклятие России.

Иногда образы точно воплощают душевное состояние Герцена, как, например, нищая девочка, приставшая к его карете в день тайного венчания: «Кто-то странным голосом, тонким, плаксивым, протяжным, говорил возле». Юродивая девочка, «бледная, худая, в лохмотьях», «влезла на облучок кибитки, повернулась... и стала бормотать полусвязные речи; взгляд ее был мутен, жалок, пряди волос падали на лицо <...> Она расплакалась, и я готов был плакать с нею» (VIII, 366). Волнения, хлопоты, долгое ожидание и тревога вполне объясняют такое умонастроение.

Впрочем, подобные косвенные описания для Герцена нехарактерны: чаще всего его портреты не допускают многозначных трактовок. Так, деятели освободительного движения – Мадзини, Гарибальди – положительны, величественны и красивы. Чиновничий люд часто уродлив, некоторые же персонажи – явное достояние кунсткамеры (губернатор Вятки Тюфяев).

В текстах Герцена доминирует четкая полярность – абсолютно зло настоящего и, от обратного, несомненно благой цели, к которой необходимо двигаться. Наличие этих полюсов подчиняет повествование вектору, который виден практически во всех сочинениях Герцена – от отдельных статей, циклов до «Былого и дум».

Публицистика автора, однако, далека от резонерства и не так просто устроена, ведь редко что в окружающей жизни несомненно хорошо или дурно. Удручающим и ужасным может показаться описание русских деревень в первой части французского цикла «О развитии революционных идей в России», порабощение и власть в России отвратительны, но и Европа не может предложить несомненную свободу и спасение. «Я остаюсь (в Европе. – С. В.) страдать вдвойне – от нашего горя и от горя, которое нахожу здесь <...> Я остаюсь, потому что борьба здесь открытая, потому что она здесь гласная» (VII, 152).

Полюса порой находят воплощение не в отвлеченных идеях, а в конкретных образах. На одном полюсе – личности, стремящиеся к прогрессу, свободе и переустройству мира: Прудон, Гарибальди, на другом – «фальшивые» революционеры вроде Ледрю-Роллена. С одной стороны – жена Натали, гармоничный образ, высокий идеал женственности и материнства, с другой – некрасивая мужеподобная Эмма Гервег, пренебрегающая даже материнскими обязанностями в пользу прихотей мужа (Эмма, тратившая деньги на роскошные обеды Гервега вместо покупки белья собственным детям, – сильный и запоминающийся образ).

«Полюсность», контрастность может реализовываться как текстообразующий фактор. Некоторые статьи вообще написаны как иллюстрация контрастов. Стоит обратить внимание на заглавия многих статей: «Эмпирия и идеализм» (из цикла «Письма об изучении природы»), «Cogitata et visa» («По разным поводам»), объединяющее три статьи название «Капризы и раздумья». Контраст, заложенный уже на уровне названия, достигает предела в фельетонах (««Москвитянин» и вселенная»), будучи одним из любимых Герценом принципов озаглавливания.

Такая особенность светского разговора, как каламбуры и парадоксы, тоже превращена в эффективный публицистический прием: «<...> видел <...> людей, беспрерывно пишущих, т. е. чиновников; людей, почти никогда не пишущих, т. е. русских литераторов... видел поэтов в III отделении собственной канцелярии – и III отделение собственной канцелярии, занимающееся поэтами <...>» (II, 34).

Помимо передачи авторской точки зрения на любые сферы жизни (от политики до этики), создание пластически-яркого образа – способ отвлечь внимание читателя от нежелательных деталей, вернее, читателю, увлеченному образом, не придет в голову интересоваться ими. Один из самых расхожих и часто цитируемых примеров – знаменитая Пятая часть «Былого и дум», где Герцен описывает крушение собственной семейной жизни, а параллельно – надежд на скорое переустройство европейского общества – была

написана в ситуации второго (не менее мучительного, чем первый) любовного треугольника между Герценом, Н.П. Огаревым и Н.А. Тучковой, женой последнего.

Не менее иллюстративным является образ Медведевой, вятского увлечения Герцена. В «Былом и думах» Медведева – даже не романтический, а скорее сентиментальный персонаж, грустная жертва семейного положения, «скрытно-страстная женская натура» (VIII, 337). Их роман с Герценом закончился вместе с «запоем любви», когда его «сердце устало, истощилось» (что совпало со смертью ее мужа), завершился мирно, с приличествующим жанру благословением бывшей возлюбленной. Подобное завершение связи дополнило образ, сделало его законченным. В жизни же все обстоит сложнее и менее гармонично: после смерти мужа Медведевой Герцен поспешил сообщить ей об окончании их отношений. По словам английского исследователя Э. Карра, «недоброжелательный комментатор может высказать подозрение о том, что появление этого сообщения было ускорено желанием выстроить бастион против слишком пылких посягательств теперь свободной *inamorata*»⁸. Кроме того, Медведева не исчезла из жизни Герцена и после его свадьбы и переезда в Москву: она нередко бывала в их кружке, а Герцен не раз помогал бывшей *inamorata* с трудоустройством⁹. Однако эти подробности оказались явно излишни для текста: автору необходим был определенный образ себя и своих отношений в то время, контраст мимолетной связи и «высокой» любви к будущей невесте.

Здесь же можно взять в качестве примера упоминавшийся образ юривой девочки из «Былого и дум». Ее образ не возник просто так, в качестве зарисовки, – его можно трактовать и как своеобразное пророчество о будущих трагических событиях в семье Герцена, «зловещий перст судьбы»¹⁰.

Построение основных образов в публицистике Герцена идет двумя путями: в романтическом и в нейтральном, даже сниженном планах. В романтическом плане даны два главных образа «Былого и дум» – жены Натальи и друга Огарева. В образе Натальи нет места обыденности, иронии, здесь невозможны ни порицание, ни критический анализ – это или возвышенная любовь юности, высшее воплощение женственности и личного счастья автора, или не менее высокий трагизм. Л.Я. Гинзбург рассматривает некоторые ключевые эпизоды как образцово романтические топосы¹¹: любовная переписка или встреча двух молодых семей (Герцена с Натальей и Огарева с Марией Львовной) во Владимире; столь же романтично изображено воссоединение Герцена с Натальей в Турине после семейных перипетий.

Образ Огарева формируется в начальных частях «Былого и дум», позже о нем говорится кратко, частично потому его образ остается примером возвышенной и страстной юношеской дружбы, которая «так благоуханна, что она забывает различие полов, что она страстная дружба» (VIII, 83). Более поздние черты и подробности биографии не затмевают светлого образа юности.

Романтическое построение образа может быть сильным публицистическим приемом. К образу, выстроенному таким способом, сложно применить анализ и критику, этот образ плохо поддается интерпретации, отличной от той, что предлагается автором. Даже если «недоброжелательно настроенный комментатор» или просто исследователь узнает о том, что факты не соответствуют описанному в тексте, интерес переключится на автора, но образ скорее всего останется нетронутым. Прием «романтизации» становится отличительной чертой публицистики Герцена.

При помощи совсем иных приемов представлены враги, от Николая I до чиновников (как вятских, так и петербургских и иностранных). Иронично, даже порой сатирически изображены антипатичные Герцену эмигранты в Лондоне. Описывая «семейную драму», Гервега и его жену Эмму, Герцен упоминает в общем несвойственные ему приземленно бытовые, почти «гигиенические» подробности: таково лукавое обращение Эммы к служанке о покупках за счет Герцена (при вынужденном отъезде Гервегов из общего дома).

На этом фоне образ отца Герцена – Ивана Алексеевича Яковлева – представлен совершенно в ином ключе: он равно далек как от романтизации, так и от «приземленности».

Герцену удалось почти невозможное – представить образ отца предельно объективно, с беспристрастной внимательностью и точными наблюдениями. Ипохондрик, требующий нагревать газеты перед чтением, затворник и человеконенавистник, так и не женившийся на матери Герцена, при этом умнейший, проницательный и острый на язык человек XVIII в. Любопытно, что по этому образу трудно понять, как именно относился незаконнорожденный «воспитанник» к отцу, но вряд ли это чувство было бесстрастным, простым и ограничивалось интересом исследователя. Некоторые авторы отмечали сходство этих неоднозначных чувств с эдиповым комплексом: так, по их мнению, ненависть к «царю-батюшке» Николаю I имела не только гражданские корни, но и – условно говоря – психоаналитические, здесь имел место перенос чувств к отцу на иное, более высокопоставленное лицо – «отца нации»¹². Предположение это, может быть, спорно, но все же в определенном смысле объемный, детальный и, казалось бы, объективный образ можно рассмотреть как уход от необходимости личной оценки. Весьма сомнительно, что Гер-

цен создавал портрет отца в «Былом и думах», непосредственно руководствуясь этой целью, но автор, обычно так прямо выражающий собственную оценку, здесь не высказывается прямо.

Естественно, особое место занимает образ самого Герцена, его «лирическое», а скорее «мемуарное» «я», которое далеко не равнозначно реально существовавшему Герцену. Впрочем, организация текста – описания жизни как связанного и логичного нарратива – уже предполагает отход от иррациональности и алогичного нагромождения фактов реальной жизни. В любом случае образ герценовского «я» в его текстах (в том числе и публицистических) слишком сложен, чтобы быть рассматриваемым в рамках статьи.

С приемом контрастности тесно связана такая черта публицистики Герцена, как использование метафор. Метафоры Герцена совершенно особого рода: они относятся к различным областям наук (в основном естественных), знаний и религии. Как представляется, подобное обилие «научных» метафор сложно найти где-нибудь еще. Научные образы, взятые из анатомии, биологии, истории (чаще всего – из военной и политической), геологии и других естественных наук, можно найти практически во всех его статьях¹³. Так, у русского крестьянина, по мнению Герцена, «промежуточное существование – между геологией и историей» (VII, 138). Любопытны (и не менее многочисленны) метафоры физиологического характера, особенно касающиеся пренатального развития и родов, а также отклонений в развитии и болезней. Например, современных людей Герцен описывает так: «<...> начальная ячейка, зародыши истории, едва заметные, едва существующие, как все зародыши вообще» (IX, 35); «<...> русский в Европе находит пустую колыбель и женщину, истощенную мучительными родами» (V, 221); «Все власти, все учреждения были разъедаемы скрытым раком» (VI, 113). Сравнение социального недуга с видом конкретной заразной и даже смертельной болезни гораздо ярче простого упоминания и даже его патетичного бичевания. Неслучайно один из излюбленных образов Герцена – врач (доктор Крупов, безымянный доктор в нескольких статьях, например «Consolatio»).

С одной стороны, для XIX в. подобные сравнения шокирующие и откровенные, с другой – новоизобретенные, связывающие старые, привычные понятия с передовой наукой, вернее, наукой самой современной, позитивистского толка, это маркеры прогресса. Автор, легко оперирующий этими терминами, сразу определяется как современный, деятельный ученый, не «дилетант в науке» и не узкий специалист-«буддист», он смел и откровенен, не станет скрывать даже неприглядную правду от читателя.

Метафоры Герцена, когда речь идет не о романтических образах, часто созданы с помощью «низких» предметов: сравнивая кан-

целярии Вятки и Петербурга, автор замечает, что они соотносились друг с другом, как «сапоги вычищенные относятся к невычищенным; та же кожа, те же подошвы, но одни в грязи, а другие под лаком» (IX, 50). В другом фрагменте, говоря уже об арачкевской канцелярии, Герцен сравнивает ее с медным рудником, «куда работников посылают только на несколько месяцев, потому что если оставить долее, то они мрут» (VIII, 236).

Афористичность (и снова – почти карикатурная сниженность) возникает за счет зоологических сравнений: император Николай у Герцена – «взлызастая медуза», граф Панин – «жираф в андреевской ленте», губернатор Тюфяев – то «с головой как у бульдога», то просто «особенный зверь», и это при воспоминании о последнем «без злобы». Эти образы напоминают скорее крыловские типажи, а не определенных людей.

Герцен – виртуоз публицистического текста, и его сочинения, в которых для современного читателя часто отсутствует разительная злободневность, тем не менее остаются злободневными. Пусть не в строго фактологическом, но в общеидейном смысле.

Примечания

- 1 Герцен и Огарев в кругу родных и друзей: В 2 кн. / Отв. ред. Л.Р. Ланский, С.А. Макашин. М.: Наука, 1997. (Литературное наследство. Т. 99.) С. 45.
- 2 *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. М.: АН СССР, 1954–1965. Т. 2. С. 283; в дальнейшем ссылки на это издание в тексте статьи с указанием тома и страницы.
- 3 *Малиа М.* Александр Герцен и происхождение русского социализма 1812–1855: Пер. с англ. М.: Территория будущего, 2010. С. 221.
- 4 *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1980. Т. 21. С. 8.
- 5 Там же.
- 6 *Туниманов В.А.* А.И. Герцен и русская общественно-литературная мысль XIX века. СПб.: Наука, 1994. С. 173.
- 7 Там же. С. 183.
- 8 *Carr E.H.* The Romantic Exiles: A Nineteenth Century Portrait Gallery. London: Serif, 1998. P. 18.
- 9 См.: *Желвакова И.А.* Герцен. М.: Молодая гвардия, 2010.
- 10 *Туниманов В.А.* Указ. соч. С. 88.
- 11 Ср. статью Л.Я. Гинзбург «Автобиографическое в творчестве Герцена» в томе «Литературного наследства».
- 12 *Малиа М.* Указ. соч. С. 64, 567.
- 13 *Туниманов В.А.* Указ. соч. С. 79.

М.М. Одесская

«В ЧЕЛОВЕКЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ВСЕ ПРЕКРАСНО»:
ЧЕХОВ И МАРКСИСТСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

В статье рассматривается реакция марксистской критики и публицистики на чеховских персонажей и их представления о прекрасном. Марксистская идея прекрасного человека, гармонически развитой личности – это идеалистическая концепция, вульгаризированная и приспособленная к социально-политическим условиям текущего дня. Анализ марксистской критики и публицистики показывает, что идеологическая задача воспитания нового человека будущего не совпадала с эстетическими принципами творчества Чехова, что приводило к искаженной интерпретации его произведений.

Ключевые слова: публицистика, Чехов, прекрасный человек, идеализм, марксистская критика.

Слова доктора Астрова «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли»¹ в советское время приписывались самому автору пьесы – Чехову – и воспринимались почти как категорический императив, нравственный завет будущему поколению. Надо сказать, что идеологи советского искусства, задачей которого являлось создание образа положительного героя и картины прекрасного будущего, не изобретали ничего нового, а использовали старые эстетические принципы, вульгаризируя их, чтобы приспособить к социально-политическим потребностям текущего дня. Утопическая концепция Ф. Шиллера о человеческом совершенстве была созвучна марксистской идеологии. Шиллеровская идея о том, что человек может стать прекраснее, обрести свободу и духовность, если литература будет поднимать читателя до идеала, была органична архитекторам рая на земле. Одной из важнейших частей проекта построения ком-

мунистического общества являлось создание нового человека – Homo Sovieticus – гармонически развитой личности как физической, так и нравственно, духовно, идейно. Задача воспитания нового человека возлагалась на искусство и в первую очередь на литературу.

А.В. Луначарский считал «практический идеализм» одним из главных качеств марксистского писателя. «<...> настоящий большой художник-марксист, очевидно, должен носить в себе огромный запас практического идеализма, огромный запас озлобления и омерзения к отрицательным сторонам действительности, огромный запас боевого пыла и т. п.»², – писал нарком просвещения. Очень существенно то, что Луначарский, как и другие марксисты, философские идеалистические концепции рассматривал во взаимодействии с социальными потребностями, применительно к текущему моменту, поэтому определение «практический» – очень важный маркер в свете проекта строительства социалистического общества. «Практический идеализм» в постулируемом Луначарским принципе нового искусства соединяется с «озлоблением и омерзением», теми необходимыми для художника-марксиста чувствами, которые должны быть двигателями разрушения отрицательных сторон действительности во имя создания будущего.

Л.Д. Троцкий в ранней работе «О пессимизме, оптимизме, XX столетии и о многом другом» (1901), размышляя о двух типах отношения к жизни, оптимистическом и пессимистическом, приводит диалог «оптимиста будущего» с пессимистом и утверждает культ прекрасного человека светлого будущего: «– Dum spiro, spero! Пока дышу – надеюсь! – восклицает оптимист будущего. – <...> И пока дышу – я буду бороться ради будущего, того лучезарного и светлого будущего, когда человек, сильный и прекрасный, овладеет стихийным течением своей истории и направит ее к беспредельным горизонтам красоты, радости, счастья!..»³ Эти слова «оптимиста будущего» можно соотнести с мечтами Астрова, который верил в то, что человек может влиять на климат, а значит, по его мнению, и на будущую жизнь людей. Через 1000 лет, полагал Астров, если бережно и разумно относиться к лесам, животным, ко всему живому, люди будут счастливы. Оптимист Троцкого видел возможности осуществления своего проекта в не столь далеком будущем. Однако, комментирует Троцкий, XX век обманул ожидания оптимиста XIX в.:

Девятнадцатое столетие, во многом удовлетворившее и в еще большем обманувшее ожидания оптимиста будущего, заставило его главную часть своих надежд перенести на двадцатое столетие. <...>

«В человеке должно быть все прекрасно»: Чехов и марксистская публицистика

Кажется, будто новый век, этот гигантский пришлец, в самый момент своего появления торопится приговорить оптимиста будущего к абсолютному пессимизму, к гражданской нирване.

– Смерть утопиям! Смерть вере! Смерть любви! Смерть надежде! – гремит ружейными залпами и пушечными раскатами двадцатое столетие.

– Смирись, жалкий мечтатель! Вот я, твое долгожданное двадцатое столетие, твое «будущее»!..

– Нет! – отвечает непокорный оптимист: – ты – только настоящее!⁴

Как видим, в приведенном пассаже рядом с утопической мечтой о прекрасном человеке – творце истории присутствует характерный для марксистской идеологии пафос борьбы, борьбы как неперемennого условия для претворения в жизнь высокой мечты о будущем. Несомненно, разница между «непокорным» оптимистом Троцкого и Астровым есть, и очень существенная. Прежде всего, чеховский герой осторожно откладывает осуществление проекта прекрасного будущего на 1000 лет. Увлеченный своими мечтами и деятельностью на благо будущего, доктор Астров постоянно наталкивается на непонимание окружающих, он осознает разрыв между мечтой и реальностью и трезво оценивает ситуацию, а потому в его поведении нет необходимой для борца активности и достаточно много пессимизма.

Именно пассивность, неспособность к борьбе за светлое будущее вызвало неприятие чеховских героев радикально настроенными революционерами. В.В. Воровский относится к числу тех критиков-марксистов, которые не приемлют бесполезную с точки зрения классового подхода жизнь «лишних людей», мелких идеалистов, чье время прошло. В статье, так и названной «Лишние люди», критик-революционер резко осуждает героев произведений Чехова за то, что они живут не идеалами общественной борьбы, а страданием от осознания того, что невозможно осуществить те идеалы, на которых были воспитаны и которыми жили предыдущие поколения.

Интересно, что в статье Воровского очень часто используются слова «идеалы» и «идеализм» по отношению к «лишним людям», но они оцениваются негативно, и критик использует эпитеты «мещанские», «мелкие»: идеалы «лишних людей» индивидуалистичны и не поднимаются до высот общественной революционной борьбы. «Мещанское» в контексте статьи Воровского – это то, что противоположно общественным интересам, борьбе за новую жизнь. Не случайно Воровский начинает статью бодрими и оптимистически-

ми реляциями о победе новой жизни над старой, апеллирующей к новым песням буревого и Человека Горького: «Могучим потоком движется жизнь “вперед – и выше”, “вперед – и выше”, увлекая за собой все живое и жизнеспособное, заражая бодрим, радостным настроением, суля бесконечные перспективы. “Пусть сильнее грянет буря” – льется песнь буревого, и эта песнь наполняет душу не страхом перед стихией, а мужеством и жаждой жизни, сознанием силы, переливающейся “живчиком по жилочкам” и рвущейся к делу»⁵.

Таким образом, «мещанские идеалы» индивидуалистов Чехова противопоставляются романтическим борцам Горького. Сохраняется и горьковская ценностная система координат, выраженная оппозициями: верх – низ, бесстрашная борьба – мещанский застой. С точки зрения автора статьи, не только герои живут мелкими мещанскими идеалами, но и сам Чехов идеализирует их страдания. Критик не скрывает антипатии к персонажам, не способным к реальной активной деятельности, и осуждает их создателя: «Сквозь дымку идеализации – или, вернее, поэтической жалости и сострадания, которыми окружил своих героев автор, проглядывает все ничтожество этой серенькой, туманной жизни, грустной и отталкивающей, как дождливый осенний день»⁶.

Очень показательна то, как трактует критик-марксист тяготение чеховских героев к красоте. Упрекая поколение 80–90-х годов за уход от общественных идеалов в эстетство, Воровский ссылается на пример Н.М. Минского, который изменил общественному служению и настроил лиру на эстетство, т. е. выступил с манифестацией принципов нового «чистого искусства». По мнению Воровского, Астров, для которого «культ красоты остается единственным увлечением <...> после того, как он растерял все свои идеалы, “огоньки”, надежды»⁷, напоминает Минского, отказавшегося от «тенденциозности» в литературе ради «неземных», «возвышенных» «песен». В подтверждение своей идеи Воровский даже проводит параллель между словами Астрова и стихотворением Минского «Лунный свет». «“Я никого не люблю и уже не полюблю, – признается он. – Что меня еще захватывает, так это красота. Неравнодушен я к ней”. Это почти буквальное повторение слов г-на Минского, певшего, – когда он тоже очутился в положении Астрова, – что “нет на свете любви, нет на свете добра, только есть красота...”»⁸. «Эстетическую подкладку» видит Воровский и в любимом деле Астрова – лесоводстве.

Еще в большей мере, считает критик, эстетство выражено в словах Сони, которая передает идеи Астрова о влиянии климата на красоту людей. И если в речах Астрова, «как бывшего обществен-

«В человеке должно быть все прекрасно»: Чехов и марксистская публицистика

ного человека, проскальзывают иногда, как отголосок прошлого, мысли о благе и счастье людей, хотя бы только отдаленных поколений, то уже совсем свободны от этих “сомнений и колебаний” молодые герои “Чайки”, вкладывающие всю свою жизнь в увлечение искусством и бегущие от общественных запросов в художественное творчество»⁹.

Принципы критика-марксиста, как видим, совпадают с позицией Н.Г. Чернышевского, его социально-утилитарной эстетикой и усилены классово-идеологией. Неудивительно, что Чехов и его герои с их стремлением к красоте попадают во враждебный лагерь бесполезных эстетов. Воровский непримирим к эстетству как способу уйти от общественной борьбы, эстетство для него – одно из проявлений мелкого мещанского идеализма.

Заключение статьи Воровского по-революционному радикально и бескомпромиссно, в нем звучит приговор в контексте этой статьи в буквальном смысле «лишним людям»: «Да, время пришло. Новое, молодое, здоровое время, с новыми великими задачами, с новыми гигантскими запросами. И этому времени нужны новые люди. <...> А “лишние люди”? Общественная волна безжалостно будет сметать их, поскольку они не сумеют вовремя ожить к новой жизни. И, уносимые бурным потоком, они будут, конечно, цепляться за жизнь, за пошлую, животную жизнь – их единственное сокровище. Но все эти дяди Вани, все эти “сестры” с их кругом, все эти владельцы “вишневых садов”, осужденные судьбой на гибель, – все они с их ничтожными мыслишками, с их жалкими страданиями не вызовут жалости или сочувствия в людях, поставивших своим девизом: вперед и выше! И когда такие жалкие существа, цепляясь за жизнь, стараются оправдаться словами Сони: “Что же делать, надо жить!” – мы можем выразить им только вместе с Ницше: “Почему *надо?*”»¹⁰.

В критике Воровского невозможно не увидеть соединения марксизма с вульгаризированным ницшеанством. Симптоматично и в высшей степени характерно для марксистов то, что индивидуалистический и философский бунт Ф. Ницше против устаревших идеалов и истин соединяется ими с социальной и политической потребностью решения насущных проблем сегодняшнего дня, перетолковывается и адаптируется для практического применения. Ссылаясь на Ницше, Воровский вершит суд над чеховскими «лишними людьми», которые, по его мнению, достойны физического истребления. Скорее всего, в последней части приведенного выше пассажа он имеет в виду слова Ницше – «что падает, то нужно еще толкнуть» – из главы «О старых и новых скрижалях»¹¹ книги «Так говорил Заратустра». В этой главе Ницше говорит о том, что надо

избавиться от старых истин, превратившихся в догмы, которые Заратустра подвергает осмеянию: «И пусть ложной назовется у нас всякая истина, у которой не было смеха»¹². Однако марксист искажил мысль немецкого философа и, заменив *что* у Ницше на *кто*, придал ей брутальность.

Воровский не случайно именно так трактует Ницше и противопоставляет сильных бунтующих героев Горького слабым, отжившим чеховским людям уходящей эпохи. В его ранней не опубликованной при жизни статье «О М. Горьком» (1901–1902) находим восхищение анархистским бунтарством босяков. Воровский с явным сочувствием цитирует из повести «Супруги Орловы» такое экстремистское высказывание Орлова. «И по сию пору, – признается он, – хочется мне отличиться на чем-нибудь... *Раздробить бы всю землю в пыль или собрать шайку товарищей и жидов перебить...*¹³ всех до одного. Или вообще что-нибудь этакое, чтоб стать выше всех людей и *плюнуть на них с высоты* <...> И сказать им: ах, вы, гады! Зачем живете? Как живете? Жулье вы лицемерное, больше ничего! И потом – вниз тормашками с высоты... и вдребезги» (С. 151)¹⁴. Воровскому удалось разглядеть в горьковских героях внутреннюю красоту и даже «такие жемчужины нравственных качеств», которые скрываются, по его словам, «за грубой оболочкой». Желая укрепить авторитет русского писателя-бунтаря, критик ставит Горького в один ряд с Ф. Ницше и Г. Ибсеном, которые, по его мнению, тоже воспевали силу личности, протест, «идеальные порывы». Стоит ли напоминать о том, что ни Заратустра, ни герои Ибсена, страдающие от несовершенства мира и неудовлетворенности собой, отнюдь не стремятся «отличиться на чем-нибудь», как босяки Горького.

Горький был одним из тех, кто соединил ницшеанство с марксизмом. В раннем творчестве писателя свободные, дерзкие и независимые босяки – это прежде всего бунтари против социальных условий жизни, это рабы, восставшие против господина. Горький оправдывает преступления персонажей тем, что они, сильные личности, защищают свое человеческое достоинство, свое право на свободу. Однако сила и власть горьковских героев разрушительна, он утверждает грубую идеологию «права сильного». В то время как для Ницше путь к сверхчеловеку – это тяжелая и изнурительная работа, длительный процесс, скорее философская, умозрительная идея, чем практическая деятельность, связанная с социальным бунтом и революцией. Процесс восхождения у Ницше не ограничен временными рамками и конкретными сиюминутными целями и задачами. Путь к сверхчеловеку – это познание мира и самого себя, «бесконечная интерпретация», по выражению Мишеля Фуко. В горьковских героях воплощен дионисийский дух стихийного раз-

«В человеке должно быть все прекрасно»: Чехов и марксистская публицистика

рушения, но нет аполлонического рационального начала, необходимость которого осознавал Ницше – создатель «Заратустры».

В «Заратустре» Ницше показывает, что в посюстороннем мире человек создает себе идеалы и кумиры, которые со временем ветшают, и тогда он оказывается лицом к лицу перед пустотой, перед ничто. Горький же в ранних романтических произведениях создает миф о величии Человека на Земле, т. е. заполняет пустоту, творит Человека-Бога, вкладывая гимн в уста босяка Сатина. Монолог Сатина звучит жизнеутверждающе:

Человек – свободен... он за все платит сам: за веру, за неверие, за любовь, за ум – человек за все платит сам, и потому он – свободен!.. Человек – вот правда! Что такое человек?.. Это не ты, не я, не они... нет! – это ты, я, они, старик, Наполеон, Магомет... в одном! (Очерчивает пальцем в воздухе фигуру человека.) Понимаешь? Это – огромно! В этом – все начала и концы... Все – в человеке, все для человека! Существует только человек, все же остальное – дело его рук и его мозга! Человек! Это – великолепно! Это звучит... гордо!¹⁵

Первая часть этого пафосного воспевания могущества Человека, где «я» заменяется «мы», напоминает не сам монолог Константина Треплева о мировой душе, а мысль о всеединстве, по-своему перетолкованную горьковским персонажем. Через тысячи лет после того, как «все жизни, свершив печальный круг, угасли», на Земле осталась только общая мировая душа; в фантазии Треплева – это «душа и Александра Великого, и Цезаря, и Шекспира, и Наполеона, и последней пиявки» (13, 13). По мысли чеховского писателя-новатора, мировая душа – это, скорее всего, коллективный разум и воля. Пройдя естественный путь очищения и обновления, в другой жизни мировая душа – некая возрожденная субстанция – будет способна вступить в поединок с дьяволом и, одержав победу над злом, вечным противоборством духа и материи, приведет мир к гармонии. Вот как выражается утопия будущего всеединства в его монодраме: «<...> в упорной борьбе с дьяволом, началом материальных сил, мне суждено победить, и после того материя и дух сольются в гармонии прекрасной и наступит царство мировой воли» (13, 14).

Нельзя не увидеть в монологе Треплева переосмысление идей Владимира Соловьева о мировой душе и всеединстве. Суть мирового процесса, по Соловьеву, – борьба Божественного Слова и адского начала за власть над мировой душой, которая должна завершиться воссоединением отпавшей мировой души с Богом и восстановлением Божественного всеединства. Исторический процесс с

внутренней необходимостью ведет к торжеству добра, считает философ, к победе единства и любви над распадом и враждой. Теодицея Соловьева сближается не только с телеологическим детерминизмом Гегеля, но и с естественно-научным эволюционизмом. Не случайно мечты Треплева о царстве гармонии – это очень долгосрочный проект, отделенный тысячелетиями от сегодняшней реальной жизни, в которой *добро и зло* соединены в их неразрывном единстве до тех пор, пока существует человек и жизнь на земле. Треплев представил пессимистическую картину будущего, результат процесса энтропии. Это чеховская ирония над футурологическими утопиями, в основе которых – мечта об обществе всеобщей гармонии, о прекрасном человеке, о победе добра над злом.

Конечно, горьковский восставший раб не имеет ничего общего ни с аристократизмом духа Заратустры Ницше, ни с жизнетворческой философией Соловьева, ни тем более с иронической версией Чехова–Треплева о жизни после смерти в царстве мировой воли и гармонии. Горький исходит из того, что человеку земному даны сила, свобода, разум, чтобы преобразовать жизнь здесь и сейчас, утверждая право сильного. У Горького Человек хочет переделать человечество «по новому штату», к чему некогда стремились мальчики-философы Достоевского.

Поэма «Человек» (1903 г.), написанная через год после пьесы «На дне», – вариация на тему величия Человека, Человека – покорителя вершин, созидателя и творца. В этой поэме чувствуется влияние Ницше с его идеей восхождения и романтический дух поздних драм Ибсена, герои которых перерождаются и погибают, поднявшись на вершину, – Сольнес, Боркман, Рубек и Ирена. Однако сходство это лишь внешнее, поверхностное, Горький не идет дальше риторики в воспевании Человека, не показывает психологическую драму человека, избравшего путь восхождения. В отличие от пьесы «На дне», в которой высокие слова о назначении Человека произносит босяк, обитатель ночлежки, в поэме «Человек» размышления лирического героя сливаются с голосом автора:

В часы усталости духа, – когда память оживляет тени прошлого и от них на сердце веет холодом, когда мысль, как бесстрастное солнце осени, освещает грозный хаос настоящего и зловеще кружится над хаосом дня, бессильная подняться выше, лететь вперед, – в тяжелые часы усталости духа я вызываю пред собой величественный образ Человека.

Человек! Точно солнце рождается в груди моей, и в ярком свете его медленно шествует – вперед! и – выше! – трагически прекрасный Человек!

«В человеке должно быть все прекрасно»: Чехов и марксистская публицистика

Я вижу его гордое чело и смелые, глубокие глаза, а в них – лучи бесстрашной Мысли, той величавой силы, которая в моменты утомленья – творит богов, в эпохи бодрости – их низвергает. Затерянный среди пустынь вселенной, один на маленьком куске земли, несущемся с неуловимой быстротою куда-то в глубь безмерного пространства, терзаемый мучительным вопросом – «зачем он существует?» – он мужественно движется – вперед! и – выше! – по пути к победам над всеми тайнами земли и неба¹⁶.

Несмотря на то что Горький утверждает величие Человека на земле, образ его так же далек от реальности, как и мировая душа в пьесе Константина Треплева. Скорее всего Горькому отчасти близок принцип изображения действительности, который провозгласил молодой чеховский писатель, искавший новые формы в литературе: «Надо изображать жизнь не такую, как она есть, и не такую, как должна быть, а такую, как она представляется в мечтах» (13, 11). Кажется, Горький принимает эту формулу, слегка изменив ее вторую часть, отбросив частицу «не»: «такую, как должна быть, и такую, как она представляется в мечтах», с упором на долженствовании. Восхищаясь пьесой «Дядя Ваня», Горький в письме Чехову формулирует свое эстетическое кредо как насущную потребность времени:

Право же – настало время нужды в героическом: все хотят – возбуждающего, яркого, такого, знаете, чтобы не было похоже на жизнь, а было выше ее, лучше, красивее. Обязательно нужно, чтобы теперешняя литература немножко начала прикрашивать жизнь, и, как только она это начнет, – жизнь прикрасится, т. е. люди заживут быстрее, ярче¹⁷.

Хотя Горький не пишет в своих восторженных отзывах о «Дяде Ване», что формула долженствования, которую использует Астров в монологе о прекрасном человеке, ему импонирует, вывод напрашивается сам собой: писатель-революционер следует принципу поднимать читателя над действительностью, возвышать до идеала.

Еще более определенно и конкретно Горький сформулировал этот принцип в рассказе «Читатель» (1898), где странный читатель, alter ego писателя, полемизирует с литераторами, которые представляют фотографическую картину «жизненного мусора», холодно регистрирует обыденность. Читатель излагает свое понимание назначения литературы так:

М.М. Одесская

– Вы согласитесь со мной, если я скажу, что цель литературы – помогать человеку понимать себя самого, поднять его веру в себя и развить в нем стремление к истине, бороться с пошлостью в людях, уметь найти хорошее в них, возбуждать в их душах стыд, гнев, мужество, делать всё для того, чтоб люди стали благородно сильными и могли одухотворить свою жизнь святым духом красоты. Вот моя формула; она, разумеется, неполна, схематична... дополняйте её всем, что может одухотворить жизнь, и скажите – вы согласны со мной?¹⁸

Упрек, который делает читатель писателю за то, что тот изображает серые будни и слабых жалких людей, а не поднимает их над действительностью, очень напоминает критику Воровского, адресованную непосредственно Чехову. Горьковский читатель выражает свой упрек холодным писателям без идеала так:

Ты, как луна, чужим светом светишь, свет твой печально-тускл, он много плодит теней, но слабо освещает и не греет он никого. Ты нищ для того, чтобы дать людям что-нибудь действительно ценное, а то, что ты даёшь, ты даёшь не ради высокого наслаждения обогащать жизнь красотой мысли и слова, а гораздо больше для того, чтоб возвести случайный факт твоего существования на степень феномена, необходимого для людей. Ты даёшь для того, чтобы больше взять от жизни и людей. Ты нищ для подарков, ты просто ростовщик: даёшь крупицу твоего опыта под проценты внимания к тебе. Твоё перо слабо ковыряет действительность, тихонько ворошит мелочи жизни, и, описывая будничные чувства будничных людей, ты открываешь их уму, быть может, и много низких истин, но можешь ли ты создать для них хотя бы маленький, возвышающий душу обман?.. Нет!¹⁹

Эта критика очень близка и народническому осуждению Чехова за отсутствие идеалов, холодную регистрацию фактов действительности. И по стилю, и по обличительному пафосу инвективы горьковского читателя напоминают уже знакомое – статью Михайловского «Об отцах и детях и о г–не Чехове». Симптоматично, что Михайловский откликнулся на творчество Горького – нового молодого писателя, входившего в литературу, – поставив его рядом с Чеховым, смысл и содержание произведений которого он переоценил. Сравнивая двух писателей, при всем их различии критик все же находит у них точки соприкосновения. Герои Чехова и Горького, по мнению Михайловского, страдают от недостающей им общей

«В человеке должно быть все прекрасно»: Чехов и марксистская публицистика

идеи. Критик меняет плюс на минус в оценке Чехова, полагая, что возмужавший писатель, хотя и не может дать своим героям общей идеи, осознает необходимость ее присутствия:

Итак, г. Горький и г. Чехов, несмотря на резкое различие своих писательских обликов, сошлись не только в мысли, а отчасти и в выражении ее на одном пункте: на необходимости «общей идеи» или «стройной и ясной мысли, охватывающей все явления», или «того, что называется Богом живого человека». Пусть г. Чехов выражает тоску по этой «общей идее» не от своего лица, а от лица старшего профессора, как и г. Горький говорит не от себя, а устами безымянного молодого писателя, но оба они понимают и эту необходимость, и эту тоску²⁰.

Читатель Горького мыслит сходным образом. Он говорит, что настало время приукрашивать жизнь, его слова почти полностью совпадают с собственными словами Горького в письме к Чехову:

Мы, кажется, снова хотим грёз, красивых вымыслов, мечты и странностей, ибо жизнь, созданная нами, бедна красками, тускла, скучна! Действительность, которую мы когда-то так горячо хотели перестроить, сломала и смяла нас... Что же делать? Попробуем, быть может, вымысел и воображение помогут человеку подняться ненадолго над землёй и снова высмотреть на ней своё место, потерянное им²¹.

В беседе писателя с его оппонентом в рассказе «Читатель» появляются слова «Бог» и «идеал». Бог, по определению читателя, «есть вечное стремление к совершенству», т. е. можно понимать – идеал. Наконец, читатель определяет миссию писателя как учительство. Не пушкинский шестикрылый серафим, совершивший Божественное преображение поэта в пророка, явился горьковскому литератору, а читатель, какой-то странный господин с глумливой усмешечкой, напоминающий двойников Достоевского. Читатель потребовал, чтобы писатель стал Учителем: «Мне нужен учитель, потому что я человек; я запутался во мраке жизни и ищу выхода к свету, к истине, красоте, к новой жизни, – укажи мне пути! Я человек, – ненавижу меня, бей, но извлекай из тины моего равнодушия к жизни! Я хочу быть лучшим, чем есть; – как это сделать? Учи!»²².

Итак, по Горькому, писатель должен учить читателя и возвышаться над толпой. Можно было бы увидеть в этом влияние идей Ницше. Однако у Ницше Заратустра – это не писатель, он абстракт-

тен, лишен социальной принадлежности и конкретики. Это образ-условность, дух сомнения, философ-учитель, заставляющий человека переоценивать ценности, подниматься вверх, познавая себя и мир.

В статье Михайловского, к которой мы уже обращались выше, очень точно охарактеризовано то, как вульгаризируется Горьким эстетическая категория красоты. Михайловский пронизательно увидел, что Горький, не имея четкой и ясной философии, по существу, утверждает красоту силы. Критик пишет:

В самом деле, разве трудно осиять «святым духом красоты» жизнь какого-нибудь Гарибальди и множества других, видных и невидных, но истинно героических борцов «за поработанных, за их право жить»? Г. Горький понимает это. Старуха Изергиль рассказывает у него красивую легенду о некоем смелом и сильном красавце Данко, который распорол себе грудь и вынул оттуда свое пламенеющее сердце, чтобы осветить соотечественникам дорогу из дремучего леса. Но в портретной галерее нашего автора есть, например, и «проходимец» Промтов, тоже сильный и смелый красавец, но пройдоха, лжец, шулер и альфонс, который, однако, тоже окружен некоторым ореолом красоты...²³

Горький утверждал анархическое разрушение, власть сильного над слабым, искажая идеи Ницше и находя в произведениях Чехова то, что не было им свойственно. Горький «вычитывал» в произведениях Чехова мысли, отвечавшие его собственному представлению о назначении литературы, призванной бороться со старыми устоями общества, «будничными людьми», уходящими в прошлое, разрушать во имя будущего. «Ваш “Дядя Ваня”, – делится с автором пьесы Горький впечатлениями от увиденного в Нижнем Новгороде спектакля, – это совершенно новый вид драматического искусства, молот, которым Вы бьете по пустым башкам публики. Все-таки она непобедима в своем туподушии и плохо понимает Вас и в “Чайке” и в “Дяде”»²⁴. Показательно, однако, что в этом же письме, наряду с восхищением, Горький почти слово в слово повторяет вопрос читателя («Читатель») к писателю – в данном случае непосредственно к Чехову: «Но, слушайте, чего Вы думаете добиться такими ударами? Воскреснет ли человек от этого? Жалкие мы люди – это верно, “нудные” люди, хмурые, отвратительные люди, и нужно быть извергом добродетели, чтоб любить, жалеть, помогать, помогать жить дрянным мешкам с кишками, каковы мы»²⁵. Горький пишет о холодности Чехова. «Мне, знаете, кажется, – признается Горький, – что в

«В человеке должно быть все прекрасно»: Чехов и марксистская публицистика

этой пьесе Вы к людям холоднее черта. Вы равнодушны к ним, как снег, как вьюга»²⁶.

Этот «грех», напомним, был поводом для иронии в ранней статье Михайловского о «молодом таланте», в холодности же упрекает и воображаемый читатель («Читатель») некоего писателя. Невольно возникает вопрос, не лукавит ли Горький, когда признается в любви Чехову? Из переписки двух писателей становится ясно, что отношение к пьесе и ее создателю выражено Горьким крайне противоречиво. Очень характерно и то, каким представлял себе Чехова Горький до знакомства с ним. В письме от 15 января 1899 г. Горький, набрасывая портрет любимого писателя, остается верен себе в преклонении перед сильной личностью, стоящей над миром:

<...> я представлял Вас себе стоящим высоко над жизнью. Лицо у Вас бесстрастно, как лицо судьи, и в огромных глазах отражается все, вся земля, и лужи на ней, и солнце, сверкающее в лужах, и души людские²⁷.

Очевидно, реальный портрет Чехова не совпал с воображаемым. Ниже в этом же письме читаем:

Потом я увидел Ваш портрет, это был какой-то снимок с фотографии. Я смотрел на него долго и ничего не понял²⁸.

Этот пример еще больше подчеркивает существовавшее противоречие в отношении Горького к старшему современнику.

Несомненно, Чехову были чужды дух разрушения, противопоставление сильной личности пигмеям мира сего и вообще манера контрастной ретушировки характеров, а главное, внешняя аффектация, грубость и брутальность в стиле Горького оскорбляли его эстетический вкус. В письме от 3 сентября 1899 г. Чехов деликатно дает понять своему коллеге, что брань и ругань разрушают гармонию художественного текста:

Вы по натуре лирик, тембр у Вашей души мягкий. Если бы Вы были композитором, то избегали бы писать марши. Грубить, шуметь, язвить, неистово обличать – это не свойственно Вашему таланту. Отсюда Вы поймете, если я посоветую Вам не пощадить в корректуре сукиных сынов, кобелей и пшибзиков, мелькающих там и сям на страницах «Жизни»²⁹.

В другом письме (3 января 1899 г.), говоря о недостатках стиля Горького – излишнем антропоморфизме при описаниях приро-

ды, избыточном украшательстве и перегруженности эпитетами, некоторой слащавости и неясности образов, – Чехов отмечает отсутствие в разбираемых произведениях очень важного, по его мнению, показателя красоты и художественности – грации. Чехов пишет: «Единственный недостаток – нет сдержанности, нет грации. Когда на какое-нибудь определенное действие человек затрачивает наименьшее количество движений, то это грация. В Ваших же затратах чувствуется излишество»³⁰. Таким образом, становится очевидным, сколь разным было представление о прекрасном у двух писателей-современников.

Эстетика Горького была абсолютно чужда Чехову потому, что Горький не был новатором не только формы, но и даже содержания. Вульгаризируя новые идеи Ницше, Горький заменил утилитарно-социологический идеализм народников социальными и политическими идеями марксизма, оставаясь в рамках все тех же принципов, превратившихся с течением времени в догмы. Герой-резонеры Горького призваны учительствовать и поднимать читателя над действительностью. Монолог такого героя в драматургическом произведении должен формировать позитивный образ, возвышать читателя, аудиторию до идеала. Чехов сразу заметил консерватизм в горьковской драматургии. В своем отклике на пьесу «Мещане» он отметил только один недостаток, который, однако, указывает на принципиальное мировоззренческое различие двух драматургов и на то, как далеко в прошлом остался Горький, несмотря на свои призывы к новым формам в искусстве. Как всегда, доброжелательно относясь к творчеству коллеги, Чехов, ободряя автора «Мещан», добавляет, тем не менее, ложку дегтя в похвалу:

Она (пьеса «Мещане». – М. О.), как и ждал, очень хороша, написана по-горьковски, оригинальна, очень интересна, и если начать с того, что говорит о недостатках, то пока я заметил только один, недостаток непоправимый, как рыжие волосы у рыжего, – это консерватизм формы. Новых, оригинальных людей Вы заставляете петь новые песни по нотам, имеющим подержанный вид, у Вас четыре акта, действующие лица читают нравоучения, чувствуется страх перед длиннотами и проч. и проч.³¹

Герой-резонер, читающий нравоучения, абсолютно несовместим с новой эстетикой Чехова-драматурга. За резонерство Чехов еще на первых этапах литературного пути критиковал А.С. Суворина, разбирая его пьесу «Татьяна Репина».

При всей личной взаимной симпатии писателей друг к другу, как видим, их творческий диалог напоминает разговор глухого со

«В человеке должно быть все прекрасно»: Чехов и марксистская публицистика

слепым или же диалоги в собственных пьесах Чехова, где нет и не может быть понимания между героями.

Противоречивость отношения Горького к драматургии Чехова, который, с одной стороны, восхищался его творчеством, а с другой – воспринимал его сообразно своим собственным представлениям о целях и задачах искусства, вызвана тем, что Горький, как впоследствии другие идеологи советской культуры, пел «новые песни по нотам, имеющим подержанный вид». Именно с этим связаны колебания в отношении к произведениям Чехова в 30–50-е годы XX в. Чехова, который не совпадал с образом «буревестника революции», или объявляли устаревшим писателем, или сводили смысл его произведений к обличению мещанства и воспеванию – не прямо, а косвенно – человека, призывающего к прекрасному светлому будущему.

Примечания

- 1 Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М.: Наука, 1974–1983. Т. 13. С. 83. Далее в тексте статьи указываются том и страницы («С» – сочинения, «П» – письма).
- 2 Луначарский А.В. Марксизм и литература // Луначарский А.В. Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1963–1967. Т. 7. С. 341.
- 3 Троцкий Л.Д. О пессимизме, оптимизме, XX столетии и многом другом // Восточное обозрение. 1901. 17 февр. № 36. URL: <http://www.komintern-online.com/trotl457.htm> (дата обращения: 16.10.2010).
- 4 Там же.
- 5 Воровский В.В. Лишние люди // А.П. Чехов: pro et contra. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 2002. С. 614.
- 6 Там же. С. 615.
- 7 Там же. С. 648.
- 8 Там же. С. 649.
- 9 Там же.
- 10 Там же. С. 651.
- 11 Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М.: Рипол классик, 1998. Т. 2. С. 152.
- 12 Там же. С. 153.
- 13 «Сравните с холерой – Ильей Муромцем!» (примеч. Воровского).
- 14 Воровский В.В. О М. Горьком // Воровский В.В. Литературно-критические статьи. М.: Худож. лит., 1956. С. 65.
- 15 Горький А.М. Собр. соч.: В 30 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949–1957. Т. 6. С. 169–170.
- 16 Горький А.М. Т. 5. С. 362.

М.М. Одесская

- 17 Переписка А.П. Чехова: В 2 т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 2. С. 326.
- 18 *Горький А.М.* Собр. соч. Т. 2. С. 195–196.
- 19 Там же. С. 200–201.
- 20 *Михайловский Н.К.* О повестях и рассказах гг. Горького и Чехова // Михайловский Н.К. Литературная критика и воспоминания. М.: Искусство, 1995. С. 501.
- 21 *Горький А.М.* Собр. соч. Т. 2. С. 198.
- 22 Там же. С. 205.
- 23 *Михайловский Н.К.* О повестях и рассказах гг. Горького и Чехова. С. 509.
- 24 Горький А.М. – Чехову. Между 20 и 30 ноября 1898 г. Н. Новгород // Переписка А.П. Чехова. Т. 2. С. 299.
- 25 Там же. С. 299–300.
- 26 Там же. С. 300.
- 27 Там же. С. 308.
- 28 Там же.
- 29 Там же. С. 321.
- 30 Там же. С. 305.
- 31 Там же. С. 356.

Е.Н. Басовская

«ЧИСТОТА ЯЗЫКА» КАК ПРОПАГАНДИСТСКИЙ ПОВОД

Статья посвящена одному из малоизученных пропагандистских приемов – использованию культурного концепта в роли средства для внедрения в сознание аудитории мировоззренческих идей, выходящих далеко за пределы обсуждаемого вопроса. На примере материалов, опубликованных в СССР и в эмигрантской прессе, показана маскировочная функция лингвистической проблематики, вскрыт идеологический подтекст дискуссий о «чистоте языка». Автором предложен термин «пропагандистский повод» для обозначения неполитических концептов, обслуживающих цели пропагандистского дискурса.

Ключевые слова: пропаганда, чистота языка, заимствованная лексика, речевые ошибки, реформа орфографии.

Целенаправленное распространение информации для воздействия на общественное сознание, или пропаганда, представляет собой, по выражению П. Рикера, «языковую форму насилия»¹. Уже философы эпохи Просвещения, не употребляя собственно термин «пропаганда», неоднократно обращали внимание на зависимость представлений человека о мире от той информации, которую он получает из различных текстов, и от того, в какой форме эта информация преподносится. Дж. Локк, размышляя над истоками человеческих заблуждений, писал:

Я не могу не отметить одного: как мало тревожит и занимает человечество сохранение и усовершенствование истины и познания, с тех пор как поощряется и предпочитается искусство обмана! Как сильно, очевидно, люди любят обманывать и быть обманутыми, если риторика, это могущественное орудие заблуждения и обмана,

имеет своих штатных профессоров, преподается публично и всегда была в большом почете! <...> И напрасно жаловаться на искусство обмана, если люди находят удовольствие в том, чтобы быть обманутыми².

Один из основоположников современного учения о пропаганде, Л. Дуб, определил ее как «систематические попытки заинтересованного индивида (или индивидов) с помощью внушения контролировать отношение к чему-либо групп других индивидов и, следовательно, контролировать их действия»³. В работах английского психиатра Дж. Брауна объясняется отличие пропаганды от других форм воздействия на сознание. Сравнивая пропаганду и педагогическую деятельность, исследователь указывает, что учитель вовлекает ученика в диалог и подталкивает к решению различных вопросов; методы пропагандиста преимущественно нерациональны; все ответы известны ему заранее – он внедряет в сознание аудитории определенные представления или просто вызывает коллективные чувства, но никогда не оставляет адресату простора для выбора. По словам Дж. Брауна, «преподаватель добивается медленного процесса развития, пропагандист – быстрых результатов; первый говорит людям, как думать; второй говорит им, что думать; один старается сформировать индивидуальную ответственность и открытый ум; другой, используя эффект толпы, старается сформировать ум закрытый»⁴.

Подробный анализ феномена пропаганды содержится также в трудах Ж. Элюля. Отталкиваясь от утверждений своих предшественников относительно иррационального характера пропаганды, он уточняет: пропаганда XX в. обращена к требовательной аудитории, поэтому она не может позволить себе полного отсутствия достоверных аргументов и редко допускает грубую ложь. Она действует значительно тоньше и искуснее, обрушивая на адресата огромный поток сложной информации. По мнению Ж. Элюля, «пропаганда сама по себе становится честной, прямой, точной, но эффекты ее остаются иррациональными из-за спонтанных трансформаций всего ее содержания индивидом»⁵.

Одна из наиболее оригинальных и парадоксальных идей Ж. Элюля состоит в том, что повышение уровня грамотности населения не только не обеспечивает свободы, но, напротив, содействует успеху пропаганды. Абсолютное большинство людей верит тому, что читает. Когда читают миллионы, их становится значительно легче в чем-либо убедить⁶. Данное соображение особенно актуально для изучения пропагандистских кампаний XX в., проводившихся в странах с высоким уровнем образования. Так, всеобщая грамот-

ность – задача, поставленная большевиками в начале 20-х годов, может рассматриваться не только как успешно достигнутая благая цель, но и как обеспеченный властью фундамент для массированного пропагандистского воздействия на общественное сознание.

Советская партийная печать на протяжении всего времени своего существования была инструментом пропаганды (об этом всегда говорилось открыто, начиная с известного афоризма В.И. Ленина 1901 г. «Газета – не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор»⁷). При этом она имела действительно массовый характер, пользовалась в обществе большим авторитетом, нередко служила эффективным средством решения отдельных социальных проблем. Для советского человека «написать в газету» означало обратиться за пониманием и помощью, мобилизовать на борьбу с трудностями крупные силы. Абсолютное большинство населения в 20–60-х и значительная его часть в 70–80-х годах XX в. относились к прессе с уважением и доверием.

Со временем это отношение модифицировалось, возрастала доля скептицизма, связанного со все более очевидными несообразностями пропагандистских заявлений (например, об успешном выполнении продовольственной программы). Однако следует повторить, что советская пропаганда ни в коем случае не может пониматься как однонаправленный процесс информационного давления власти на идейно и нравственно «чистый» народ. Сформированные ею на ранних этапах представления (например, убежденность в порочном характере частной собственности, понимание получения прибыли как спекуляции, уверенность в том, что на Западе люди ведут аморальный образ жизни, и др.) утверждались в сознании следующих поколений и становились концептуальной основой для дальнейшего воздействия.

Советская пропагандистская машина подробно описана в трудах историков, социологов и теоретиков журналистики. Исследователи, как зарубежные, так и российские в постсоветский период, не раз отмечали, что при социализме средства массовой информации (именовавшиеся в СССР «средствами массовой информации и пропаганды») являются органической частью партийно-государственной системы и ориентированы на пропаганду в большей степени, чем на распространение информации⁸. В рамках официальной доктрины коммунистическая пропаганда рассматривалась как необходимый и весьма достойный вид деятельности. Не случайно советские теоретики выделяли не только политическую, но и «культурно-просветительскую» пропаганду (пропаганду здорового образа жизни, пропаганду чтения и т. д.)⁹.

Пропаганда коммунистических ценностей велась непрерывно и с большой интенсивностью. Отдельные ее аспекты периодически активизировались в ходе пропагандистских кампаний, включавших в себя не только энергичную деятельность средств массовой информации, но и проведение лекций, бесед, собраний, митингов, подписание трудящимися писем одобрения или протеста. Крупнейшие пропагандистские кампании (разоблачение «врагов народа» в 30-х годах, борьба с «космополитизмом» в конце 40 – начале 50-х годов, кампания против Б.Л. Пастернака, развернутая в 1958 г., и др.) разворачивались в связи с происходившими в стране и мире событиями, т. е. имели очевидные *событийные поводы*.

Но пропагандистская практика требовала регулярной активизации в сознании аудитории важнейших идеологем, таких как величие Октябрьской революции и советского строя, враждебность капиталистического окружения, и многих других. Историческая реальность не всегда давала основания для активизации обсуждения подобных вопросов. Поэтому пропагандистская машина использовала и *несобытийные пропагандистские поводы* из числа явлений, традиционно значимых для российского общественного сознания. Речь идет о феноменах, само упоминание которых гарантированно вызывало общественный резонанс и провоцировало дискуссию.

К числу подобных явлений, несомненно, относится так называемая чистота русского языка. Данный концепт сформировался на рубеже XVIII–XIX вв. и с тех пор не терял актуальности в российском общественном сознании. Причем если в дореволюционный период проблема «чистоты языка» волновала исключительно образованную часть населения, то в дальнейшем чувство сопричастности судьбе языка было сформировано и у многих представителей «простого народа». Средняя школа и средства массовой информации внушали советским людям представление о том, что каждый трудящийся может с полным правом оценивать качество текста (в том числе и художественного) и давать рекомендации автору.

Судьба русского языка искренне волновала многих его носителей. Пресса, поднимая этот вопрос, уверенно рассчитывала на общественный резонанс. При этом организованная СМИ кампания могла быть в действительности направлена вовсе не на защиту языка, а на решение иных пропагандистских задач.

Цель данной статьи – выявление пропагандистского подтекста дискуссии о «чистоте языка». В исследовании используется материал не только советской, но и откровенно антисоветской периодики. Опубликованные в одно время в СССР и в эмигрантской печати статьи о «чистоте языка» обнаруживают типологическое сход-

ство: лингвистическая тематика оказывается в обоих случаях лишь пропагандистским поводом, средством внедрения в сознание читателей тех или иных идеологических постулатов.

Избранные хронологические рамки – 1958–1963 гг. – определяются временем существования русскоязычного журнала «Русская речь. La parole russe», который выходил в Париже под эгидой «Союза для защиты чистоты русского языка». Издателем и автором значительной части текстов был юрист и литератор Никита Васильевич Майер¹⁰. «Русская речь» появилась в период заметного повышения общественного интереса к вопросам культуры речи в СССР и неоднократно вступала в заочную дискуссию с авторами публикаций в советских изданиях. Такое столкновение мнений дает основания для сопоставительного анализа и выявления общих черт советского и антисоветского пропагандистского дискурса.

Духовная ситуация «оттепели», сформировавшаяся в СССР после смерти И.В. Сталина, способствовала значительному оживлению в гуманитарных науках. Такие явления, как относительная либерализация, снятие запрета с ряда отечественных и зарубежных научных имен, трудов и концепций, активизация международных контактов, привели к интенсификации исследований, в том числе и в некоторых областях лингвистики.

Середина 50-х – 60-е годы XX в. – время беспрецедентного подъема как научного, так и общественного интереса к вопросам культуры речи. Это вполне закономерно: огромному количеству людей было дано слово для относительно свободного самовыражения. Интенсифицировалась общественная жизнь. Разворачивались дискуссии на партийных и комсомольских собраниях, допускались неподготовленные выступления с мест на поэтических вечерах в Политехническом музее, широким потоком шли письма читателей в редакции газет, журналов, радиопрограмм. Умение говорить и писать правильно и выразительно оказалось востребованным после большого исторического перерыва.

В годы «оттепели» появилось несколько значительных научных работ, посвященных вопросам культуры речи, а также были опубликованы популярные книги, обращенные к массовому читателю: «Правильно ли мы говорим?» Б.Н. Тимофеева (1960), «Живой как жизнь» К.И. Чуковского, «Судьбы родного слова» А.К. Югова (обе – 1962) и некоторые другие.

Существенное внимание уделяла лингвистическим проблемам и периодика. Так, журнал «Звезда» печатал заметки Б.Н. Тимофеева «Почему мы так говорим?» (1957, 1958); «Новый мир» – большой материал К.И. Чуковского «О соразмерности и сообразности» (1961) (в обоих случаях журнальные публикации составили в даль-

нейшем часть книжного текста). Максимальную активность проявляла в данном вопросе «Литературная газета»: на ее страницах в конце 50 – начале 60-х годов появилось более 30 статей и заметок, касавшихся культуры русской речи.

Одним из самых ярких было выступление А.К. Югова, поместившего в двух номерах «Литературной газеты» эссе под названием «Эпоха и языковой “пяточок”»¹¹. Писатель высказался против обезличивания языка, лишения его национальной специфики. Сравнивая два высказывания: «Слово к человеку примеряйте!» и «Ориентируйтесь на интеллектуальный горизонт, на сферу интересов аудитории», Югов так оценил второе: «<...> Ведь ни одного же русского словечушка!»

По мысли автора, «и житейская наша речь, и художественная русская литература невероятно засорены иностранными словами и синтаксическими оборотами, при этом без всякой надобности, а просто в силу некой умственной лени, небрежения к родному языку, чем кичились в былые времена “гулящие” по заграницам дворянчики <...> Именно от дворянского сословия исходила зараза безнародности, сиречь космополитизма <...>» [ЛГ. 1959. № 7. С. 3].

Осудив Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова за сокращение словника по сравнению со словарем В.И. Даля, а также за «неодобрительные» стилистические пометы «разг.», «прост.», «обл.», «спец.», «уст.», Югов потребовал, чтобы редакторы перестали мешать ему и другим литераторам писать «народным языком», т. е. свободно использовать просторечие и диалектизмы.

В те же годы против избытка иностранных слов боролся и парижский журнал «Русская речь». Одним из первых объектов критики с его стороны стали заимствованные слова, «которые не нужны русскому языку, так как в нем для соответствующего понятия имеются свои собственные <...>» [РР. № 2. С. 3].

В статье, так и называвшейся – «Засорение иностранными словами», был предложен список заимствований, подлежащих замене:

абстрактный – отвлеченный
легально – законно
персонально – лично
генерация – поколение
дегенерация – вырождение
фундаментально – основательно
анонс – объявление
грандиозный – огромный
мемуары – воспоминания
кутюра – сокращение, пропуск

претендовать – притязать
позитивный – положительный
негативный – отрицательный
интернациональный – международный
экстренно – срочно
детально – подробно
экспорт – вывоз
импорт – ввоз
индустрия – промышленность
манускрипт – рукопись
моментально – мгновенно, тотчас
эксперимент – опыт
абориген – туземец, старожил
лига – союз [РР. № 2. С. 3].

В отсутствие полноценной коммуникации, когда «Русская речь», как и любое другое эмигрантское издание, не могла распространяться в СССР, а «Литературная газета» попадала к представителям русской диаспоры во Франции нерегулярно и с большим опозданием, диалог между оппонентами был невозможен. Обе стороны высказывались «в пустоту» и закономерно не замечали сложившейся парадоксальной ситуации: с точки зрения А.К. Югова и его сторонников, чуждые элементы привносились в язык космополитическим дворянским сословием, а продолжение этого процесса при социализме должно было рассматриваться как пережиток дореволюционного прошлого. По мнению же Н.В. Майера и его единомышленников, порча русского языка иностранными словами активизировалась именно при антинародной, космополитической советской власти.

Радикализм «Русской речи» может быть объяснен отстраненностью Н.В. Майера и других авторов от советской речевой практики. Думается, по прошествии более 30 лет со времени отъезда из России эти люди подсознательно воспринимали советскую реальность как нечто отвлеченное, условное, а потому подлежащее самым решительным изменениям и исправлениям. Все, что вошло в речевой обиход после революции, редакция «Русской речи» воспринимала как наносное, чуждое духу русского языка и, значит, легко устранимое. Безусловно, важен и тот факт, что среди парижских защитников русского языка не было лингвистов. Многие публикации журнала отражают обывательское представление о том, что язык зависит от воли отдельных людей и поддается целенаправленной корректировке. Но в наибольшей степени на точку зрения авторов «Русской речи» относительно тех или иных лингвистических явлений влияла пропагандистская установка на формирование в читателях ненависти к советскому режиму.

Параллельно с советской прессой обратилась парижская «Русская речь» и к проблеме бюрократизации языка в условиях социализма. Поводом для рассмотрения этой проблемы стала опубликованная в 1959 г. «Литературной газетой» статья К.Г. Паустовского «Бесспорные и спорные мысли». Этот материал, как и упоминавшаяся ранее статья А.К. Югова, был частью газетной кампании, проводившейся после Первого съезда писателей РСФСР и в ходе Третьего съезда писателей СССР. Начало организованной дискуссии положило выступление М.В. Исаковского и О.Д. Форш в «Правде». Писатели говорили о значимости литературного мастерства, в том числе об уровне владения языком. Развивая данное положение, К.А. Федин выступил с предложением провести широкую дискуссию на тему «Язык и народ» [ЛГ. 1958. № 147. С. 3].

Все эти обстоятельства не были приняты во внимание публицистом «Русской речи», сообщившим читателям, что «советская «Литературная газета» напечатала крамольную статью советского автора К. Паустовского» [РР. 1959. № 6. С. 1].

Совершенно очевидно, что подцензурная «Литературная газета» не могла поместить на своих страницах ничего «крамольного». Кроме того, высказывание Паустовского воспринималось читателями внутри страны в контексте официально одобренной дискуссии о языке, пафосом которой было воспевание великого русского языка и огромных достижений советской литературы.

«Литературная газета» не случайно опубликовала статью Паустовского под названием «Бесспорные и спорные мысли», подчеркивавшим субъективность сделанных писателем относительно резких критических замечаний. Глубоко продуманным было и завершение статьи, «не замеченное» «Русской речью». Паустовский подчеркивал: «<...> я благодарен жизни <...> прежде всего за то, что я родился и живу в России в замечательную эпоху ее существования» – и говорил о своем страстном желании «совершенствования и великолепнейшего расцвета нашей культуры» [ЛГ. 1959. № 61. С. 4].

Таким образом, в статье преобладало позитивное начало и она не была ни «крамольной», ни просто нетипично смелой для советской публицистики конца 50-х годов.

Тем не менее, с учетом сделанных уточнений, материал действительно содержал негативную оценку современного состояния русского языка. Журналист «Русской речи» привел обширные цитаты из статьи Паустовского, где, в частности, говорилось: «Бережем ли мы <...> язык? Нет, не бережем! Наоборот, язык все больше загрязняется, переламаывается и сводится к косноязычию. Нам угрожает опасность замены чистейшего русского языка скудоумным и мертвым языком бюрократическим <...>

Почему мы миримся со скудостью бюрократического и обывательского языка, с его нищетой, серятиной и фонетическим безобразием? Мы, считающие себя самыми передовыми людьми, создателями новой жизни?!» [ЛГ. 1959. № 61. С. 4].

Заданные вопросы Паустовский оставил без ответа. Для автора публикации в «Русской речи» ответ был очевиден: русский язык не мог не оскудеть при антинародной большевистской власти. Само упоминание о неблагополучии, царящем в русском языке, было воспринято как значительный и показательный шаг: «Важно то, что на поверхности советских текущих дней стали появляться темы, о которых и советские граждане и русские эмигранты говорят одним и тем же языком <...>» [РР. 1959. № 6. С. 2].

Надо сказать, что «один и тот же язык» русских эмигрантов и статьи Паустовского – это язык в первую очередь не обличения, а прославления. Единодушные публицистов, находившихся по разные стороны идеологических баррикад, особенно остро ощущается, когда советский писатель прославляет русский язык:

Русский язык – одно из величайших чудес на земле. В течение многих веков Россия была нищей, сирой, бесправной и темной. Но, несмотря на это, вопреки этому, наш народ создал язык поистине гениальный – сверкающий, певучий, живописный и богатейший в мире.

Советский прозаик выступает здесь со славянофильских позиций, столь близких значительной части эмиграции, включая и редакцию «Русской речи».

Что же касается существа вопроса – экспансии лексических и грамматических канцеляризмов в разговорную речь, СМИ и художественную литературу, то «Русская речь» не посвятила ему ни одной специальной публикации и вообще не придала должного значения. Причину этого следует, вероятно, искать в недостатке фактического материала, а также в некоторой стереотипности мышления авторов эмигрантского издания, которые, как указывалось, не были лингвистами и избирали для рассмотрения общеизвестные, традиционно упоминавшиеся в популярной литературе языковые «болезни».

В конце 50 – начале 60-х годов советская печать регулярно разъясняла читателям, почему необходимо искоренять лексически и грамматически неверные выражения. В частности, Б.Н. Тимофеев характеризовал как ошибочные конструкции *для проформы, свободная вакансия, смотреть кино, столько много, на Москва-реке* [Звезда. 1958. № 2. С. 250–251].

Вскоре после этого «Литературная газета» поместила статью Л. Раковского «Чувство языка», где грубой речевой ошибкой называлось использование глагола *суметь* в значении «смочь» (*Вы сумеете ко мне подъехать?* вместо *Вы сможете ко мне приехать?*). В том же ряду оказались и многие другие лексико-семантические новации: *запросто* (в значении *просто*), *подбросить* (*подвезти*), *подкинуть* (*дать*), *подойти* (*прийти*) [ЛГ. 1959. С. 3–4]. Признавая, что новому в языке противостоять бесполезно, Л. Раковский все равно требовал борьбы с лексическими сорняками.

Аналогичная установка, только в ином идеологическом обрамлении, не раз отражалась и в публикациях зарубежных ревнителей «чистоты языка». При сопоставлении материалов, опубликованных в советской «Литературной газете» и эмигрантской «Русской речи», постоянно обращают на себя внимание почти точные совпадения высказываний непримиримых идеологических противников.

Парижский журнал оценивал как неправильные и недопустимые выражения *благодаря пожару, займите мне, одевать на себя, согласно чего-либо* и другие [РР. 1959. № 4. С. 7; № 5. С. 6; № 6. С. 7]. Были в числе осуждаемых конструкций и не столь бесспорно неправильные: *я вас туда проведу* (вместо *провожу*), *вести работу* (вместо *выполнять*), *проработать* (вместо *изучить*) и все то же *не сумею прийти* (вместо *не смогу*). В оценке этих слов и словосочетаний проявлялось характерное для эмиграции первой волны неприятие нового, объяснявшееся отождествлением нового и советского. При этом защитникам русского языка было свойственно равно неприязненное и бескомпромиссное отношение как к действительно грубым и немотивированным нарушениям литературных норм, так и к неизбежным лексико-семантическим сдвигам.

Единственный лингвистический вопрос, в решении которого советские авторы и публицисты-эмигранты расходились совершенно, касался развития русской орфографии. В СССР в начале 60-х годов шло обсуждение орфографической реформы, направленной на то, чтобы облегчить изучение русского языка, прежде всего в средней школе.

Пафос статьи профессора А.И. Ефимова «Красноречие и орфография» [Известия. 1962. № 71. С. 3] заключался в обосновании необходимости унифицировать и упростить правила русской орфографии. Доказывая важность подобных мер, А.И. Ефимов предлагал читателю представить себе старшеклассника, вдохновенно описывающего природу и внезапно спотыкающегося на простом на первый взгляд вопросе: «Как пишется это поэтическое слово: **зоря** или **заря**? Что во множественном числе зори – это ясно. А вот в единственном? Казалось бы, есть образцы: море – моря, воды – во-

да». Воображаемый школьник вспомнил, что «его друг схватил в прошлом году двойку за эту самую **зарю**», и вообще утратил вкус к самостоятельному письменному творчеству: «И красноречие пропало, появились штампы <...>»

По мысли А.И. Ефимова, в современной школе «орфография убила красноречие и поэзию». Однако вина за это возлагается, конечно, не на советскую систему образования, а на дореволюционную науку и учебную практику. В классических традициях советской пропаганды негативное явление трактуется как «пережиток» предшествующей эпохи. Интересно также, что Ефимов дистанцируется от русской орфографии, характеризуя ее как порождение не только царской России, но и чуждой немецкой ментальности:

Невероятно и без надобности перегруженная русская орфография в основном сохранилась со времен профессора Я. Грота. Еще в прошлом веке он, с немецкой аккуратностью и утонченной пунктуальностью <...> собрал и систематизировал множество правил, отклонений, исключений, вариантов и т. п. <...> Его орфография предназначена не для широких масс народа <...> Такая орфография была тормозом для желающих учиться «кухаркиных детей». По инициативе В.И. Ленина Октябрьская революция еще в 1917 г. покончила с ятем, фитой, твердым знаком в конце слова, а также с некоторыми окончаниями, усложняющими грамматику.

А.И. Ефимов утверждает, что лишь тяжелые условия Гражданской войны и разрухи не позволили советской власти довести реформу до конца и сделать русское правописание простым и удобным для широких народных масс. По его словам, «освобожденные от бесплодного труда по заучиванию исключений, почувствовав красоту и величие родного языка, учащиеся будут с энтузиазмом изучать его».

Идея дальнейшего упрощения русского письма была абсолютно неприемлема для эмигрантской общественности. Тексты «Русской речи» набирались в соответствии с дореволюционными орфографическими нормами, и это не раз специально подчеркивалось. В одном из материалов отмечалось даже, что главной своей миссией редакция считает публикацию материалов, «не опоганенных советской орфографией и словотворчеством» [РР. 1961. № 14. С. 7].

Прошедшая в 1918 г. реформа орфографии была для белой эмиграции ярким символом антирусской деятельности большевиков. В действительности ленинское правительство сыграло в реформе правописания лишь организационную роль, воплотив в жизнь идеи Орфографической комиссии Российской академии наук¹². Тем не

менее советская пропаганда включила упрощение правописания, его приближение к интересам народа в число культурных достижений новой власти. Антисоветская же пропаганда, симметрично искажая действительность, придала старой орфографии сакральный характер и обвинила большевиков в ее разрушении.

Статью Ефимова «Русская речь» комментировала с типичным для нее пропагандистским пафосом: «Как внушить этому профессору, что язык каждого народа создается больше всего душою этого народа, таящей в себе тончайшие оттенки его чувств и понимания им окружающего мира, что тем совершеннее язык, чем многограннее душа создавшего его народа, чем больше в нем этих тончайших оттенков его чувств и мыслей и чем точнее выражены они его языком. Вот эти тончайшие оттенки <...> ускользают от топорного мировосприятия советского профессора, отлученного советчиной от души русского народа и потому неспособного понять также и душу родного языка» [РР. 1962. № 18. С. 2].

Весьма показательна манера публицистов «Русской речи» использовать исключительно эмоционально-образную аргументацию. Текст Ефимова дает все основания для предметной дискуссии (в нем говорится, в частности, о необходимости «приблизить написание слов к их произношению, устранить такие искусственные усложнения, как сдвоенные буквы, выбросить различные исключения, принять единый принцип написания сложных слов, единый разделительный знак... сделать более простыми правила переноса, убрать мягкий знак в словах типа “рожь”... упорядочить написание суффиксов, предлогов, употребление тире, кавычек и т. д., и т. п.»). Но в статье «Новая реформа» нет анализа конкретных языковых фактов, а ошибочность взглядов А.И. Ефимова доказывается лишь тем, что его мировосприятие искажено «советчиной».

В 1960 г. «Русская речь» напечатала статью жившего в США эмигранта Б.Л. Бразоля «Родной язык», целиком посвященную разоблачению пагубного влияния советской власти на русский язык. «Что говорить про Совдепию? – писал публицист. – Там чуждая и враждебная русской народности власть как будто задалась целью <...> убить красоту, гармонию, невыразимую прелесть родной нашей речи, подменить ее воровским диалектом или интернациональным жаргоном – эсперанто <...> Жутко вслушиваться в эту <...> барабанную дробь, в эту хулиганскую бестолочь всех этих “ширпотребов”, “осоавиахимов”, “наркомпросов”, “вузов”, “наркомфинов” и “селькоров”, “гумов”, “политруков” и “нарсудов”...» [РР. 1960. № 10. С. 6].

Текст Б.Л. Бразоля обладает рядом признаков, в целом характерных для эмигрантской публицистики, поднимавшей вопросы

развития языка. В ней чаще всего преобладает эмоциональное начало, широко используются резкие негативизмы и экспрессивные метафоры, в то время как рациональная критика перечисляемых языковых фактов очень слаба или вообще отсутствует. Кроме того, авторы-эмигранты, глубоко убежденные в собственной правоте (идейной, а следовательно, и лингвистической), во многих случаях делают широкие обобщения, одинаково интерпретируя языковые явления разного порядка. Так, Б.Л. Бразоль ставит в один ряд сложносокращенные слова, возникшие в советский период, не выделяя среди них устаревшие (*осоавиахим, наркомпрос*) и актуальные.

Вызывавший гнев Б.Л. Бразоля советский бюрократический жаргон, вне всякого сомнения, существовал и оказывал деструктивное воздействие на русский язык. Об этом писала и «Литературная газета», опуская, разумеется, в данном словосочетании слово «советский». Тяжелый и маловразумительный казенный язык цензура позволяла именовать «канцелярским»: такое определение порождало желаемые ассоциации с царской бюрократией и вписывало критикуемые речевые факты в ряд так называемых пережитков.

Важно при этом, что в СССР филологи и журналисты, погруженные в реальную речевую среду, выступали в конце 50 – начале 60-х годов не против забытых *осоавиахима* и *наркомпроса* и вообще не против звуковых и слоговых сокращений как таковых, а против активно употреблявшихся в устных и письменных текстах слов и конструкций, порожденных чиновничьей речью: *приплюсовать* (*прибавить*), *свиноматка*, *рыбопродукт*, *букинистическая книга*, *посадочное место*, *пошив* [ЛГ. 1959. № 61. С. 3; № 134. С. 3; 1961. № 108. С. 4].

В этих и подобных материалах затрагивались, хоть и робко, с оглядкой на цензуру, действительно болезненные проблемы эволюции русского языка при социализме.

Выступление же Б.Л. Бразоля в «Русской речи» могло звучать убедительно только для эмигрантов, не знавших советской языковой среды. Надо подчеркнуть, что отставание от эпохи, незнание и непонимание новейших тенденций в развитии языка в целом свойственно пуристам и является неизбежным следствием их консервативного мировоззрения. Те же качества характерны в целом и для эмигрантского сознания. В парижской «Русской речи» произошло органичное соединение пуристской и эмигрантской ментальностей.

Следующий крупный материал, в котором лингвистические вопросы были соединены и практически отождествлены с политиче-

Е.Н. Басовская

скими, появился в «Русской речи» в 1962 г. В статье, опубликованной в качестве редакционной, без подписи, говорится:

Сорок четыре года и два месяца Россию продолжают скрывать под кличкой «СССР». Сорок два года церкви оскверняются, молодежь, руководимая партийцами, воспитывается на лжи, взаимном доноситељстве <...> «народ безмолвствует» <...> Давно пора приняться за антисоветскую пропаганду... Русским людям должно быть внушено, во-первых, что им нужно найти способ борьбы против террора, который их порабощает <...> Во-вторых, русским людям <...> должно быть объяснено, что вступление в партию дело во все не простое и ясное, что принадлежность к партии <...> налагает также и ответственность за все содеянное партией <...> Только пропаганда силы, а отнюдь не увещания, поможет России вновь стать Россией, советским гражданам стать русскими людьми, советскому языку и правописанию стать русским языком и правописанием и т. д., и т. п. [РР. 1962. № 16. С. 1–2].

В данном материале со всей очевидностью проступает такое свойство языкового пуризма, как тенденция к превращению в национализм и даже шовинизм. Деятели эмиграции не могли не сознавать, что за «кличкой» СССР кроется далеко не только Россия, а граждане СССР – это люди множества различных национальностей. Но пропагандистские цели достигались более эффективно именно при апелляции к национальным чувствам противников советского режима. Это в очередной раз доказывает, что русский язык был особенно дорог публицистам белой эмиграции как символ всего того, что пыталась отнять у народа космополитическая советская власть.

В 1961 г. «Новый мир» напечатал статью К.И. Чуковского «О соразмерности и сообразности» – журнальный вариант нескольких фрагментов будущей книги «Живой как жизнь».

В главе «Старина и новизна» Чуковский рассуждал о неизбежности языковой эволюции и конфликта между речевыми предпочтениями старого и молодого поколений. В следующей главе – «Против ханжей и кликуш» – рассматривалась проблема использования иностранных слов; в третьей – «И хорошо, и плохо» – создание и применение сложносокращенных слов. В конце статьи автор заявлял, что самую серьезную опасность представляет для русского языка так называемая канцелярская немочь [Новый мир. 1961. № 5. С. 223], но этот сюжет, безусловно ключевой для книги «Живой как жизнь», остался за пределами журнального текста.

Парижский публицист, пародируя заголовок первоисточника, назвал свой материал «О несуразности и нелепости» [РР. 1962. № 19–20]. Показательно, что реальное название статьи Чуковского «Русская речь» воспроизвела неправильно – «О соразмерности и соответствии». На основании этого можно предположить, что Н.А. Потемкин был знаком с публикацией «Нового мира» не в оригинале, а в изложении или переводе. Тем не менее в рецензии достаточно точно диагностировано явление, типичное для советских публикаций, посвященных борьбе за «чистоту языка»: в соответствии с официальной точкой зрения некоторые речевые новации защищены от критики тем фактом, что они порождены революционной эпохой и новым миром социализма.

Соглашаясь с Чуковским в ряде частных, публицист «Русской речи» заявлял не о некомпетентности, а о неискренности оппонента. По его словам, Чуковский признает, что язык болен, но умалчивает о причинах болезни. Например, засорение языка уголовным жаргоном следовало бы объяснить тем, что значительная часть населения СССР прошла через тюрьмы и лагеря; самая же опасная языковая болезнь – канцелярит – порождена коммунистическим строем и исчезнет вместе с ним.

Безусловно, К.И. Чуковский и другие авторы советских публикаций о «чистоте языка» не имели возможности открыто говорить о социальных истоках негативных лингвистических явлений (или должны были объявлять все дурное «пережитком» дореволюционной эпохи, что через полвека после революции приобрело комический оттенок).

В то же время дело обстояло не так просто, как казалось зарубежным противникам советской власти. В дальнейшем ни распад СССР, ни крушение социалистической системы в целом не привели к очищению языка и тем более не заставили его носителей вернуться ни к старой орфографии, ни к прежним значениям семантически эволюционировавших слов, ни к устаревшим грамматическим формам. В речи современного носителя русского языка не стало меньше ошибок; не изжит и бюрократический жаргон. Таким образом, справедливо связывая проблемы языка с социально-политическими процессами, Н.А. Потемкин делал ошибочные выводы. Что же касается К.И. Чуковского, то он, несомненно оглядывавшийся на цензуру, при этом точнее понимал природу лингвистической эволюции и совершенно справедливо не ждал, что однажды придет момент тотального языкового очищения.

В СССР периода «оттепели» журнальные и газетные публикации, посвященные культуре речи, нередко имели явный идеологический подтекст. В условиях жесткой цензуры, при отсутствии сво-

боды дискуссий разрешенная тема «чистоты языка» не раз становилась средством передачи имплицитного содержания: защиты русской самобытности (у А.К. Югова), критики бюрократической системы (у К.Г. Паустовского и К.И. Чуковского).

Еще более откровенно использовали борьбу за «чистоту языка» в качестве пропагандистского повода публицисты парижской «Русской речи». Журнал, издававшийся на протяжении пяти лет, обращенный к относительно узкому кругу образованной русской эмиграции и никогда не упоминавшийся в современной ему советской печати, не мог оказать никакого влияния на развитие русского языка. Воздействие его на речевое поведение читателей-эмигрантов также вряд ли было значительным, тем более что редакция не проводила последовательной просветительской и воспитательной политики, а лишь однократно упоминала те или иные негативные факты. Судя по всему, основатель издания Н.В. Майер и печатавшиеся у него литераторы и не ставили перед собой задач такого рода. Защита русского языка, «испорченного» большевиками, служила отправным пунктом для разоблачения советской системы. По мнению авторов «Русской речи», именно в русском языке периода социализма – в языке с искаженной орфографией, обилием заимствований и уродливых канцеляризмов – проявлялась антинародная сущность установленного революцией режима.

При этой исходной установке борьба «за чистоту языка» не только не могла, но и не должна была быть действенной. В то же время она эффективно обслуживала интересы антисоветской пропаганды, так как поддерживала в читателях раздражение против творимых большевиками бесчинств и боль за поруганную русскую культуру.

Проведенный сопоставительный анализ хронологически и тематически близких материалов советской периодики и издававшегося в эмиграции журнала «Русская речь» позволяет констатировать существование такого явления, как несобытийный пропагандистский повод. В этой роли может выступать любое актуализированное в общественном сознании явление, само упоминание о котором вызывает у аудитории повышенный интерес и всплеск эмоций. Традиционная словоцентричность русской культуры обеспечила выполнение этой функции вопросам развития языка, и главным образом проблеме так называемой чистоты языка – как в советской, так и в антисоветской пропаганде. Отсюда следует необходимость критически подходить к выступлениям в защиту чистоты языка в современной прессе и обращать особое внимание на идеологический подтекст подобных публикаций.

- ¹ *Рикер П.* Торжество языка над насилием: Герменевтический подход к философии права // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 32.
- ² *Локк Дж.* Соч.: В 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1985. С. 566–567.
- ³ *Doob L.W.* Propaganda: its psychology and technique. New York: Holt and Company, 1935. P. 89.
- ⁴ *Brown J.A.C.* Techniques of Persuasion: From Propaganda to Brainwashing. London: Harmondsworth (Mddx.) etc.; Penguin books, 1979. P. 21.
- ⁵ *Elul J.* Propaganda: The Formation of Man,s Attitudes. New York: Alfred A. Knopf, 1966. P. 86–87.
- ⁶ *Ibid.* P. 108.
- ⁷ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1967. Т. 5. С. 11.
- ⁸ Об этом см., напр.: *Bittman L.* The new image-makers: Soviet Propaganda and Disinformation under Gorbachev // The new image-makers: Soviet Propaganda and Disinformation Today. Washington; New York; London; Oxford: Washington etc. Pergamon – Brassey's, 1988. P. 17.
- ⁹ См., напр.: *Скуленко М.И.* Журналистика и пропаганда. Киев: Вища школа, 1987. С. 44.
- ¹⁰ *Н.В. Майер (1879–1965)* – выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета; в дореволюционный период – присяжный поверенный Санкт-Петербургского окружного суда, редактор журнала «Санкт-Петербургский экономист». В 1919 г. выехал из Москвы в Батуми. Через Константинополь переехал в Берлин, затем – в Париж. См.: Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–1999: В 6 т. Л.; М.: Пашков дом, 2004. Т. 4. С. 300.
- ¹¹ Подробнее о дискуссии, развернувшейся в связи с публикацией статьи А. Югова, см.: *Басовская Е.Н.* Проблема «чистоты языка» на страницах «Литературной газеты» в годы оттепели // Вестник РГГУ. Серия «Журналистика. Литературная критика». 2008. № 11. С. 160–170.
- ¹² Существует обширная литература, посвященная орфографической реформе 1918 г. и показывающая ее историко-культурные корни. См., напр.: *Григорьева Т.М.* Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). М.: Эллис, 2004.

С.Е. Эрлих

ТОПОНИМ «СЕНАТСКАЯ ПЛОЩАДЬ» В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

В данной статье речь идет об употреблении топонима «Сенатская площадь» в исторических документах и современной публицистике. Делается вывод о связи этого топонима с исторической памятью граждан России, о его актуальности в современном политическом контексте.

Ключевые слова: современная журналистика, Сенатская площадь, Исакиевская площадь, Петровская площадь, декабристы, В.И. Матвиенко, марш несогласных.

Сенатская площадь в Петербурге – одно из самых знаменитых мест города. Именно на этой площади, по выражению Ю.Н. Тынянова, «в декабре месяце тысяча восемьсот двадцать пятого года перестали существовать люди двадцатых годов с их прыгающей походкой. Время вдруг переломилось». Нельзя не признать: декабристы давно уже стали частью российского социокультурного мифа. Свидетельство тому – постановление от 29 июля 2008 г. губернатора Санкт-Петербурга В.И. Матвиенко «О возвращении исторического названия пл. Декабристов». Постановление предписывает «вернуть пл. Декабристов в Адмиралтейском районе Санкт-Петербурга историческое название Сенатская пл.»¹.

Естественно, переименование было вовсе не случайным: оно отразило специфику взаимоотношений современной власти и современного общества. Анализу перипетий этого переименования и их отражения в публицистике и посвящена данная работа.

За свою историю одна из крупнейших площадей Санкт-Петербурга имела много имен. В царское время она называлась по ассоциации с тремя расположенными на ней объектами: собором (Иса-

акиевская, с 1707 г.), государственным учреждением (Сенатская, с 1763 г.), памятником (Петровская, с 1768 г., когда было определено место установки будущего монумента).

Первое имя площади – Исаакиевская – официально было закреплено 20 апреля 1738 г. в документе, озаглавленном «Высочайшая резолюция на доклады комиссии о С. Петербургском строении». В этом документе содержится реестр «Адмиралтейского острова улицам, каналам, мостам, эллингам, площадям и лугам, как оныя по комиссскому разсуждению впредь именовать», где указано, что площадь «у Исаакиевской церкви приказано именовать “Исаакиевской”»².

Екатерина II хотела официально связать имя площади со своим детищем. Через два дня после торжественного открытия памятника (7 августа 1782 г.) государыня особым указом «О именовании площади перед Сенатом площадью Петра I» повелела называть площадь не «Петровскою, но площадью Петра Первого»³.

Однако официальное название не прижилось – и просторечное название «Петровская площадь» снова и снова воспроизводилось в журналистике и литературе. Журналистика и литература продолжают именовать ее Петровской. Так, А.И. Клушин в июне 1792 г. в журнале «Зритель» писал: «Великолепная Петровская площадь, набережная – какое величественное зрелище! – На сей-то площади воздвигнут монумент Петру Первому, государю мудрому, великому»⁴. «Санкт-Петербургские ведомости» сообщают 4 октября 1782 г.: «*Посреди* пространной площади, Петра Перваго наименованной, между Сената и Адмиралтейства против моста чрез Неву, сооружен сей великолепный монумент, достойное приношение герою от Екатерины Вторья»⁵.

В Новом и полном географическом словаре (1789) указаны пределы и даже размеры площади: «Площадь в середине коей воздвигнуто изваяние получила название Петровской площади. Ширина ее от Сената до Адмиралтейства содержит 67, а длина от Невы реки до Адмиралтейскаго канала 120 сажень»⁶.

Примеры можно множить.

Однако наряду с этим названием бытовало и прежнее название – Исаакиевская площадь. И.М. Долгоруков в своих «Записках» (1788–1818) пишет: «На этой-то природной скале, поставленной на Исаакиевской площади против Невы, верфи и Сената, воздвигнут бронзовый истукан Петра Великого, в естественную величину»⁷. Ж. де Местр в знаменитых «Петербургских вечерах» (1821) размещает «конную статую Петра I <...> на *краю* необъятной Исаакиевской площади»⁸.

В начале XIX в. бытовало и название «Сенатская площадь»: героиня сатирической повести П.П. Свиньина «Торжество воспита-

ния» (1821), провинциальная помещица, в письме к подруге делится впечатлениями от посещения столицы. В частности, она восклицает: «А как царь-то на коне, на Сенатской площади, весь медной, точно живой, ин я ужаснулась!»

К середине XIX в. наименования «Сенатская площадь» и «Петровская площадь» стали синонимами. Так, в опубликованном в 1851 г. путеводителе по столице Российской империи читаем: «Петровская площадь (называемая и Сенатскою) <...> простирается между берегом Большой Невы, где идет от нея Исакиевский мост, и Исакиевским собором»; «Сенатская площадь. Так называется Площадь Петровская» (С. 435); «Правительствующий сенат помещается в принадлежащем ему доме, на берегу Невы, на углу Английского проспекта и Петровской (Сенатской) площади»⁹. В 1875 г. «Сенатская площадь» появляется даже на плане города¹⁰.

Пятнадцатого августа 1890 г. Александр III возвращается к официальному екатерининскому наименованию, повелев «именовать оную площадью Петра Первого»¹¹. Теперь большинство известных планов города конца XIX – начала XX в. воспроизводят официальную терминологию. Однако «разговорное» наименование не раз, вопреки воле царя-миротворца, фиксируется на бумаге. В «План-адресе С. Петербурга» (1893 г.) официальный топоним дублируется «бытовым»: «Петровская (Сенатск.)»¹². После большевистской революции новая власть достаточно оперативно (1923 г.) сменила самодержавное имя площади – и она стала «Площадью декабристов»¹³.

Однако для самих декабристов название площади, на которой они собрали восставших солдат, также было далеко не единообразным.

Петр Бестужев, например, 15 декабря 1825 г. показывал, что, «проходя через Исакиевскую площадь, увидел толпу неустроенную»¹⁴. Восьмого января он же утверждал, что присоединился к мятежникам «на Петровской площади 14 декабря»¹⁵. 11 января и 4 февраля Бестужев снова именует площадь «Исакиевской»¹⁶.

Очень любопытно проследить, как изменяется соотношение количества именованной «Петровская»/«Сенатская» площадь. Мы видим, что в декабре подсудственные и, в еще большей мере, следователи предпочитают неофициальное наименование «Сенатская площадь». Причем даже в рамках одного допроса порой употребляются разные имена площади. Например, Борис Бодиско на первом допросе 14 декабря, отвечая на один из вопросов, завершил ответ словами: «полки собираются на Петровскую площадь». Следующий вопрос к нему был: «Кто повел батальон на Сенатскую площадь?» В своем ответе Бодиско предпочитает придерживаться принятого

именования: «батальон со всеми офицерами прибыл на Петровскую площадь»¹⁷.

Именование площади встречается в показаниях 43 членов тайных обществ. Восемь из них упомянули Исаакиевскую площадь, 21 – Сенатскую, 29 – Петровскую. Три декабриста называли площадь исключительно Исаакиевской, 9 – только Сенатской, 17 придерживались официального наименования «Петровская площадь». Четырнадцать человек, т. е. почти $\frac{1}{3}$, называли площадь разными именами. Девять – то Петровской, то Сенатской, 2 – Исаакиевской и Сенатской, 2 – Исаакиевской и Петровской. А.О. Корнилович использовал в своих показаниях все три имени площади.

Таким образом, можно констатировать, что В.И. Матвиенко ошиблась, возвращая площади Декабристов «историческое название Сенатская пл.».

Однако ошибка вряд ли была случайной. Ответ на вопрос о том, почему «площадь Декабристов» нужно было переименовывать, дает анализ современной публицистики. Из этого анализа, в частности, видно, что декабристы постоянно присутствуют в активной исторической памяти. Участники современных политических и околополитических столкновений постоянно пытаются осмыслить свое отношение к декабристам.

«Имена большевиков, пламенных революционеров до сих пор воспитывают людей своим присутствием на улице, и тем самым общество дает меседж современным подросткам: дерзайте, ребята, идите на баррикады, бейте витрины, убивайте городских и отнимайте у них оружие, грабьте банки. Нужна дегероизация героев революции, начиная с декабристов, по меньшей мере, а может быть, и со Стеньки Разина. Дегероизация должна произойти не только в названиях улиц, но и в учебниках истории», – утверждает диакон Андрей Кураев¹⁸.

Представитель оппозиционной публицистики, писатель и общественный деятель Эдуард Лимонов высказывается следующим образом: «XIX век был для власти безопасен. Его декабристы <...> – болтуны, извергающие тонны слов, не могли никого совратить, приобщить к крамоле, потому и поощрялись <...> Советский человек <...> сформировался под влиянием литературы XIX века, с сознанием на столетие дряхлее современности»¹⁹.

Известный диссидент Владимир Буковский вопрошает: «Когда же это все началось? В 1914-м? В девятьсот пятом? Или уж с декабристов все пошло вкось? Иные идут еще дальше – возводят хулу на Петра: он-то и есть главный злодей, изнасило-

вал бедную самобытную Русь, и родила она ублюдка нам на горе»²⁰.

«Неужели в нашей стране, чтобы решить какую-либо проблему, необходимо собрать массу людей и кричать перед телекамерами?! Почему нет другого способа донести это до чиновников? Почему иначе никакие меры приняты не будут? А, тем не менее, мы живем не в царской России, где происходили восстания. У нас ведь демократия. Теперь не надо создавать тайные кружки, как это делали декабристы, не надо выходить на Сенатскую площадь. Или надо?..» – вопрошает анонимный автор блога (Dimon77)²¹.

Однако независимо от того, как тот или иной политик, публицист или блоггер относятся к декабристам, их высказывания объединяет одно: декабристы для них – символ вечного противостояния общества и власти, интеллигентского протеста против несправедливости власть имущих. Если говорить о сегодняшнем дне, то «декабристы» оказываются в оппозиции «ельцинско-путинскому режиму». И с этой точки зрения деятельность и Анпилова, и Лимонова, и Буковского, и многих других оппозиционеров оказывается в глазах общества сродни деятельности декабристов.

Известный оппозиционер-большевик Виктор Анпилов в сентябре 1999 г. заявил в интервью журналисту Андрею Морозову: «[Антон Иванович Деникин], сын крепостного, пошел против народа. А декабристы – потомки дворян, пошли за народ в Сибирь. Среди потомков крепостных могли быть подонки, а среди дворян могли быть благороднейшие люди»²². Двенадцатого июня 2005 г., выступая на радио «Свобода», Анпилов развил тему: «Вы упомянули декабристов – святая святых русского народа, которые как раз и пошли на Голгофу ради того, чтобы принести справедливость, свободу»²³. Самого Анпилова также сравнивают с декабристами. Тридцатого сентября 1997 г. Виктор Бондаренко упоминает лидера «Трудовой России» в числе защитников Белого дома, «героев 1993 года». Публицист-«патриот» утверждает, что «как и декабристы, они всю оставшуюся жизнь будут уже досматривать как осознание Октября 1993 года»²⁴.

В этом контексте декабристом оказывается и Гарри Каспаров – экс-чемпион мира по шахматам, один из руководителей, так сказать, правооппозиционного движения: «Каспаров умница, из той породы, из которой декабристы были»²⁵. С декабристами сравнивается и Буковский: «Для моего поколения Буковский <...> символ воли и нестигаемости. <...> Он, скажем грубо, не менеджер, он революционер, как были декабристы или народовольцы или Фанни Каплан, если это действительно она стреляла»²⁶.

Вообще представители оппозиции активно оперируют термином «декабристы» в своей политической деятельности: «Исполком коалиции “Другая Россия” принял решение о проведении Маршей несогласных в Москве и в Санкт-Петербурге 14 декабря. <...> 14 декабря – день восстания декабристов»²⁷. «14 декабря прошел совершенно нормальный марш, судя по тому, как на это отреагировали власти города <...> Пусть нас было мало, но декабристов тоже было немного. Для нас важен резонанс, а это – страх власти», – считает лидер движения «Народ» Сергей Гуляев²⁸.

Таким образом, задачи правительственной пропаганды настоятельно требуют борьбы с «декабристами» как символом, с одной стороны, революционного прошлого, и, с другой стороны, современной оппозиции. «Я считаю, что это целесообразно (переименование площади Декабристов в Сенатскую. – С. Э.). Во-первых, потому, что эта площадь и была Сенатской изначально, а во-вторых, потому что декабристы ничего хорошего для России не сделали, и незачем их прославлять в веках», – утверждает депутат питерского законодательного собрания от партии «Единая Россия»²⁸.

Однако, вернув площади название «Сенатская», власти Санкт-Петербурга поступили, по меньшей мере, опрометчиво. Ибо восстание на Сенатской площади является кульминацией декабристского мифа. По этой причине уже само понятие «Сенатская площадь» нагружено мятежным содержанием. При упоминании площади в любом контексте русский человек вычитывает или «вчитывает» декабристские смыслы. И это понимают сегодня многие представители и власти, и оппозиции.

Так, сенатор Людмила Нарусова, не замеченная в связях с оппозиционерами, утверждает: «У каждого человека <...> должна быть своя Сенатская площадь, куда он должен прийти и сказать (то есть проголосовать)». Ей возражает оппозиционер Владимир Рыжков: «А вы сильно рискуете <...> Вы – буквально те самые декабристы. Только те вышли на площадь против царя, а вы – за!»³⁰

И не случайно в пресс-релизе «непримиримой оппозиции», опубликованном 27 ноября 2008 г., т. е. уже после переименования площади, сообщается: «“Другая Россия” планирует провести “Марш несогласных” в Москве и Санкт-Петербурге 14 декабря. Акция приурочена к дате восстания декабристов на Сенатской площади, которое произошло 14 декабря 1825 года». В Санкт-Петербурге проведение «Марша несогласных» «планируется в виде митинга на Сенатской площади»³¹.

- 1 О возвращении исторического названия пл. Декабристов [Электронный ресурс] // Официальный портал Администрации Санкт-Петербурга. URL: <http://www.gov.spb.ru> (дата обращения: 30.08.2009).
- 2 Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собрание I. Т. 10. № 7563. С. 459–475.
- 3 Там же. Т. 21 (1781–1783). № 15490. С. 651–652.
- 4 Петр I в русской литературе XVIII века: Тексты и комментарии. СПб.: Наука, 2006. С. 96.
- 5 Там же. С. 59.
- 6 *Полунин Ф.А., Миллер Г.Ф.* Новый и полный географический словарь Российского государства или лексикон... М., 1789. Ч. 5: С–Т. С. 61.
- 7 Петр I в русской литературе XVIII века. С. 124.
- 8 Цит. по: *Алексеев М.П.* Пушкин и проблема «вечного мира» // Алексеев М.П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л.: Наука, 1972. С. 204.
- 9 *Греч А.* Справочная книжка для столичных жителей и приезжих с планами Санкт-Петербурга и четырех театров. СПб., 1851. С. 435, 458, 490.
- 10 Сенатская площадь [Электронный ресурс] // Сайт «Улицы Питера». URL: http://www.peshehod.su/piter_street/s/1105-Senatskaya-Ploshhad.html (дата обращения: 1.10.2010).
- 11 Там же.
- 12 План-адрес С. Петербурга. СПб.: Изд. Федотова, 1893. С. 15.
- 13 Сенатская площадь [Электронный ресурс].
- 14 Восстание декабристов. Документы и материалы. М.: Наука, 1976. Т. 14. С. 316.
- 15 Там же. С. 317.
- 16 Там же. С. 320.
- 17 Там же. Т. 15. С. 18.
- 18 *Кураев А.* Дерзайте, ребята, идите на баррикады, бейте витрины, грабьте банки [Электронный ресурс] // АПН Северо-Запад. URL: <http://www.apn-spb.ru/opinions/article3597.htm> (дата обращения: 10.09.2009).
- 19 *Лимонов Э.* Другая Россия [Электронный ресурс] // Библиотека НБП. URL: http://www.nbp-info.ru/new/lib/lim_anotherrus/08.html (дата обращения: 10.09.2009).
- 20 *Буковский В.К.* И возвращается ветер [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tyurem.net/books/bukovsky/008.htm> (дата обращения: 10.09.2009).
- 21 *Dimon77.* [Электронный ресурс]. [2007. 30 марта]. URL: <http://dimon77.livejournal.com/167191.html> (дата обращения: 12.09.2009).

- 22 *Антилов В.* Народу нужна обнаженная правда. [1997. Сент.]. URL: http://www.amorozov.ru/inviews/anpilov_viktor (дата обращения: 12.09.2009).
- 23 Лицом к лицу [Электронный ресурс] // Свобода. [2005. 12 июня]. URL: <http://www.svoboda.org/programs/FTF/2005/FTF.061205.asp> (дата обращения: 10.10.2009).
- 24 *Бондаренко В.* ...В его минуты роковые // Завтра. 1997. 30 сент.
- 25 *Гелла.* [Электронный ресурс]. [2007. 27 сентября]. URL: <http://www.amina.com/kamina/11564-p4.html> (дата обращения: 10.09.2009).
- 26 *Irin_v.* [Электронный ресурс]. [2007. 11 апреля]. URL: <http://marchenk.livejournal.com/81238.html> (дата обращения: 10.11.2009).
- 27 «Марши несогласных» в Москве и в Петербурге перенесены на 14 декабря [Электронный ресурс] // АПН Северо-Запад. URL: <http://www.apn-spb.ru/news/print4456.htm> (дата обращения: 10.09.2009).
- 28 Дни несогласных вместо Маршей? [Электронный ресурс] // АПН Северо-Запад. URL: <http://www.apn-spb.ru/publications/article4645.htm> (дата обращения: 10.09.2009).
- 29 *Сергеев О.* Декабристы ничего хорошего для России не сделали [Электронный ресурс] // АПН Северо-Запад. URL: <http://www.apn-spb.ru/opinions/comments3740.htm#comments> (дата обращения: 10.09.2009).
- 30 *Петровская И.* Срезал // Известия. 2004. 1 марта.
- 31 «Несогласные» выступят против кризиса и самодержавия 14 декабря [Электронный ресурс] // Свободный мир. [2008. 27 ноября]. URL: <http://www.liberty.ru/layout/set/print/events/Nesoglasnye-vystupyat-protiv-krizisa-i-samoderzhaviya-14-dekabrya> (дата обращения: 10.09.2009).

Публикации

Л.Ф. Кацис

ВЛАДИМИР ЖАБОТИНСКИЙ
О ЛЕОНИДЕ АНДРЕЕВЕ
(К проблеме атрибуции псевдонимных
газетно-журнальных текстов
В. Жаботинского 1901–1907 гг.)

Статья посвящена атрибуции русско-еврейскому журналисту и писателю Владимиру (Зееву) Жаботинскому трех пародийных писем (февраль 1903 г.), посланных в три русские газеты («Курьер» [Москва], «Одесские новости», «Волынь» [Житомир]) от имени героев скандально известного рассказа Леонида Андреева «Бездна» (1902). Известно, что одно письмо принадлежит Жаботинскому, а второе Леониду Андрееву. Третье письмо, подписанное «Омега», было опубликовано в «Волыни». Автор публикации показывает, что оно тоже принадлежит Жаботинскому. Специальное внимание уделяется разнице между публикациями в русских газетах и пародийной берлинской книге, опубликованной анонимным составителем, который поместил туда другое, уже четвертое, письмо от некоего «Федора», которое существенно отличается от письма, подписанного «Омега». Л. Кацис предполагает, что все эти письма принадлежат Жаботинскому.

Ключевые слова: Леонид Андреев, Владимир (Зеев) Жаботинский, Лев Толстой, атрибуция, провинциальная пресса.

Выходящее сейчас в свет полное собрание сочинений русско-еврейского писателя и публициста Владимира (Зеева) Жаботинского (1880–1940) (далее – ПСС)¹ неожиданно оказалось замечательным полигоном для отработки историками отечественной прессы методов и приемов анализа как газетных, так и журнальных текстов первой половины XX в., раскрытия псевдонимов, которые отсутствуют в словаре И.Ф. Масанова, да и для реконструкции обстоятельств целого ряда знаменитых историко-литературных событий.

Творчество и биография Жаботинского тесно связаны с судьбой и творчеством Г. Плеханова, П. Струве, М. Горького, Л. Андре-

ева, К. Чуковского и других, с газетами «Волынь» (Житомир), «Елисаветградские новости», «Крымский курьер» (Ялта), «Наша жизнь» (Петербург), «Новая заря» (Вильно)², «Одесские новости», «Одесский листок», «Русь» (Петербург), «Северный курьер» (Петербург), «Смоленский вестник»³ и т. д., с журналами «Еврейская жизнь», «Жизнь», «Образование», «сионистский» «Рассвет», «Русская мысль», «Хроника еврейской жизни» (Петербург), «Освобождение» (Штутгарт), «Южное обозрение» (Одесса) и т. д.

Здесь имеется ряд подписных текстов Жаботинского, и указанных, и не указанных в его фундаментальных библиографиях⁴, а также найденных нами⁵.

В настоящей публикации мы рассмотрим один из случаев атрибуции псевдонимных текстов Жаботинского, связанный с его статьями о Леониде Андрееве, и коснемся обстоятельств грандиозной всероссийской газетно-журнальной дискуссии о творчестве Андреева. Хронологически рамками работы будут 1902–1907 гг.

Начнем с логики поиска. Работа над любым полным собранием сочинений писателя, критика или журналиста предусматривает сплошной просмотр тех органов печати, в которых печатался «герой» – в нашем случае Жаботинский. Одним из основных мест приложения его сил в середине 1900-х была петербургская газета «Русь» А.А. Суворина. А печатался здесь Жаботинский под своим именем или под криптонимом «Вл. Ж.» с 1904 по (минимум) 1908 г. Ведь сам он в мемуарах «Повесть моих дней» указывал, что в командировку в Константинополь 1908 г. он поехал от некоей русской газеты, а его секретарь-биограф Йосиф Шехтман прямо указал, что эта газета – «Русь»⁶. При этом Шехтман не видел ни одного ее номера и, соответственно, не цитировал их в своей книге о Жаботинском.

Изучение многочисленных подписных текстов Жаботинского в «основной» «Руси» не входит сейчас в нашу задачу, а два текста под псевдонимом Attalea – близким к дежурному псевдониму Жаботинского Altalea – нашлись в специальном сатирическом «Иллюстрированном приложении» к газете «Русь» (от 30 августа 1907 г.).

В первом из текстов Attalea – «На Шипке все спокойно» – речь идет о русском интеллигенте, готовом открывать свои шкафы и переворачивать постель еще до того, как это от него потребует жандарм, к тому же не решивший, приходить ли вообще с обыском. Именно этот сюжетный ход Жаботинский использует в 1911 г., когда будет писать в статье «Вместо апологии», обращаясь уже к еврейским читателям в связи с делом Менделя Бейлиса:

Каждое обвинение вызывает среди нас такой переполох, что люди невольно думают: как они всего боятся! Видно, совесть нечиста. Именно потому, что мы согласны в любую минуту вытянуть руки по швам и принести присягу, развивается в населении неискоренимый взгляд на нас, как на какое-то специально вороватое племя. Мы думаем, будто наша постоянная готовность безропотно подвергнуться обыску и выворотить карманы, в конце концов, убедит человечество в нашем благородстве: вот мы, мол, какие джентльмены – нам нечего прятать! Но это грубая ошибка. Настоящие джентльмены – это те, которые никому и ни за что не позволят обыскивать свою квартиру. Свои карманы, свою душу. Только поднадзорные готовы к обыску во всякий час⁷.

Теперь остается обратиться к началу статьи «Вместо аполгии», где находим и выражение, мотивирующее заголовок: «Наконец, человек слепорожденный <...> [у]спокоит себя обычными успокоительными фразами, что <...> все обстоит благополучно и на Шипке спокойно». Крылатую фразу о Шипке, по-видимому, можно считать одним из фирменных знаков текстов Жаботинского, как подписанных, так и псевдонимных⁸.

Второй текст Attalea – стихотворный фельетон о В. Грингмуте, М. Меньшикове и других деятелях, которые привносят в школьные программы черносотенные черты. Это снова возвращает нас к кругу интересов Жаботинского, всю жизнь с поразительным упорством писавшего о проблемах школьного обучения.

Таким образом, нет никаких сомнений в том, что мы имеем дело с двумя неучтенными текстами Жаботинского. Более того, ранее, в 1906 г., Жаботинский – и вновь под псевдонимом Attalea – печатает очень близкий текст в рубрике «К моменту» ялтинской газеты «Крымский курьер» (1906. 24 сент. № 201), где он сотрудничал с 1906 г. вплоть до закрытия газеты властями летом 1907 г.

Начиная с этого момента мы можем изменить исследовательскую стратегию и, наоборот, начать искать псевдоним Attalea (иногда Attaleo) под статьями, которые до сих пор остаются без точно установленного авторства.

Замечательный пример использования псевдонима Attalea (без указания, естественно, имени его носителя) упоминается в новой библиографии Л. Андреева. Эта библиография состоит из нескольких выпусков, в третьем среди недатированных точно рецензий, сохраненных самим Андреевым, находим указание на статью Attalea «Жизнь человека» из «Крымского курьера»⁹.

Сегодня мы можем уточнить данные об этой статье¹⁰, которая явно отвечала на статью некоего «Москвича», громившего в № 215

«Крымского курьера» предыдущие пьесы Андреева, и была посвящена еще не напечатанной (!) пьесе («Жизнь человека» увидит свет в первом выпуске альманаха «Шиповник» за 1907 г.). А в 1907 г. Attalea позволил себе даже шутку на тему «Жизни человека» – политический памфлет «Жизнь депутата» (Крымский курьер. № 66).

Имя Андреева возникло в творчестве Жаботинского закономерно: оба литератора тесно общались. К примеру, опубликовано письмо Жаботинского Андрееву с просьбой позаботиться о судьбе пьесы «Чужбина»¹¹. Чуть позже, во время знаменитого «Чириковского инцидента»¹², Андреев, считавший, что Е. Чириков несправедливо обвиняется в антисемитизме из-за своего критического отношения к пьесе еврейского писателя Шолома Аша, собирался специально обращаться к Жаботинскому¹³.

Жаботинский (под собственным именем или под псевдонимом Altalena) неоднократно высказывался об Андрееве в персональной рубрике «Вскользь» из «Одесских новостей» (да и в других периодических изданиях).

В 1902 г. он, в частности, писал:

О «Мысли» Андреева я думаю, что в этом рассказе нет противоположения мысли – чувству.

Керженцев, напротив, человек, обуреваемый целым ураганом разнообразных чувств, которым он вовсе не противится.

Но это не мешает ему быть типичным блудником мысли.

Лучшее определение всякого разврата дано, по-моему, Львом Толстым.

Всякий разврат, духовный или телесный, начинается там, где кончается естественное влечение и начинается влечение искусственное, взвинчиваемое нарочно. Толстой называет это смакованием¹⁴.

Обратим внимание на появление здесь имени Льва Толстого, которое еще не раз встретится на этих страницах.

В другой статье из «Одесских новостей» Жаботинский спорит с читателем своей газеты о рассказе «Бездна»: «<...> в том-то и заключается идея “Бездны” <...>, что стихийный случай неожиданно вырвал юношу и девушку из культурной атмосферы.

Несчастье словно отбросило их на несколько тысяч лет назад, к эпохе пещерного человека».

Сергей Немовецкий – герой рассказа Андреева – прогуливался с девушкой-гимназисткой. На них напали трое хулиганов, почти горьковских босяков. Избили Сергея, изнасиловали девушку. Придя в себя, Сергей тоже овладел своей спутницей, после чего бросил, не имея сил относиться к ней по-прежнему.

По словам Жаботинского, «Сергей поступил, как троглодит, не потому что таковы “современные отношения”, а потому что обстановка этого происшествия выбила его из современности»¹⁵.

Тон журналиста пока спокойный, однако вскоре ситуация резко обострилась. В 1903 г. Софья Андреевна Толстая неожиданно поддержала нападки обозревателя «Нового времени» В. Буренина на Леонида Андреева, и в итоге разразился громадный общероссийский скандал.

Комментаторы электронного академического Собрания сочинений Леонида Андреева указывают¹⁶, что писатель, пытаясь пригасить скандал, опубликовал в газете «Курьер» «Письмо в редакцию» от имени героя «Бездны» – Немовецкого (6 марта 1903 г.). Существовало также, указывают они, «Письмо в редакцию» от имени Зинаиды Немовецкой, т. е. гимназистки, якобы ставшей женой Немовецкого (Одесские новости. 1903. 17 марта. № 5918), причем автор письма Немовецкой – В. Жаботинский¹⁷. Появилось и «Письмо» трех босяков (Вольнь. 1903. 10 марта. № 65; автор скрылся под псевдонимом Омега), изнасиловавших девушку. В 1903 г. «Бездна» была напечатана в Берлине под маркой некоего издательства Иоганна Рэде. «Бездна» сопровождалась статьей Л. Толстого о Г. Мопассане и подборкой «писем» героев рассказа¹⁸.

Правда, добавим к комментариям, письмо «трех босяков» превратилось в письмо только одного и уже несколько иного содержания, что, очевидно, было связано с неожиданным поворотом в полемике, когда в нее – вслед за супругой – вмешался сам Лев Николаевич Толстой. Об отношении Толстого к «Бездне» сообщил Musca (Ф.Т. Мускаблит) в одесской газете «Южное обозрение» (16 февраля 1903 г.). Автор заметки встречался с Толстым летом 1902 г., и классик, по словам Musca, возмущался «Бездной».

Обратимся к хронологии событий. 9 марта 1903 г. «Одесские новости» перепечатывают из «Курьера» с сокращениями и *без подписи* «письмо Немовецкого». Десятого марта 1903 г. «Вольнь» печатает в рубрике «Обо всем» за подписью «Омега» указанное письмо трех босяков – «Бритого, Рыжего и Высокого». Семнадцатого марта 1903 г. «Одесские новости» печатают «письмо» Зинаиды Немовецкой «Бездна ли?», которое и атрибутируется Жаботинскому. К сожалению, исследователи Леонида Андреева не стали изучать остальное творчество Омеги из «Вольни» (равно как и Attalea из «Крымского курьера»). Между тем, хотя доказательства этого факта и выходят за рамки данной работы, это – вновь Жаботинский, который сотрудничал в газете «Вольнь» с поздней осени 1901-го до конца 1903 г. Таким образом, «плотность» текстов Жаботинского об Андрееве существенно возрастает, а контекст их усложняется.

Важно отметить, что дискуссия о «Бездне» 1903 г. в сознании Жаботинского была связана с выходом в свет «Жизни человека» уже в 1906–1907 гг. Это становится ясно из статьи Attalea «Жизнь человека» («Крымский курьер»), которую мы упоминали: «В страшной, зияющей *бездне* (курсив наш. – Л. К.) жизни и смерти художнику видится тайна, темная зловещая тайна, которая губит радости жизни, губит веру, надежды <...> По тому же пути он идет и в новом своем произведении “Жизнь человека”, недавно написанном им».

Но вернемся к книге 1903 г. «издательства Иоганна Рэде», где появились столь интересно подобранные материалы дискуссии о «Бездне». Имени составителя этой книги мы не знаем. Однако некоторые соображения могут нам помочь. Учитывая, что в книге «издательства Иоганна Рэде» вместо письма трех насильников «Бритого, Рыжего и Высокого» фигурирует новое письмо одного «Федора», что статья Л. Толстого о Мопассане была искусно отредактирована и что письмо Немовецкой фабриковалось Жаботинским, логично предположить, что автором всего проекта являлся Altalena-Attalea-Жаботинский. По-видимому, проект в сенсационном смысле удался: укажем на статью СИГа (С. Гольдельман) из «Одесских новостей» (20 марта 1903 г.), где обсуждались «письма» персонажей «Бездны» и неподготовленность русского читателя к подобным литературным мистификациям, а также недоступную нам, но сохраненную Андреевым статью без выходных данных С. Яблоновского (Потресова) «Обнажились», в которой констатировалось, что «письма» героев мерзее самого рассказа¹⁹.

Как было сказано, работа над собранием сочинений любого автора предусматривает изучение всех его текстов на все темы. Поэтому обращение к боевым сионистским журналам «Еврейская жизнь» и «Хроника еврейской жизни» за 1904–1906 гг., активнейшее участие в которых принимал Жаботинский, было для нас неизбежно. Действительно, в этих журналах обнаружилось, помимо известных, десятки текстов Жаботинского, подписанных либо достаточно прозрачными псевдонимами, либо содержащими очевидные цитаты из прошлых и будущих его текстов.

В частности, один из важнейших текстов Жаботинского, ускользнувший от внимания исследователей, находится в большом репортаже из «Хроники еврейской жизни» о митинге питерских сионистов 1905 г. Здесь Жаботинский рассуждал о том, что может дать революция русским евреям, ожидающим получения гражданских прав и равноправия с другими народами империи

и т. д. Оптимизма по этому вопросу Жаботинский не испытывал. Более того, он сравнил ситуацию с образом из рассказа В. Гаршина: «У Гаршина есть дивный рассказ про Attalea princeps. Долго и упорно рвалась из душевной оранжереи Attalea princeps к выси, к солнцу, к свету. А когда она поднялась до самой крыши оранжереи, она сделала последнее усилие и пробила стеклянную крышу. Острые стекла безжалостно обрезали ее прекрасные нежные ветки. И когда она вырвалась своею вершиной на воздух, ее встретил... холодный серый день. Нас постигла та же судьба прекрасной Attalea princeps. Годами мы рвались к свету, к простору, к солнцу. А когда замерцала для русского народа заря освобождения²⁰, нас, евреев, встретил пасмурный, хмурый день, перед нами предстали кровавые черные тучи, затмевавшие последний луч солнца»²¹.

Таким образом, слово «Attalea» для читателей 1900-х годов выглядело очень значимым псевдонимом, а популярнейший рассказ В. Гаршина обрел обертоны, заведомо не предусмотренные его автором²². Одновременно этот факт лишний раз подтверждает, что в начале 1900-х годов Жаботинский даже в сионистских текстах ориентировался на русскую литературу и ее топику.

«Хроника еврейской жизни» была еженедельным приложением к ежемесячному журналу «Еврейская жизнь», который выпускал тот же коллектив²³. Здесь в № 4 за 1904 г. (с. 12 второй пагинации) печатается объявление о том, что принимается подписка на журнал «Вопросы общественной жизни» (Одесса), где в числе сотрудников вновь числился В. Жаботинский. Однако никаких следов имени Жаботинского в журнале «Вопросы общественной жизни» нет. Зато есть некий В. Владимиров, в 1902–1903 гг. писавший в каждом номере, правда, и его имя не числится ни в списке сотрудников, публикуемых в самом журнале, ни в списке, опубликованном в «Еврейской жизни».

Сомнений нет: В. Владимиров – неизвестный псевдоним Владимира Жаботинского, скрыто раскрытый им самим в объявлении в «Еврейской жизни» тогда, когда он уже не печатался в малоизвестном и закрывшемся одесском журнале. Не вдаваясь в анализ публикаций Жаботинского-Владимирова в журнале «Вопросы общественной жизни», заметим, что есть здесь и статья о «настроении» в современной литературе²⁴, и три статьи о Горьком²⁵, и, наконец, первая часть большой незаконченной публикации статьи о Леониде Андрееве с неизбежным обсуждением «Бездны» и спорами со Львом Толстым²⁶. Эта статья отсутствует в библиографии Леонида Андреева, псевдонима В. Владимиров нет в словаре И.Ф. Масанова, а сам журнал «Вопросы

общественной жизни» отсутствует в указателях русской периодической печати.

При этом даже у непредвзятого читателя может возникнуть вопрос: не противоречит ли стиль и тип этих обширных аналитических литературно-критических статей беглому и легкому журнализму Altalen'ы «Одесских новостей» или его политической резкости в «Еврейской жизни». Сомнение это правомерно. Однако есть в нашем распоряжении один подобный текст, подписанный «Vladimiro Giabotinski» и опубликованный в престижном итальянском журнале «Nuova Antologia». Это статья «Антон Чехов и Максим Горький»²⁷, которая теперь в Полном собрании сочинений Жаботинского доступна в переводе на русский язык. Она полностью соответствует стилистике и тематике статей в одесском журнале.

По-видимому, юный Жаботинский писал тогда книгу о современной русской литературе от Чехова до Андреева, возможно, даже параллельную (если не предшествующую) книге его друга Корнея Чуковского «От Чехова до наших дней» (1908). Однако если Чуковский стал русским литературным критиком, лишь периодически попадая на страницы «Еврейской жизни», то политическая жизнь главного автора этого журнала – Жаботинского не дала ему возможности продолжить неторопливую хронику русской литературы 1900-х годов.

Позволим себе одну цитату из другой статьи Жаботинского, которая сможет прояснить позицию критика по отношению к Андрееву: «<...> я вовсе не считаю Андреева обладателем большого таланта.

Талант, конечно, незаурядный, но – по-моему – не выше средних размеров.

Я еще оставлю за собой право когда-нибудь подробно развить свое мнение о г-не Андрееве, а пока укажу, что значение (и крупное значение) этого писателя объясняется не размерами его дарования, а особенным освещением, которое он дает, особенным взглядом его на вещи»²⁸.

Таким образом, неизвестный текст Жаботинского о Леониде Андрееве, опубликованный под неизвестным псевдонимом в малоизвестном одесском журнале, оказывается встроен в сложный контекст литературных битв начала XX в., а широкая география использования одних и тех же псевдонимов в органах столичной и провинциальной печати, с явно непересекающимися читательскими аудиториями, позволяет заглянуть за занавесочку журналистского быта и газетно-журнальной кухни ушедшей эпохи.

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Третье издание небольшого сборника рассказов молодого беллетриста Леонида Андреева показало нам, что мы имеем дело с широким успехом. Могут возникнуть вопросы: насколько прочен этот успех, насколько он серьезен и заслужен и как долго он продлится? Вопросы эти, несомненно, основательные, на которые, впрочем, в данное время, избыточное количество курьезов, трудно дать вполне определенный ответ. Современная критика, в лице талантливого публициста Н. Михайловского и гениального романиста гр. Л. Толстого, высказала о молодом писателе резко противоположные взгляды. Михайловский предсказал Андрееву блестящую будущность; Толстой, напротив, отнесся к нему отрицательно, в особенности возмущался его рассказом «Бездна». Нам кажется, что на этот раз великий старик безусловно прав.

Восторженный взгляд Михайловского нас несколько удивляет. Ему бы следовало предупредить Макса Нордау и поместить нового писателя в ряды дегенератов, как сделал он это, по следам знаменитого парадоксалиста, со многими французскими декадентами. На этот раз, однако, этого не случилось и г-н Андреев избавлен от необходимости доказывать, что предки его были людьми здоровыми и что он сам нормальный человек. Михайловский решительно заявил, что Андреев блестящий талант, и мы охотно верим его отзыву, хотя почему-то кой-кому этот отзыв и кажется излишне снисходительным. Например, автор прекрасной статьи об Андрееве в «La Revue» (№ 18, 1902) г-н Савич пишет следующие язвительные строки: «Сборник в десять рассказов нового писателя имел счастье попасть в руки Михайловского в одну из минут его благодушного настроения. Знаменитый критик, который, по собственному признанию, никогда не отличался сдержанностью в своих оценках, пропел молодому писателю преувеличенную хвалебную песнь. Одобрения Михайловского было вполне достаточно, чтобы создать репутацию народившемуся таланту. Сборник Андреева стали раскупать нарасхват, и в короткое время потребовалось два издания его. Леонид Андреев, таким образом, сразу сделался знаменитостью».

Если огромным успехом Горького все были поражены и доискивались его основных причин, то причины успеха Андреева нам, пожалуй, ясны. Впрочем, мы не приписываем успех г-на Андреева исключительно отзыву Михайловского. Это не совсем соответствовало бы действительности. В гораздо большей степени он создан своеобразными требованиями и вкусами современной читающей публики.

Почти два десятилетия мы находимся в каком-то сумеречном состоянии: «сумерки» в литературе, сумерки в общественной жизни...

Антон Чехов создал «сумеречную» поэзию; целый ряд второстепенных писателей усиленно старался наводнить нашу литературу какими-то сумеречными, плаксивыми людьми. Это какой-то особый тип лишних людей. С лишними людьми мы знакомы уже очень давно; мы помним этих эпигонов когда-то сильного дворянства, растерявших свои силы именно тогда, когда надобно было заняться освобождением крестьян. Много лишних людей дали и разночинцы после крестьянской реформы. У этих людей ничего не было в прошлом, никаких ожиданий в будущем. Весь общественный строй равнодушно говорил им: «не надо... не суйся», когда они предлагали свои услуги, свои свободные, ничем не занятые руки и головы. Вот уже два десятилетия, как эти лишние люди бродят в сумерках, не находя себе пристанища. За этот период времени сформировался новый класс – буржуазия. Сформировался он чисто по-русски, выделив снова целую массу лишних людей. Эти-то лишние люди уже не чета разночинцам: у них и аппетиты есть, и более или менее утонченные желания. Эти люди жаждут заманчивой сказки, которая избавила бы их от кошмара серых сумерек. Все эти лишние люди не находят себе никакого умственного удовлетворения, никакой душевной, животворящей, активной жизни. Они, поэтому, постоянно ноют и тянут унылую песню о бессодержательности и бессмысленности нашего существования. Впрочем, эти песни искусно варьируются. Иногда из уст лишних людей вы услышите и победные ноты. Но это они подделываются под старую песнь победителей, желая подбодрить и себя, и других. Это все-таки не боевой звон мечей, а жалобный стон кандалов. Таких ненужных людей, изнервничавшихся, издерганных неодухотворенной работой и изображает г-н Андреев. Типы Андреева в огромном большинстве случаев абстрактны. Автор ставит своих героев в то или иное положение, комбинирует их, заставляет совершать нужные ему преступления (и ни одного благородного поступка, ибо абстрактно – лишние люди, *an und fur sich*¹, не способны, к активному добру), словом, возится с ними, как с марионетками, лишая совершенно житейской плоти. Те реалистические подробности и аксессуары, которыми художник окружает этих героев, – в счет не идут, ибо они только подробности, не больше, внесенные для того, чтобы заставить читателя поверить в действительное существование подобных абстрактных персонажей. Итак, лишние люди г-на Андреева будто бы живут, совершают разные поступки, чтобы показать свою обнаженную абстракцией натуру вне той житейской обстановки, которая заставила бы нас отвернуться от них. За эту-то абстракцию, за это оголение чувств, помыслов и желаний лишний человек и благодарен г-ну Андрееву.

Вот в чем разгадка симпатий новой формации лишних людей к героям Андреева. Никто из них в действительности не насиловал любимой де-

¹ В себе и для себя (нем.).

Л.Ф. Кацис

вушки, как это делает студент Немовецкий в «Бездне», но у каждого из них было «немеркнувшее представление узкой полоски белых юбок и стройной ноги». Поверьте, однако, что в иной, более соответствующей жизни обстановке, не раз уже из этих «немеркнувших представлений» выходили очень скверные вещи. На «Бездне» лучше всего видно, как опасно это обнажение чувств, это лишение человеческого нутра житейских покровов. «Бездна» притом написана, как и все прочие рассказы Андреева, без всякого подъема, без душевной теплоты, необычайно холодно и объективно и, как мы уже говорили, абстрактно. Человек ежедневно оскорбляет своих ближних похотливыми желаниями, и они проходят безнаказанно только потому, что не всплыли наружу во всей полноте. Само чтение «Бездны» способно невольно вызывать целый ряд скрытых желаний и дурно подействовать на развращенное воображение. Автор, вероятно, не думал, что его рассказ произведет такое впечатление; он, по-видимому, не подозревал, что всякий лишний человек, покопавшись в своей душе, скажет: «это могло бы случиться и со мной». А между тем это так. Объективный тон автора, при котором самому читателю приходится быть судьей выведенных героев, вызывает какое-то нравственное недоумение, опасное для неустановившихся натур.

II

Объективный реализм молодого писателя вкупе с его стремлением обнажать пороки, абстрагировать их и, таким образом, лишать отталкивающей житейской оболочки – чрезвычайно опасен и вызывает наружу то, что раньше лишние люди не решались выволакивать на свет Божий. Вот почему, в общем, автор встретил у некоторой части публики такой радушный прием. Но, кроме того, немало содействовала успеху автора и его писательская манера, благодаря которой г-на Андреева нужно признать эклектиком чистейшей воды. На нем отразились самые разнообразные влияния, и это легко установить при чтении его произведений. Мы не станем расчленять его рассказов, чтобы шаг за шагом отмечать эти посторонние влияния. В этом, пожалуй, и нет особенной надобности. Нам важно теперь указать только на общие черты этого эклектизма. Больше всего автор, несомненно, находится под влиянием Метерлинка. Последний также сильно абстрагировал жизнь, сводил ее к элементарным чувствам и экспериментировал, связывая обнаженные души людей невидимыми, тоненькими нитями. Метерлинк был необычайно правдив в этой операции обнажения и упрощения чувств; он весьма осмотрительно проделывал эти эксперименты в фантастической обстановке и, что важнее всего, брал объектом своих поэтических экскурсий не только лишних людей, но и положительные фигуры, с хорошими, бодрыми и сильными чувствами. Таким образом, в каждой картине его, помимо прозорливых королей и королев, вро-

де Синей Бороды, есть и светлые образы, как Селизетта и Аглавена, Меллисанда и др.

У Метерлинка, несмотря на весь ужас опрошенных чувств, бьется бодрый пульс жизненного духа добрых начал; несмотря на то, что процессы у него гибнут в подземельях, несмотря на то, что невидимая злая королева пожирает принцев, – вы чувствуете все-таки, что дух борьбы витает над ними; вы понимаете, что этот дух только временно терпит поражение. И действительно, этот живой дух борьбы одерживает верх в «Синей Бороде», он звучит великолепным гимном Аглавене и Селизетте и в «Монне Ванне». Леонид Андреев как истый потомок Достоевского намеренно удаляет из своих произведений лучезарную, жизнерадостную сторону, он полон мрачности; его духовные глаза могут созерцать только зло. Вот второй источник эклектизма г-на Андреева. У Достоевского молодой писатель заимствовал жестокую, почти сладострастную в своей жестокости, манеру мучить читателя тяжелыми, тягучими картинами изнанки жизни. Но где взять глубину Достоевского? Наконец, третий писатель, оказывающий огромное влияние на нашего автора, – это Антон Чехов. У Антона Чехова г-н Андреев взял его манеру очень подробно описывать обстановку, почти фотографировать ее, и притом останавливаться на случайных темах, так хорошо гармонирующих с полными простора описаниями Антона Чехова, но плохо гармонирующих с причудливыми, вычурными описаниями нашего автора. Декаданс, несомненно, повлиял на г-на Андреева в сформировании и его языка. Возьмите эти вычурные эпитеты, сравнения, метафоры, созданные по рецепту доморощенного декаданса, и вы увидите в них совершенно явственное желание во что бы то ни стало быть оригинальным. Абстрагированный лишний человек, безусловно, скучен, если не окружать его известными атрибутами жизни, хотя, как мы уже говорили, более всего для этого подходит фантастическая обстановка, описание при помощи символов. От скуки спасает в этом случае и поэзия. Всем этим широко пользуется Метерлинк и, благодаря таким средствам, его типы изумительно интересны, жизненны и красивы.

Публике эклектизм Андреева пришелся по душе; он понятен ей, он не шокирует ее своею грубою оригинальностью, как у Горького; ей более по плечу старые формы. Сильный импрессионизм Горького увлек молодую, передовую часть общества. Лишние люди, хотя и находили в горьковских героях много для себя утешительного материала, все-таки как-то инстинктивно сторонились от беспокойных речей энергичного романтика. Они не могли еще разобраться в них; им тогда казалось, что боевые речи Горького разразятся сейчас громом, который заставит содрогнуться всех чувствующих себя «слугами, а не господами» жизни. Они еще не успели оценить по достоинству модернизированный, импрессионистский характер произведений Горького и побаивались его.

Л.Ф. Кацис

Объективизм Андреева располагает к себе спокойные, уравновешенные натуры. Когда писатель не проявляет беспокойной склонности к нападению на вас, на ваши пороки – вы начинаете смотреть и на него добродушно-спокойно. В наше время, когда значительная часть литературы разменялась на стили, особый стиль Андреева, хотя бы с заимствованной манерой писать, должен иметь успех.

Его рассказы «Кусака», «Жили-были» и прочие служат ясным доказательством справедливости наших замечаний. За исключением некоторых вещей, написанных в реалистическом направлении, произведения Андреева носят явный отпечаток декаданса, не того декаданса, который, вдохнув новые силы в реализм, дал ему новые формы и образы, а того, который, разменявшись на мелкую, холодную манеру оригинальничания, пошел гулять по русской земле рядом с промышленным декадансом галантерейных вещей. Последнее произведение г-на Андреева – «Мысль» подтверждает наши слова. На нем и других рассказах мы и остановимся в следующей статье.

(Продолжение следует²⁹)

Примечания

- 1 *Жаботинский Владимир (Зеев)*. Полн. собр. соч. Минск: Met, 2007–2010. Т. 1–3 (второй том в двух книгах). Издание продолжается. В дальнейшем в тексте статьи – ПСС.
- 2 Указано Г. Элиасберг.
- 3 Указано З. Бар-Селла.
- 4 *The Writings of Ze'ev Jabotinski: A Bibliography* / Ed. by A. Evarovich. Tel-Aviv: Jabotinski Institute in Israel, 1979; *The Writings of Ze'ev Jabotinski: A Bibliography (1897–1940)* / Ed. by M. Graur. Tel-Aviv: Jabotinski Institute in Israel, 2007.
- 5 *Кацис Л.* К проблеме атрибуции псевдонимных газетно-журнальных текстов В. Жаботинского 1900-х годов // *Материалы Семнадцатой международной междисциплинарной конференции по иудаике*. М.: Сэфер, 2011 (в печати).
- 6 *Shechtman J.B.* The Life and Times of Vladimir Jabotinski: In 2 vol. N.Y.: Silver Spring, Eshel Books, 1986. Vol. 1. P. 151.
- 7 *Жаботинский В.* Вместо апологии // *Жаботинский Владимир (Зеев)*. О железной стене: Речи, статьи, воспоминания. Минск: Met, 2004. С. 125.
- 8 См. также: *Кацис Л.* К вопросу о публикациях Жаботинского в журнале «Освобождение» (Актолин, Аноним, Г. и другие) // *Жаботинский В.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 755.

- 9 Леонид Николаевич Андреев: Библиография. Вып. 2 А: Собрание рецензий Славянской библиотеки Хельсинкского университета / Сост. М.В. Козьменко. М.: ИМЛИ, 2002. В списке псевдонимов, записанных латиницей.
- 10 *Attalea*. Жизнь человека // Крымский курьер. 1906. 15 нояб. № 243. С. 2.
- 11 Жаботинский В. – Андрееву Л. 19 января 1909 г. // Zeev Jabotinski. Letters. Vol. 1. May 1898 – July 1914 / Ed. Daniel Carpi. Jabotinski Institute in Israel. Hasifria Hazionit. Publishing House of the World Zionist Organization. Jerusalem, 1992. P. 67 (на иврите).
- 12 *Жаботинский В.* Четыре статьи о «Чириковском инциденте» // Жаботинский В. О железной стене. С. 56–76.
- 13 См.: Чириков – Андрееву (после 19.02. до 13.03.1909) и Андреев – Чирикову 13 (26). 03. 1909: Переписка Леонида Андреева и Е.Н. Чирикова / Вст. ст., подг. текста и коммент. В.Н. Чувакова // Леонид Андреев: Материалы и исследования. М.: Наследие, 2000. С. 54–55.
- 14 *Altalena*. Вскользь // Одесские новости. 1902. 9 нояб. Цит. по: *Жаботинский Владимир (Зеев)*. Полн. собр. соч. Т. 2/II. С. 488.
- 15 Там же. С. 505.
- 16 Сайт «Леонид Андреев». URL: <http://andreev.org.ru/biblio/Comments/k%20bezdna.html> (дата обращения: 15.10.10).
- 17 К сожалению, комментаторы Собрания сочинений никаких данных о том, откуда взялись эти сведения, не приводят.
- 18 История с «Бездной» таит массу загадок, изложение в комментариях далеко от полноты, и мы обязательно посвятим этому литературному скандалу и роли в нем Жаботинского специальную работу.
- 19 См.: Леонид Николаевич Андреев: Библиография. Вып. 2 А: Собрание рецензий Славянской библиотеки Хельсинкского университета. Приложение 2.
- 20 Стандартная с виду комбинация «заря освобождения» – это названия двух важнейших журналов русской революционной эмиграции: «Зари» Г. Плеханова и «Освобождения» П. Струве. Подробнее см.: *Кацис Л.* О псевдонимах В. Жаботинского в журнале «Освобождение» // Русский сборник. Вып. 11. М.: Модест Колеров, 2011 (в печати).
- 21 *А.М.* Еврейский митинг в С.-Петербурге // Хроника еврейской жизни. 1905. № 6. С. 9–11.
- 22 Жаботинский («Аноним») приветствовал в «Освобождении» включение рассказа Гаршина в программу чтения для юношества: *Аноним*. Два гастролера: Сердечное попечение о рабочих // Освобождение. Штутгарт, 1903. № 33. С. 161.
- 23 *Жаботинский В.* Повесть моих дней // Жаботинский Владимир (Зеев). О железной стене: Речи, статьи, воспоминания. С. 498–499.
- 24 *Владимиров В.* Современное настроение в русской литературе // Вопросы общественной жизни. 1902. Вып. IV. Стб. 98–103.

Л.Ф. Кацис

- 25 *Владимиров В.* «Мещане» Горького // Вопросы общественной жизни. 1903. Вып. V. Стб. 175–182; *Он же.* Максим Горький и интеллигенция // Вопросы общественной жизни. 1903. Вып. VII. Стб. 193–198; Вып. VIII. Стб. 253–259.
- 26 *Владимиров В.* Леонид Андреев и его произведения // Вопросы общественной жизни. 1903. Вып. IX. Стб. 281–286.
- 27 *Vladimiro Giabotinski.* Антон Чехов и Максим Горький: Импрессионизм в русской литературе // *Nuova Antologia.* Rome, 1901. Vol. 36. № 719. P. 723–733; см.: *Жаботинский Владимир (Зеев).* Полн. собр. соч. Т. 2/I. С. 675–686.
- 28 *Altalena.* Вскользь: Публика о Леониде Андрееве // Одесские новости. 1903. 3 марта; см.: *Жаботинский Владимир (Зеев).* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 101–102.
- 29 В журнале «Вопросы общественной жизни» продолжения статьи Жаботинского не последовало.

Библиография

С.М. Волошина

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: *ЖЕЛВАКОВА И. ГЕРЦЕН.*
М.: Молодая гвардия, 2010. 592 с.
(Серия «Жизнь замечательных людей»)

Подробное, добросовестное исследование, пожалуй, одного из самых компетентных знатоков жизни и деятельности А.И. Герцена – директора его московского дома-музея И. Желваковой. Предыдущий выпуск серии «ЖЗЛ» о Герцене (автор – В. Прокофьев) датирован 1979 г. (переиздан в 1985 г.), так что новый выпуск 2010 г. появился более чем вовремя.

Несомненный плюс данного повествования – скрупулезное изложение фактов жизни как Герцена, его окружения, так и политической, социальной обстановки начала и середины XIX в. Автор, что неудивительно, часто ссылается на основной источник информации о Герцене – мемуары «Былое и думы», нередко «выпрямляя» хронологию повествования, тщательно снабжая ее пояснениями, напоминаниями и пропущенными деталями. Так, например, в книге дана биография Гервега, а также матери Герцена – Луизы Гааг – до ее «подпольного» приезда в Россию из родной Германии. При упоминании имен знакомых Герцена (например, Сазонова или вятской пассии Герцена Медведевой) обычно приводится краткая справка о том, кто эти люди и даже что они делали в отсутствие главного объекта повествования. Нельзя сказать, что подобные включения много добавляют к пониманию Герцена, но они, несомненно, любопытны. Впрочем, детали и подробности, описываемые автором, не настолько интимны, чтобы вызывать любопытство скандального толка, и не настолько крупны и рельефны, чтобы представить фигуру Герцена в новом свете.

Порой книга напоминает собой расширенную и адаптированную версию «Былого и дум», в которой известный герценовский синтез общего и частного аккуратно разделен на составляющие. Главы строго чередуются (после «общего» – непременно «частное»): например, глава 26 называется «Путь в науку. Развитие в

жизнь философии» и посвящена публицистике Герцена, а следующая за ней глава 27 – «Дела семейные» – закономерно повествует о личной жизни Герцена и его семьи.

Количество ссылок на «Былое и думы» подчас настолько велико, что описание Герцена иногда кажется «закольцованным»: автобиография (как бы она ни называлась) – по причине своей субъективности (тем более в случае с автобиографией Герцена) – не может быть основным источником, полностью достойным доверия. Стоит еще сказать, что тех, по меньшей мере любопытных и показательных, несоответствий между фактами биографии Герцена и тем, как они представлены в «Былом и думах», автор почти не упоминает, «регистрируя» лишь несоответствия в хронологии. Часто в авторской речи, якобы объясняющей мотивы поступков, идет перифраз текста «Былого и дум», что не ведет к раскрытию мотивов действий, а лишь повторяет версию автора мемуаров.

Создается впечатление, что вся книга представляет собой апологию Герцена. Но Герцен – сложный, многогранный человек, известный и широко обсуждаемый как при жизни, так и после своей кончины при всех политических режимах. Не совсем понятная «защита Желваковой» подчас доходит до трогательных форм: так, в главах о семейной драме Герцена и Натали автор вдруг резко обрывает повествование, отказываясь цитировать переписку главных действующих лиц, невнятно комментируя это следующим образом: «Здесь супругам имело смысл остаться тет-а-тет, не вмешивая посторонних даже нашего далекого будущего в их сугубо личное объяснение» (С. 373). Тут возникает вопрос: значит ли это, что автор сама не стала читать эту «сугубо личную» переписку, только завидев, о чем идет речь, или же она считает подобное чтение своей монополией; «широкий» же «круг читателей» серии ЖЗЛ, по ее мнению, данную привилегию не заслужил?

Апология Герцена иногда доходит до того, что меняет местами причину и следствие. Так, ведя повествование о предполагаемой и возможной дуэли с Гервегом (от которой, как известно, Герцен отказался, выбрав в качестве мести суд общественности), автор объясняет этот выбор не личной волей Герцена, а лишь следованием этическим нормам времени: «новое время требовало нового подхода к дуэлям». Таким образом, с Герцена снято любое подозрение в малодушии (а о его давлении на жену не сказано ни слова), ведь он просто следовал новому духу времени (С. 371).

Большая часть книги посвящена основной драме Герцена – той самой Пятой части «Былого и дум», где разворачивается центральный конфликт, из-за которого и был начат этот «мемуар». Помимо уже упоминавшейся биографии Гервега, автор аккуратно воспроиз-

вела всю хронологию разворачивающихся событий, однако выбор цитат и представленных фактов еще более причудлив, чем у самого Герцена. Здесь автор оказалась большей католичкой, чем Папа Римский: по ее книге роль Герцена во всей драме кажется минимальной. Создается впечатление, что тот лишь хлопотал о наследстве, удобстве совместного проживания, а также страдал от сложившейся ситуации. Эта страдательная роль – в обоих смыслах – кажется странной и не совсем объективной. Ситуация была сложной, и все участники ее так или иначе были «запятнаны». Единственный способ быть «чистым» – принимать в ней минимальное участие, и исследователь, видимо, выбрала именно этот путь – понятный для истового почитателя талантливого человека, но неприемлемый для исследователя. Вообще вся драма описана довольно тенденциозно. Цитаты из писем Натали подобраны так, что ее и без того экстравагантное поведение и душевный надлом представляются действительно чем-то вроде патологии. Впрочем, жена Герцена Наталья Александровна (почти как жена Цезаря) тоже находится вне критики и даже жесткого анализа.

Видимо, уже упомянутыми пуританскими стремлениями автора было продиктовано и неполное цитирование последнего письма Натали Гервегу – того самого, написанного втайне после письма «официального», где Натали еще раз писала о своей любви. Слова о любви автор почему-то опустила, оставив лишь благородное, но не имеющее отношения к чувству благословение умирающей любовнику.

В конце книги, закономерно оканчивающейся смертью Герцена и дайджестом о дальнейших судьбах его близких, неожиданно приведен десяток цитат (не самых ярких) на тему свободы.

Язык повествования книги неоднороден: части, посвященные «общему», а именно политическому, экономическому положению и прочим явлениям общественной жизни, написан часто штампами, стандартным полустертым языком середины и второй половины прошлого столетия. Части же, посвященные «личному», насыщены наивно-экспрессивной лексикой («ужасная драма», «Герцен страдал. Ах, как он страдал!») и неожиданными обращениями автора, видимо, к читателю.

Сложность задачи, которая поставлена перед автором новейшей биографии Герцена, очевидна. В «герценоведении» – помимо работ Л.Я. Гинзбург – все изданное может быть поделено на две группы: документальные материалы и относящиеся к ним узкоспециализированные статьи, а также публикации, в которых из-за обилия идеологии сложно разглядеть факты. Осмысляя действительно противоречивые факты и преодолевая идеологические схемы, необычай-

С.М. Волошина

но трудно найти рациональное и наиболее приближенное к истине объяснение или хотя бы правильный тон. И. Желвакова в целом проделала большую работу по подборке, проверке и изложению фактов об умнейшем, ярком и впечатляющем деятеле XIX столетия. Книга выглядит аккуратным, достойным и «сбалансированным» жизнеописанием Герцена, выполненным с большой (а потому пристрастной) любовью к объекту исследования. Однако, несмотря на заявленную в аннотации попытку «непредвзято, без идеологического тумана» рассмотреть жизнь Герцена, автору не удалось вполне быть объективной (что вряд ли возможно в принципе): вместо «идеологического тумана» сгустился туман личный, субъективный.

Э.А. Суздорф

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: *ФАТЕЕВ А.В.*
СТАЛИНИЗМ И ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
В ПОЛИТИКЕ НОМЕНКЛАТУРЫ СССР
(1930–1950-е годы).
М.: МАКС ПРЕСС, 2007. 352 с.

Монография А.В. Фатеева представляет собой оригинальное исследование культуры советского общества 30–50-х годов.

Объект исследования – детская литература как социокультурное явление. Автор стремился показать, каким образом детская литература использовалась для пропаганды и воспитания советского человека.

Внимание Фатеева сосредоточено на деятельности власти в области детской литературы, а также на биографии и творческих судьбах детских писателей.

Работа состоит из семи глав, введения и заключения. В первой главе «Дух времени» характеризуются основные тенденции, оказавшие влияние на формирование детской литературы в СССР во время индустриализации, изменившей общество и обострившей потребность в развитии образования. Исследуя предпосылки появления так называемой социальной инженерии, т. е. регулирования государством жизни советских граждан, автор изучает возникновение и развитие сталинизма как культурного явления. По мнению исследователя, сталинизм представлял собой «мелкобуржуазный коммунизм индустриального времени», опиравшийся на рабочий класс и «представителей бюрократии».

Вторая глава «Возникновение индустрии детской культуры и литературы в 1934–1941 гг.» посвящена становлению советской детской литературы. В 1935 г. при Союзе советских писателей была создана секция детских писателей. На заседаниях секции обсуждались вопросы взаимоотношения культурного наследия и развития молодой советской литературы. В конце 1939 г. была создана комиссия по детской литературе. Комиссия включала семь групп, которые возглавляли известные писатели: например, дошкольную – С. Маршак и А. Гайдар, научную – М. Ильин, историческую –

В. Шкловский. В конце 30-х годов особое внимание уделялось развитию бдительности и военной подготовке молодежи. В читательское сознание, отмечал автор исследования, внедрялся образ Павлика Морозова, ставший примером пионерской сознательности; в детях разжигали «пионероманию» и учили «распознавать врага».

В третьей главе «Детская литература в 1941–1946 гг.» анализируется детская литература военного времени. Первый раздел «Бытие и образование в годы войны» характеризует ситуацию в школе, где недостаток учителей-мужчин создал сложности в образовательном процессе. Второй раздел «Детгиз и писатели: новые задачи» раскрывает сущность перемен, произошедших в идеологии детской литературы. В частности, тему героического противостояния советского народа фашистской Германии следовало раскрывать с помощью рассказов о подвигах пионеров и комсомольцев. В третьем разделе «Литература борьбы и выживания» автор исследует произведения, созданные в военные годы. Данный период стал, по словам автора, «проверкой на прочность» для детской литературы, которую произведения многих советских писателей, как отмечало партийное руководство, «с честью выдержали».

Четвертая глава «Расцвет сталинизма и детской литературы в 1946–1953 гг.» посвящена послевоенному периоду. В 1949 г. иерархия тем в детской литературе была установлена следующим образом: главной считалась тема социалистического труда, затем шли историческая тема, далее – отражение жизни подростков в капиталистических странах, наконец, школьная тема (и близкая ей пионерская). Детская литература, отмечает Фатеев, становилась все более оторванной от действительности: идеализм, утопичность и официальный патриотизм были неременным требованием, а упоминание отдельных недостатков советского уклада приравнивалось к серьезному идеологическому просчету. На примере читательских писем, получаемых Л. Кассилем (хранятся в РГАЛИ), автор показывает зависимость восприятия литературы от социального положения читателя: школьники из благополучных семей, имевшие возможность больше читать, говорили, что доверяют детским книгам и их героям; тогда как подростки, выросшие без родителей или жившие в детских домах, по преимуществу книгам не доверяли и часто чувствовали себя попросту обманутыми.

В пятой главе «Реформы и детская литература в 1953–1958 гг.» Фатеев исследует изменения в литературе после смерти Сталина. Во время «оттепели» часть молодежи утратила веру в духовные ценности, навязываемые государством. Кризис системы образования, полное несоответствие реальности и литературы привели к всплеску преступности в больших городах. Государственная пропа-

Рецензия на книгу: *Фатеев А.В.* Сталинизм и детская литература в политике...

ганда искала новые способы воздействовать на читателя. Так, в 1954 г. «Комсомольская правда» открыла дискуссию «В чем красота человека?», а в 1955–1956 гг. «Пионерская правда» развернула кампанию, имевшую цель сформировать у подростков негативное отношение к хулиганству. Переоценка ценностей затрагивала и детских писателей: автор анализирует конфликты и дискуссии в литературной среде.

В шестой главе «Историческая и социальная реальность в детской литературе» автор акцентирует внимание на политике государства в отношении книгоиздания. В конце 40 – начале 50-х годов издательство «Детгиз» выпускало художественную литературу широкого диапазона: русскую классическую, советскую, зарубежную. Эти книги должны были соответствовать внешней и внутренней политике советского государства, потому постоянно переиздавались произведения о борьбе угнетенных народов за независимость и социальную справедливость. Фатеев подчеркивает, что в книгах детских писателей – благодаря соответствующей редакции – идеологическая составляющая становилась все более наглядной: дружба показывалась как основа коллективизма и всего советского образа жизни, любовь – как исключительно целомудренная и т. п.

В седьмой главе «“Плоды просвещения”: журнал “Юность” в боях против буржуазности» автор рассматривает издательскую политику этого популярного издания на примере читательских писем, как опубликованных, так и неопубликованных (хранятся в РГАЛИ). Фатеев анализирует приемы манипулирования сознанием читателей: в попадавшие в печать подборки писем включались только те фразы или абзацы, которые доказывали, что советские люди с воодушевлением встречают решения партии и правительства.

Основанная на обширном архивном материале, книга Фатеева содержит множество неизвестных ранее фактов, позволяющих восстановить атмосферу времени. История детской литературы 30–50-х годов XX в. рассматривается в тесной связи с историей страны, демонстрируя постоянное давление власти на личность художника. По-новому открывается – при подходе, предложенном Фатеевым, – специфика ангажированности советских периодических изданий, адресованных детской аудитории разных возрастов. Думается, что рецензируемая монография будет интересна всем, кто интересуется советской культурой.

А.М. Бекина

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: *МОИСЕЕВ А.Н.*
СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ:

Монография. Чебоксары:
Чувашский гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева, 2009. 278 с.

Автор – старший преподаватель кафедры социально-экономических дисциплин Чувашского государственного педагогического университета. Монография, увидевшая свет в 2009 г., посвящена влиянию средств массовой информации на сознание граждан России, особенно сознание политическое. А.Н. Моисеев подробно анализирует сами понятия информации и СМИ, а также российское законодательство в сфере массовой информации. Цель книги – выявить главные недостатки современной российской системы СМИ и предложить варианты выхода из кризиса.

Материалом для изучения служат прежде всего региональные средства массовой информации – печать и телевидение Республики Чувашия. Однако выводы монографии относятся к российским СМИ в целом.

Моисеев отмечает такие черты информации, доносимой СМИ, как доступность, направленность на массовую аудиторию, способность формировать единую позицию масс по социальным проблемам. Тот, кто контролирует информацию, может решающим образом влиять на общественное сознание. Неудивительно поэтому, что властные структуры любыми способами стремятся контролировать СМИ.

В современной политологической науке сложилось два подхода, характеризующих степень влияния СМИ на сознание масс: пропагандистский и журналистский. Сторонники первого утверждают, что влияние СМИ на массы очень серьезно (что серия статей определенного содержания может в корне изменить убеждения многих людей). Сторонники второго минимизируют степень непосредственного влияния СМИ на аудиторию из-за ряда опосредованных факторов. По их мнению, «средства массовой информации всего лишь дают человеку некую информацию о политическом мире, не

© Бекина А.М., 2011

загрывая его индивидуальные политические предпочтения» (С. 13). По данной модели СМИ формируют оценки текущих событий не у всей аудитории, а только у небольшой ее части (не более 10%). Рефлексивное осмысление информации идет только у той самой малочисленной аудитории, которая передает свое понимание текущей ситуации остальным гражданам, в меньшей степени интересующимся происходящими событиями.

Развитие средств массовой коммуникации, появление Интернета видоизменило публику, смешав ставшее уже привычным разделение на социальные группы. Стала доминировать именно массовость. Модель массового общества (общества толпы) в настоящее время наиболее влиятельна. Человек толпы находится в постоянной зависимости от других во всем, что связано с его существованием: жилищем, трудом, идеями, досугом и т. д. Парадокс политики, в которой участвует толпа, состоит в том, что массовое общество постоянно производит все новых вождей: массы стремятся подчиниться власти (С. 77).

Именно поэтому СМИ становятся столь необходимы тем, кто стремится к власти. И в этом же причина того, что самим СМИ все сложнее сохранять положенную им в соответствии с Конституцией РФ независимость и свободу слова. Автор отмечает, что в России СМИ не обладают ни тем ни другим – прежде всего потому, что редакциям не принадлежат технические средства, с помощью которых они работают. Помещения редакций, типографий, труд журналистов – все это, как правило, оплачивает некий собственник, который почти всегда остается в тени. Он не вмешивается в дела СМИ, однако те всегда будут выпускать удобные ему материалы. Словом, на облик российских СМИ существенно влияют современные условия (С. 16).

В главе первой Моисеев подробно разбирает законодательную основу функционирования российских СМИ и их деятельность на политическом пространстве России. После анализа основных законодательных актов, касающихся массмедиа, и сравнения их с зарубежными аналогами автор делает печальный вывод: «Трудно и рано говорить о подлинной открытости и свободе в информационно-коммуникационной сфере России» (С. 40). Государственная власть тщательно отбирает, фильтрует и корректирует потоки информации, к тому же она ставит оппозиционные издания в невыгодные условия, затрудняя их деятельность. Интересно, что среди причин этого автор называет прежде всего экономические и культурные, а не собственно политические.

Во второй главе анализируются методы влияния СМИ на массовое политическое сознание, подробно разбираются все тон-

кости медийных манипуляций, а читателям даются рекомендации, направленные на то, чтобы избежать манипулятивного воздействия.

Анализируя региональные СМИ Чувашии, Моисеев оценивает степень доверия к ним аудитории, подсчитывает упоминания отдельных политических фигур в конкретных изданиях и связывает все это со сделанным впоследствии политическим выбором. Вывод его однозначен: политическая реклама работает эффективно. Политическая реклама – система политических коммуникаций, призванных изменить сознание и поведение людей в соответствии с политическими целями рекламодателя. Она регулирует (обычно мобилизует) политическое поведение, информируя и стимулируя определенные эмоции.

В массовом политическом сознании главенствуют образы «обделенный народ», «льготы и коррупция номенклатуры», «государство-эксплуататор» и прочее, они позволяют политику создать иллюзию органичной связи между собственной предвыборной программой и желаниями народа.

Изменение социально-политической ситуации в России, коммерциализация политической сферы требуют переосмысления тех областей деятельности, которые связаны с общественной психологией. Манипуляция, выступая как феномен коммуникации, способствует становлению «манипулятивного общества» (С. 115) вследствие «засорения» каналов коммуникации недостоверными и/или фрагментарными сообщениями.

Итак, в настоящее время общероссийские и региональные средства массовой информации представляют собой инструмент социального переустройства, который заменяет другие социальные институты, выполняя за них политические и общественные обязанности. Однако сегодня реализация такой задачи затруднена неготовностью самого общества, поскольку в нем еще присутствуют комплексы авторитарного режима, а свобода СМИ весьма относительна.

В складывающейся ситуации движение к обществу, где информация является одной из доминант развития цивилизации, есть постепенный и длительный процесс. И чтобы его оптимизировать, нужно произвести некоторые изменения в сфере средств массовой информации. Важно также повысить уровень информационной культуры населения, добиться, чтобы оно адекватно реагировало на информацию, разбиралось в ней.

Автор называет ряд мер, необходимых для обеспечения эффективного функционирования СМИ. Среди них соблюдение свободы слова, обеспечение информационной безопасности, по-

Рецензия на книгу: *Моисеев А.Н.* Средства массовой информации...

ощрение конкуренции и борьба с монополизацией, охрана прав журналиста и интеллектуальной собственности, предоставление всему населению права и технических возможностей доступа к информации и информационным ресурсам и др. Осуществление этих мер должно сопровождаться изменением правовых, политических и экономических условий функционирования СМИ, рекомендации к чему автор также дает подробно.

Е.В. Леонтьева

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: *BARIDON L.*
L'ART ET L'HISTOIRE DE LA CARICATURE.
Paris: CITADELLES&MAZENOD, 2006. 303 p.
Лоран Баридон. Искусство и история карикатуры. Париж.

Книга французского искусствоведа Лорана Баридона «Искусство и история карикатуры» насыщена иллюстративным материалом и этим напоминает альбом по искусству. Однако автор явно задумал работу как масштабное эстетическое исследование. В сравнении с многими предшествующими трудами о карикатуре, исследующими ее с точки зрения изобразительного искусства, книга Баридона выглядит как новаторская и актуальная работа, так как автор не ограничивает исследование временными, географическими или эстетическими рамками. Баридон изучает карикатуру с разных сторон, позволяя читателю увидеть предпосылки и возможности ее развития. Автор рассматривает карикатуру в контексте политических и культурных событий, изменения направлений в искусстве, а также в контексте научно-технического прогресса.

История карикатуры разделена автором на несколько периодов, каждому из которых посвящена отдельная глава книги. Однако анализ этих периодов проводится на основе принципов, разных для каждой главы. К тому же в книге отсутствует общая концепция, и это приводит к тому, что каждая глава становится небольшим самостоятельным исследованием, со своими целями и задачами.

Работа состоит из введения, шести глав и заключения, что соответствует восьми этапам, на которые автор делит историю карикатуры. При этом хотя первая и последняя части книги названы «введением» и «заключением», но по сути своей они представляют собой еще две главы, содержащие краткую характеристику определенных исторических периодов – начального и современного – развития карикатуры.

Во введении автор предлагает свое понятие феномена карикатуры. Сопоставляя различные словарные определения термина «карикатура»¹, Баридон определяет ее как «шарж на человека, ос-

© Леонтьева Е.В., 2011

нованный на преувеличении и высмеивающий его особенности и физические изъяны, а также пристрастия и привычки» (С. 8).

Нетрадиционно представление автора об истоках карикатуры. Первыми сатирическими рисунками, которые легли в основу этого вида изобразительного искусства, принято считать² «Гротескные головы» Леонардо да Винчи. Баридон же считает, что карикатура зародилась еще в Древнем Египте, отодвигая таким образом ее рождение на пять тысяч лет.

Кроме того, во введении анализируются художественные особенности сатирических рисунков следующих исторических периодов: античности, Древнего Египта и раннего Средневековья.

В заключении автор подводит итоги не столько проведенного в работе исследования, сколько анализу состояния карикатуры начала нового тысячелетия.

Таким образом, книга не имеет ни полноценного вступления, в котором автор определял бы внятно свою позицию и принципы изучения карикатуры, ни столь же полноценного заключения, в котором подводились бы итоги проведенного исследования. Книга, заявленная как «Искусство и история карикатуры», не дает читателю целостную картину карикатуры ни с точки зрения искусства, ни с точки зрения общественно-политической истории. Кроме того, ни один из аспектов развития и многочисленных сторон термина «карикатура»³ – который применим ко всем искусствам, но с наибольшей отчетливостью используется в области изобразительных искусств, – не представлен здесь достаточно подробно.

Подобную методологию книги можно было бы объяснить тем фактом, что карикатура широко используется как в изобразительном искусстве, так и в журналистике – и в каждой из этих сфер имеет свою историю. Проблемы, затронутые Баридоном, несомненно, имеют важное значение для истории ее развития, однако, сделав акцент на одной проблеме, произвольно выбранной для каждой отдельной главы, автор совершенно обходит стороной все остальные, что снижает ценность анализа, заявленного им как анализа многоаспектного.

Например, во второй главе рассказывается в основном о жанровых особенностях итальянской, английской и французской карикатуры XVIII в., но ничего не говорится о проблеме репродуцирования. Третью главу, которая называется «Время репродуцирования», автор посвящает разъяснениям преимуществ литографии, не касаясь при этом историко-культурной ситуации, способствовавшей появлению литографии, чему, кстати сказать, в других главах уделяется немалое внимание. В этой главе автор уделяет преимущественное внимание использованию карикатуры в периодической

печати и иллюстрировании литературных произведений, но не касается актуального для этих сфер вопроса цензуры, которой, однако, посвящена практически вся четвертая глава.

Наиболее вероятная причина такой необычной методологии анализа угадывается при внимательном рассмотрении иллюстративного ряда книги. Дело в том, что основу альбома составляют репродукции работ, находящихся на экспозиции в нескольких европейских музеях (по большей части парижских), а также работ из фонда французской Национальной библиотеки. И можно сделать вывод, что неоднородность композиции книги вызвана ничем иным, как ограниченностью источников и привязкой повествования к художественному материалу и заданному объему. Автор, скорее всего, обратился к наиболее доступным материалам, что привело к поверхностному изучению проблемы.

Едиственный вывод, сделанный автором в заключении – и который можно было бы отнести к самой книге, – только подтверждает эту догадку. Звучит он следующим образом: «И наконец, нужно заметить, что карикатура всегда легко подстраивалась под новые способы репродуцирования. С Возрождения до XIX в. она воплощалась в гравюре – сначала в оттисках и эстампах, потом в литографии; с начала промышленного переворота и до наших дней – в иллюстрированной сатирической прессе; и наконец, на телевидении, где тоже есть свои сатирики, которые, несмотря на жесткий контроль властей, иногда высказываются в прямом эфире. Сегодня карикатура – свободная и оттого безжалостная – существует и в Интернете» (С. 292).

Предположение о том, что при выборе композиции и формы анализа автор отталкивался от имеющегося в наличии материала, также подтверждается и тем фактом, что большая часть текста посвящена именно французской карикатуре, хотя она ни по своей значимости, ни по объему не может считаться ведущей в европейской карикатурной практике. Исключительное внимание автора к французской карикатуре тем более неоправданно, что заглавие, данное им своему исследованию, предполагает анализ этого вида искусства в целом.

В целом книгу Баридона вряд ли можно назвать удачной. Однако она представляет немалый интерес, заполняет многие лакуны в истории европейской карикатуры, вводит в научный обиход принципиально новый материал.

Один из главных недостатков этой книги – выбор автором для анализа почти исключительно французской карикатуры – оказался одновременно и главным его достоинством. Дело в том, что, по-

сколькx лидером в области карикатуры традиционно считалась Англия, исследователи уделяли изучению сатирических рисунков этой страны гораздо больше внимания, чем, например, итальянским или французским. Книга же Баридона не только позволяет проследить историю французской карикатуры как таковой, но и содержит подробную информацию о французских сатирических изданиях XIX в.

В частности, отдельный параграф посвящен французскому рисовальщику и журналисту Шарлю Филипону, который издавал в Париже иллюстрированные сатирические издания «Карикатюр» (1830–1835) и «Шаривари» (1832–1837). По мнению Баридона, именно Филипону принадлежит главная роль в изобретении многочисленных приемов, которые до сих пор используются карикатуристами (С. 148). Так, в 2000 г. в Оксфорде вышла работа английского исследователя Д.С. Керра⁴, автор которой говорит о первоочередной роли карикатуры в политической жизни Франции в середине XIX в., а также называет основателем политической карикатуры именно француза Шарля Филипона. А «Шаривари», кстати говоря, немало способствовал появлению самого авторитетного и читаемого сатирического издания в Великобритании, журнала «Панч», многие годы бывшего лидером в области мировой карикатуры. Стоит заметить, что после того как издание «Панча» было приостановлено в 1992 г., его место в мировой сатирической прессе заняла французская газета «Канар аншэнэ», о которой Баридон также упоминает в своей книге.

Нам представляется, что, несмотря на указанные недостатки, исследование Баридона может способствовать тому, что ученые и историки искусств обратят больше внимания на феномен французской карикатуры. Книга представляет собой хоть и неполное, но многостороннее исследование ее становления и развития. А поскольку, по словам Д. Керра, в настоящее время работ о французской карикатуре этого периода явно недостаточно, книга Баридона вполне может представлять научный интерес.

Примечания

¹ *Watelet C.-H.* Encyclopidie mithodique: Beaux-Arts. P.: Panckoucke, 1789. Vol. 2; *Pernety A.-J.* Dictionnaire portatif de peinture, sculpture et gravure, avec un traiti pratique des diffirentes manieres de peindre. P.: Bauche, 1757; *Larousse P.* Grand dictionnaire universel du XIX siecle. Nîmes: C. Lacour, 1992.

Е.В. Леонтьева

- ² *Шестаков В.П.* Гиллрей и другие...: Золотой век английской карикатуры. М.: РГГУ, 2004; *Dickinson H.T.* Caricatures and the Constitution: 1760–1832. Cambridge: Chadwyck-Healey, 1986; *Donald D.* The Age of Caricature: Satirical Prints in the Rein of George III. New Haven: Paul Mellon Centre for Studies in British Art/Yale University Press, 1996; *Hogarth W.* The Analysis of Beauty: Written with a view of fixing the fluctuating Ideas of Taste. L.: J. Reeves, 1753.
- ³ *Дынин В.* Карикатура // Литературная энциклопедия: В 11 т. М.: Изд-во Ком. Акад, 1931. Т. 5. Стлб. 124–127.
- ⁴ *Kerr D.S.* Caricature and French Political Culture, 1830–1848: Charles Philipon and the Illutrated Press. Oxford: Clarendon Press, 2000.

Abstracts

I. Ageykina

JOURNAL RECEPTION OF V.A. KAVERIN'S NOVEL "THE TWO CAPTAINS"

The article is devoted to the analysis of journal reception of two volumes of Kaverin's novel "Two captains". The response of Soviet literary critics was ambiguous. The author examines arguments, which were provoked by appearance of the novel.

Key words: Kaverin, "Two captains", magazine controversy, Stalin's award.

E. Arut'unova

DISCUSSION ON "THE LARGE-SCALE REFORM OF THE LANGUAGE" (ON THE BASIS OF THE PRESS MATERIALS, 2001)

The theme of the article is polemics in paper and electronic mass-media during 2001 caused by the publication of the new rules of Russian orthography. The author of the article analyzing the means of persuasion used by supporters and opponents of the orthography and punctuation reform, comes to the conclusion that the discussion was of indelicate character, first of all because of the usage of numerous logical traps.

Key words: reform of orthography, reform of spelling, unpardonable ways of discussion, logical traps, sophistry.

N. Bachinskaya

DIPLOMATIC LETTERS OF IVAN THE TERRIBLE AS POLITICAL ESSAYS (EPISTLE TO STEPHEN BATHORY OF 1581)

The author analyzes diplomatic epistles of Ivan the Terrible as a kind of political essays, taking by example his letter to Stephen Batory (1581). The article analyzes the foreign-policy plans of the czar and according to this the author researches his recipes of persuasion and manipulation. The

article also analyzes the supposed influence which the text might have had on the contemporary readership of Ivan the Fourth.

Key words: Ivan IV Vasilyevich, Stephen Batory, diplomatic correspondence, publicism, recipes of persuasion, manipulation, irony, foreign-policy, perception of readers.

E. Basovskaya

QUESTIONS OF SPEECH STANDARD IN THE SOVIET PRESS (THE SECOND HALF OF THE 1940s – THE BEGINNING OF THE 1950s)

In the article the Soviet variant of linguistic purism, which reached the highest point of its development in the period of the late stalinism is analyzed.

The author studies political and ideological motivation of defenders of the Russian language from foreign words, popular speech, local expressions and archaisms using as material such popular editions as “Pravda”, “Literaturnaya gazeta”, “Kultura i zhizn”. The reasons of official aversion of the term “purism” for struggle for a speech standard are also considered.

Key words: purism, speech standard, borrowed lexicon, terminology, archaisms, local words.

E. Basovskaya

“LINGUISTIC PURITY” AS THE PROPAGANDA COURSE

The article deals with one of insufficiently explored propaganda devices – the usage of a cultural concept as a mean of introduction of some ideas leaving far beyond of the analyzed question to consciousness of an audience. Such camouflage function of linguistic problematic is shown by means of an example of the materials published in the USSR and in an emigrant press. The author puts forward a term “propaganda course” to note non-political concepts serving the aims of the propaganda discourse.

Key words: propaganda, “linguistic purity”, loan words, speech errors, spelling reform.

Yu. Bit-Yunan

V.S. GROSSMAN'S EARLY JOURNALISTIC WORKS (1928–1929)

The author analyzes V.S. Grossman's early journalistic works, published in the Soviet periodicals in 1928–1929. He attempts to determine their role in the career of the novelist and concludes that

Grossman's journalistic experience became a preparatory phase of his further literary work.

Key words: Grossman, the Soviet journalism, the history of the Soviet journalism, the history of the Soviet literature, literary reputation, the Jewish problem in the Soviet literature.

E. Brodskaya

“HAMLET” OF Y. LUBIMOV STAGING
AND THE REACTION OF SOVIET PRESS IN THE 1970s

This article is about “Hamlet” of Y. Lubimov staging and its reception in soviet press in the beginning of 1970s. Following sources were used: “Literaturnaya gazeta”, “Sovetskaya kultura”, “Komsomolskaya Pravda”, “Trud”, and also “Theater” magazine. The main conclusion that was made up is that this performance provoked from the audience the illusion that it was in opposition to Soviet rule.

Key words: The soviet press, reception, “Hamlet”, Y. Lubimov, K. Stanislavsky, V. Vysotsky, V. Smekhov.

S. Ehrlich

THE TOPONYM “THE SENATE SQUARE”
IN MODERN JOURNALISM

The article investigates the usage of the toponym “The Senate Square” in historical documents and modern journalism. The author of the article comes to the conclusion concerning connection between this toponym and historical memory of Russia' citizens on the one hand, and its actuality in modern political context on the other.

Key words: modern journalism, Senate Square, Saint Isaac's Square, Peter's Square, the decabrists, Valentina Matvienko, the dissenters' march.

A. Gotovtseva

HOW “NATURE” APPEARED TO BE “FREEDOM”.
CONCERNING THE HISTORY OF PUBLICATION
OF PUSHKIN'S TEXT IN THE MAGAZINE
“SOREVNOVATEL PROSVESHENIA I BLAGOTVORENIA”

The article investigates a context of appearance of Alexander Pushkin's verse “An answer to a challenge to write verses in honour of Her Imperial Majesty Empress Elizaveta Alekseevna” in the magazine

“Sorevnovatel prosveshenia I blagotvorenia”. The essence of the verse is shown on the broad social and political background full of verse dedications to empress.

Key words: Alexander Pushkin, journalism, empress, Elizaveta Alekseevna, charity, magazine “Sorevnovatel prosveshenia I blagotvorenia”, Fedor Glinka, civil poetry, love poetry.

A. Gotovtseva, O. Kiyanskaya

FROM THE HISTORY OF RUSSIAN JOURNALISM
OF THE 1820s: KONDRATY RILEEV, FADDEY BULGARIN
AND PETR SVIN'IN

The article deals with the literary context of publishing Ryleev's ode “Vision” in Bulgarin's periodical “Literaturnye Listki”. It also considers the place and the role of “Literaturnye Listki” in the media and political process of 1823–1824.

Key words: Kondraty Ryleev, Faddey Bulgarin, Petr Svin'in, “Literaturnye Listki”, “Otechestvennye Zapiski”, the history of Journalism, Journalism and Authority, Succession to the Throne.

L. Katsis

VLADIMIR JABOTINSKY AND LEONID ANDREEV
(AN ATTRIBUTION OF PSEUDONYM ARTICLES
OF THE 1900s).

Present study is dedicated to an attribution to Russian-Jewish journalist and writer Vladimir (Zeev) Jabotinsky of three parody letters (February 1903) sent to three Russian newspapers (Kurier [Moscow], Odessa News, Volin' [Zhitomir]) from the heroes of a scandal known novel by Leonid Andreev “The Abbis” (1902). It is known that one letter belongs to Jabotinsky and another to Leonid Andreev. The third letter was signed in “Volin” as “Omega”. The author demonstrates that it belongs to Jabotinsky too. A special attention is paid to the differences between their publications in Russian newspapers and parody Berlin book published by an anonymous compiler who pointed there another, the fourth, letter from any “Fedor” that is quite different from the letter signed by “Omega”. L. Katsis suggests that all letters are belonged to Jabotinsky.

Key words: Leonid Andreev, Vladimir (Zeev) Jabotinsky, Leo Tolstoy, Sophia Tolstoy, attribution, provincial press.

T. Kudryavtseva

THE IMAGE OF JAPAN IN THE NEWSPAPER
“RUSSKIE VEDOMOSTI” (1895–1902).

The article analyzes the image of Japan in the newspaper “Russkie vedomosti” in 1895–1902. The author demonstrates, that the editors admitted potential menace of war, caused by Japanese policy, but they didn't regard Japan as an enemy of Russia. Japan could have become a real danger only in alliance with England and China.

Key words: China, Japan, history of the Russian periodical press, liberal press, “Russkie vedomosti”, the Far East, the yellow danger.

T. Kutarenkova

P.B. STROUVE – AN EDITOR OF THE
“VOZROZHDENIE” NEWS-PAPER

The article analyses the significance of the newspaper “Vozrozhdenie” for political and social life of Russians in France in the 1920s as well as Petr Strouve's political programme and his place in papers and magazines of Russian emigration in France of the period mentioned.

Key words: Russian emigration, France, journalism, legal Marxism, liberal conservatism, nepredreshchestvo, Russian Conference in exile.

E. Leontyeva

CH. PHILIPON'S POLITICAL CARICATURE AND FRENCH
JOURNALISM OF THE MIDDLE OF THE NINETEENTH CENTURY

The article considers the reasons and precautions of French caricature developing in the middle of XIXth century and the specifics of French political caricature comparing to the English one. Furthermore, the article considers the main figure in French satirical journalism Charles Philipon and his two most popular journals, “La Caricature” and “Le Charivari”.

Key words: Charles Philipon, political caricature, satirical journalism, “leaflets”, France, revolution.

M. Odesskaya

“EVERYTHING IN A PERSON SHOULD BE BEAUTIFUL”:
CHEKHOV AND MARXIST JOURNALISM

The article discusses the reaction of Marxist criticism and journalism to Chekhov's characters and their ideas about beauty. The Marxist idea about a beautiful person and a harmoniously developed personal-

ity is an idealistic concept that has been vulgarized and adapted to the social and political context of today. An analysis of Marxist criticism and journalism shows that the ideological task to educate the new man of the future did not coincide with the aesthetic principles of Chekhov, which is why his works were distorted by interpreters.

Keywords: journalism, Chekhov, beautiful person, idealism, Marxist criticism

M. Odessky

THE HYPERBOREAN COUNTRY. OCCULT THEMES
IN SOVIET PERIODICALS AND FICTION OF THE 1920s

At the end of the XIXth and at beginning of the XXth centuries crisis of the traditional society and traditional science was accompanied by the crisis of the positivist picture of the universe and by the general interest towards occultism. In the sphere of literature and culture the Occult Renaissance expressed itself in different ways: as the usage of the occult themes representing the answer to modern fashion, as the usage of literature for propaganda of the occult ideas, and by some others. In USSR the occult societies were closed prohibited but some writers strived to fulfill their occult programmes under new social conditions and used for it different means. For example, they tried to disguise the suspicious – from the point of view of Soviet propaganda – themes by the artistic form of such “non-serious” literature as science fiction. It is also important to note that these writers often used the Soviet newspapers as the sources of ideas for their books.

Key words: Lev Gumilevsky, Vasiliy Obruchev, Gleb Alekseev, Soviet newspapers, science fiction, occult themes.

Yu. Parsamov

THIS WRITER IS ALMOST A DEBUTANT
(ON THE HISTORY OF EARLY MEDIA DEBATES
ABOUT BABEL)

The paper focuses on early media responses to Babel’s “Red Cavalry”. The reviews of the literary critics representing various literary circles of the early 1920s that were published in “Lef”, “Na Postu”, “Pechat’ i Revolutsia”, “Krasnaya Nov” are analyzed. The research demonstrates the process of launching the project Babel as a Proletarian Writer that was not implemented in the first place because of Babel’s close relationship with the literary circle of A.K. Voronsky.

Key words: Isaak Babel, “Red Cavalry”, media responses, literary circles, proletarian writer, Alexandr Voronsky.

S. Pavlova

THE LANGUAGE OF THE MODERN NEWSPAPER:
MECHANISMS OF DESOVIETIZATION

The article analyses the use of the different words from the so-called “soviet language” in the Russian newspaper “Kommersant”. The author assumes that there are three main ways of the lexical desovietization of the journalistic discourse in the post-Soviet era – the archaisation, the resemantisation and the neutralization of the ideological component of meaning. The author concludes that many sovietisms remain in the active lexicon because they are no longer associated with the system of the “soviet language”.

Key words: social and political journalism, soviet language, newspaper, sovietism, archaisation, resemantisation.

E. Susdorf

THE IMAGES OF LENIN AND STALIN ON THE PAGES
OF THE “EZH” AND “CHIZH” CHILDREN MAGAZINES:
THE END OF THE 1920s – THE 1930s

The article investigates the ways of Soviet propaganda influenced children’s periodicals of the 1920s and 1930s, using as the example “Ezh” and “Chizh” magazines with their publications in prose and poetry devoted to Vladimir Lenin and Joseph Stalin.

Key words: Russian Soviet periodicals for children, USSR, propaganda, “Ezh” and “Chizh” magazines, Vladimir Lenin, Joseph Stalin.

S. Voloshina

ARTISTIC PECULIARITY OF HERZEN’S JOURNALISM METH-
ODS OF CONTRAST AND METAPHOR

The article focuses on peculiarities of Herzen’s non-fiction, such as using images as a journalistic mode and their construction singularities, characteristic features of the author’s metaphors and methods of contrast. The widely known formula for Herzen’s texts of blending the “private” and the “general” is being analyzed and questioned. There is also an attempt to find the link between Herzen’s personality and nature and their realization in his non-fiction texts.

Key words: Al. Herzen/Gercen, journalism, history of journalism, metaphor, contrast, journalistic methods, artistic image.

El. Yavorskaya

ODESSA PRESS OF 1918–1919 ON THE DEATH
OF ANATOLY FIOLETOV

The paper reviews the publications in Odessa newspapers and magazines dedicated to the memory of Odessa poet and a detective-inspector A. Fioletov. Having started with the mere statement of the fact of Fioletov's death, the authors of those published works finished with the acknowledgement of his place in the literary life in Odessa at the turn of the century.

Key words: Fioletov, Odessa journalism, poetic evening, collected poems, detective-inspector, obituary.

Сведения об авторах

Агейкина Ирина Николаевна – канд. филол. наук, ira-ageykina@yandex.ru.

Арутюнова Елена Вячеславовна – старший преподаватель кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, alen_rus@mail.ru.

Басовская Евгения Наумовна – канд. филол. наук, профессор кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, jeni_ba@mail.ru.

Бачинская Наталья Александровна – аспирант кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, nanisa@mail.ru.

Бекина Анна Михайловна – аспирант кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, sportotdel@gmail.com.

Бит-Юнан Юрий Геваргисович – аспирант и преподаватель кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, bityunan@gmail.com.

Бродская Евгения Вадимовна – аспирант кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, 4erda4ok@gmail.com.

Волошина Светлана Михайловна – соискатель на степень кандидата филологических наук кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, S.M.Voloshina@gmail.com.

Готовцева Анастасия Геннадьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, brunhilda@yandex.ru.

Кацис Леонид Фридович – д-р. филол. наук, профессор Российско-американского учебно-научного центра библеистики и иудаики РГГУ, katsis@gesharim-msk.ru.

Киянская Оксана Ивановна – д-р. ист. наук, профессор кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, kianoks@inbox.ru.

Кудрявцева Татьяна Михайловна – аспирант кафедры истории России XIX – начала XX века Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, lwindheim@gmail.com.

Кутаренкова Татьяна Сергеевна – аспирант кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ; редактор отдела новостей газеты Парламентского Собрания Союза Беларуси и России «Союзное вече», kutarenkova@yandex.ru.

Леонтьева Елизавета Владимировна – аспирант кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, wistlee@gmail.com.

Одесская Маргарита Моисеевна – канд. филол. наук, доцент Центра по обучению русскому языку иностранных учащихся РГГУ, odes@inbox.ru.

Одесский Михаил Павлович – д-р. филол. наук, профессор, зав. кафедрой литературной критики Института массмедиа РГГУ, modessky@mail.ru.

Павлова Светлана Васильевна – аспирант кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, svpavlova85@gmail.com.

Парсамов Юрий Вадимович – аспирант кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, parsamyam@yandex.ru.

Сыздорф Эльвира Александровна – аспирант кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, elja-s@list.ru.

Эрлих Сергей Ефроимович – канд. ист. наук, директор издательства «Нестор-История», ehrlich@mail.ru.

Яворская Елена Леонидовна – заместитель директора по научной работе Одесского литературного музея, yavors@i.ua.

General data about the authors

Ageykina Irina Nikolaevna – PhD (philology), ira-ageykina@yandex.ru.

Arutujnova Elena Vyacheslavovna – senior teacher, department of Literature criticism, Russian State University for the Humanities, alen_rus@mail.ru.

Bachinskaya Natalia Aleksandrovna – postgraduate student, department of literature criticism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, nanisa@mail.ru.

Basovskaya Evgeniya Naumovna – PhD (philology), professor, department of literature criticism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, jeni_ba@mail.ru.

Bekina Anna Mikhailovna – postgraduate student, department of literature criticism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, sportotdel@gmail.com.

Bit-Yunan Yuriy Gevargisovich – post-graduate student and lecturer, department of literature criticism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, bityunan@gmail.com.

Brodskaya Eugenia Vadimovna – post-graduate student, department of literature criticism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, 4erda4ok@gmail.com.

Ehrlich Sergei Efroimovich – PhD (history), “Nestor-Historia” Publishing House, director, ehrlich@mail.ru.

Gotovtseva Anastasiya Gennad’evna – PhD (philology), associate professor of the department of literature criticism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, brunhilda@yandex.ru.

Katsis Leonid Fridovich – Prof. Dr. (philology), Russian-American center for Bible and Jewish Studies, Russian State University for the Humanities, katsis@gesharim-msk.ru.

Kiyanskaya Oksana Ivanovna – Prof. Dr. (history), department of literature criticism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, kianoks@inbox.ru.

Kudryavtseva Tatiana Mikhailovna – postgraduate student, Russian History of the 19th and early 20th Centuries department, Lomonosov Moscow State University, lwindheim@gmail.com.

Kutarenkova Tatiana Sergeevna – postgraduate student, department of literary criticism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities; the newspaper of the Parliamentary Assembly of the Union of Belarus and Russia “Soyuznoe veche”, sub-editor, kutarenkova@yandex.ru.

Leontyeva Elizaveta Vladimirovna – postgraduate student, department of literature criticism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, wistlee@gmail.com.

Odesskaya Margarita Moiseevna – PhD (philology), associate professor of the Center for studying Russian as a foreign language, Russian State University for the Humanities, odes@inbox.ru.

Odessky Mikhail Pavlovich – Prof. Dr. (philology), chair of the department of literature criticism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, modessky@mail.ru.

Parsamov Yury Vadimovich – post-graduate student, department of literary criticism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, parsamyan@yandex.ru.

Pavlova Svetlana Vasilyevna – postgraduate student, department of literature criticism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, svpavlova85@gmail.com.

Susdorf Elvira Alexandrovna – postgraduate student, department of literary criticism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, elja-s@list.ru.

Voloshina Svetlana Mikhailovna – applicant for candidate degree, department of literature criticism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, S.M.Voloshina@gmail.com.

Yavorskaya Elena Leonidovna – deputy director for science of the Odessa Literary Museum, yavors@i.ua.

Заведующая редакцией *Е.Е. Жигарина*

Художник номера *В.Н. Хотеев*

Корректор *Н.К. Егорова*

Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Формат 60×90^{1/16}.
Усл. печ. л. 17,6. Уч.-изд. л. 17,0.
Тираж 1050 экз. Заказ № 24.

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru